

A.A. PISKOPPEL

**THE CONFLICT
INTERACTION**

METHODOLOGY AND THEORY

MOSCOW
2013

А.А. ПИСКОПШЕЛЬ

**КОНФЛИКТНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ**

**МОСКВА
2013**

УДК 159.938
ББК 88.53

Ї34 Пископпель А.А.

Конфликтное взаимодействие. Методология и теория. – М.: Наследие ММК, 2013. – 194 с.

В основу общетеоретического взгляда на конфликты, представленного в монографии, положена идея о «регулятивной» природе и источнике конфликтов. Используя методологию оргдеятельностного подхода, автор последовательно разворачивает онтологию конфликтных явлений за счет интерпретации социальных конфликтов как базовых и выражающих саму суть конфликтных отношений как таковых. Показано, что использованный подход позволяет объединить предметные теории различных видов конфликтного взаимодействия, а также рассматривать не только элементарные, но и сложные конфликты с участием интегративных субъектов социального действия разной степени общности.

ISBN 978-5-98808-017-6

УДК 159.938
ББК 88.53

ISBN 978-5-98808-017-6

© Пископпель А.А., 2013



Содержание

Введение	7
Глава 1. Конфликт как социокультурное явление	
1.1. Конфликтология как научно-теоретическая дисциплина	12
1.2. Основные подходы к конфликтам	30
1.3. Типологическое понятие конфликта	40
Глава 2. Элементарная модель первичного конфликта как деструктивного противодействия	
2.1. Нормативность и креативность социального взаимодействия	55
2.2. Основные структурно-функциональные элементы конфликта	59
2.3. Конфликтная ситуация	65
2.4. Динамика конфликта	81
2.5. Есть ли у конфликта функции?	89
2.6. Конструктивные и деструктивные конфликты	94
Глава 3. Конфликт как процесс социального взаимодействия: этапы и уровни	
3.1. Артификация первичного конфликта	99
3.2. Методологическая идея рефлексии	104
3.3. Нелинейная схема артифицированного конфликта	108
Глава 4. Переговоры как коммуникативно-мыслительный уровень конфликта	
4.1. От методической к теоретико-методологической рефлексии опыта переговоров	113
4.2. Переговоры в оргконфликтном подходе	123
Глава 5. За пределами социальных конфликтов	
5.1. От «конфликтности» личности к «конфликтной личности»	132
5.2. Интрапсихический конфликт	139
5.3. Межэтнический конфликт и осевая реальность	149
Глава 6. Инструментальный конфликт как форма и средство организации проблемно-ориентированной мыследеятельности	
6.1. Конфликт как мыследеятельность	164
6.2. Инструментальный конфликт	170
Заключение	183
Литература	186

Введение

Слово «конфликт» на слуху и на языке у любого представителя современного общества. Без него не обходится ни один серьезный разговор на сколько-нибудь значимые для человека темы, что наглядно демонстрирует, что мы живем в мире, наполненном конфликтами, сопровождающими всю нашу жизнь от рождения до смерти. Не удивительно, что о конфликтах за самое последнее время написано море литературы — достаточно «зайти» в Интернет (наше современное «свет мой зеркальце скажи») и набрать это слово в качестве ключевого, чтобы убедиться: счет сайтов, где говорится о конфликтах, идет на десятки миллионов.

К сожалению, выход на передний план и неослабевающий общественный интерес к темам, так или иначе связанным с конфликтами, непосредственно демонстрирует хроническое неблагополучие, присущее и нашей общественной, и личной жизни, повсеместный рост как внутриличностной, так и социальной напряженности в современном мире.

В обыденной жизни и социальной практике люди, как правило, редко затрудняются с квалификацией тех или иных событий в качестве конфликтов, руководствуясь при этом интуицией и здравым смыслом. В разного рода житейских, практических ситуациях, возникающих повсеместно, именно они являются основой взаимопонимания в процессах непосредственного взаимодействия между людьми. Эти интуиция и здравый смысл складываются у отдельного человека на основе как освоения родового, так и выработки индивидуального жизненного опыта. Их синтез в индивидуальном сознании обычно именуют «личным знанием», его конкретное содержание у разных людей существенно варьируется и зависит от бесчисленного числа внутренних условий и внешних обстоятельств биографии человека.

Родовым опытом современный человек овладевает, прежде всего, получая образование в институционально организованном процессе социализации подрастающих поколений в рамках национальных государств современного общества. И по самому своему смыслу это именно та часть человеческого опыта, которая в силу своей общности, универсальности и исторической оправданности обеспечивает взаимопонимание и взаимосогласие между разными во всех

других отношениях людьми, по крайней мере по интенции и своей направленности. Та же часть личного знания, которая складывается на основе индивидуального опыта, является наиболее разнообразной и зачастую несопоставимой у разных людей, как бывают несопоставимыми их жизненные пути и судьбы. Чем значительнее социокультурная дистанция между людьми, тем большими оказываются «разночтения» в этой части личного знания и тем труднее найти людям общий язык, опираясь на эту часть их личного знания.

Конфликты между людьми по большей части и связаны с подобными разночтениями смысла индивидуального опыта, особенно опыта тех форм взаимодействия, которые опознаются и признаются человеком в качестве конфликтных. Чем большими окажутся такие разночтения при отнесении тех или иных жизненных явлений к конфликтам при истолковании их причин и сути, тем меньше надежды на взаимопонимание и продуктивное взаимодействие между людьми. Поэтому одним из основных направлений нормализации конфликтных отношений является увеличение объема той части личного знания, которая представляет родовой опыт, а основным источником такого опыта в современных условиях являются научно-технические формы рационального знания.

Осознание значимости выработки научно фундированных знаний о конфликтах возникло сравнительно недавно и проявилось прежде всего в том, что многие традиционные социально-гуманитарные науки обзавелись соответствующими специализированными дисциплинами и направлениями (политология конфликта, социология конфликта, психология конфликта, этнология конфликта, педагогика конфликта и т.п.) и, обнаружив в своих эпистемологических закромах неявно существовавшие знания о специфических конфликтах, взялись исполнять социальный заказ на их пополнение.

Почти одновременно и наряду с ними возникло достаточно представительное научное движение, отстаивающее идею разработки общей конфликтологии и, соответственно, представление об общности конфликтных явлений как в социальной, intersубъективной, так и в индивидуальной, intrасубъективной, сферах. Из-под пера представителей этого движения вышло немало работ практического и методического толка, где обобщается разнообразный опыт участия конфликтологов в разрешении конкретных конфликтов и разрабатываются исследовательские, аналитические, проектные, консультативные, тренинговые и т.п. процедуры. Поэтому границы области деятельности участников этого движения на практике гораздо шире *конфликтологии* — сферы собственно научно-теоретического знания — и охватывают более широкую область — область *конфликтоведения*.

При всей значимости результатов конфликтоведческих практик гораздо скромнее выглядят результаты собственно теоретической, конфликтологической работы в этой сфере. Разобщенность и фрагментарность теоретического знания выражается здесь как в радикальном сомнении части конфликтологов в самой возможности существования общей теории конфликтов, так и в наличии многих «частных» теорий применительно к тому или иному эмпирическому типу конфликтов, имеющих между собой мало общего. В результате общетеоретические конфликтологические работы напоминают скорее хрестоматию, демонстрирующие разнообразие подходов, концепций, языков описания в разных дисциплинах, чем оригинальные теоретические разработки; часто это — попытки синкретически соединить эти жанры между собой, с одной стороны, на достаточно формальных, а с другой — полуэмпирических основаниях.

Когда в научно-технической сфере появляется потребность в разработке не столько тех или иных конкретных теоретических схем, сколько основ самого теоретического видения и освоения реальности, превращения ее в специфическую действительность, рано или поздно начинают оформляться собственно теоретические дисциплины. Так складывались такие дисциплины, как теоретические физика и химия, теоретическая биология, теоретическая социология, теоретическая психология и т.п. На наш взгляд, этот путь должно пройти и современное конфликтоведение в поисках своего места в ряду других областей научно-теоретического знания и гуманитарных практик, руководствующихся таким знанием.

Хотя конфликтоведение сравнительно молодая область знания и практики (ей немногим больше полувека), литература, посвященная конфликтам, труднообозрима. Какой же смысл в том, чтобы добавить к этому списку еще одну работу, посвященную конфликтам?

Непосредственным поводом для издания этой книги стало убеждение, что хотя и нет недостатка в конфликтологических работах, описывающих и обобщающих опыт разрешения разного рода конфликтов, последовательно проведенных теоретических разработок в этой области, в рамках которых были бы предприняты усилия из ограниченного количества предпосылок чисто теоретически развернуть картину конфликтных явлений, не так уж и много. И если это можно, с полным на то основанием, утверждать даже по отношению к «частным» научным теориям тех или иных гуманитарных дисциплин, то тем более это верно в отношении общеконфликтологической теории. Здесь можно указать на достаточно распространенное среди конфликтологов сомнение в самой возможности существования, да и нужности общей теории конфликтов.

В этой книге не стоит искать рецептов разрешения тех или иных конкретных или даже типовых конфликтов и рекомендаций для их участников. Теоретическая работа имеет дело не с эмпирическими, а с идеальными объектами, не описывает *реальность* чувственно-предметного *опыта*, а конституирует *действительность* научно-теоретического *знания*. Теоретические знания являются инструментами, позволяющими, говоря традиционным философском языком, отделять в явлениях их сущность от существования и сосредотачивать внимание на сущности явлений, представляя ее в виде автономных идеальных объектов.

При этом следует иметь в виду, что, вообще говоря, существует несколько разных вариантов упорядочения таких категорий, как *существование*, *бытие*, *действительность*, *реальность*. Более того, существуют различия и в терминологическом оформлении этих категорий, когда, скажем, термины «реальность» и «действительность» оказываются в обратном отношении друг к другу у разных авторов. Здесь же мы имеем в виду противопоставление «*реальное* — *действительное*», в рамках которого «реальность» объемлет собой весь чувственный практический опыт человека, во всей его полноте, а «действительность» объемлет собой лишь те стороны и аспекты этого опыта, которые можно в мышлении и деятельности объективировать в качестве самостоятельных сущностей, образующих относительно замкнутый, самодостаточный, внутренне упорядоченный и подчиненный определенной всеобщей и необходимой связи особый мир (хронотоп). Здесь действительность по отношению к реальности есть частная, особая, упорядоченная, законосообразная реальность.

Выделение и конституирование тех или иных действительностей обретает смысл в целях упорядочения, придания необходимого характера тем или иным связям и отношениям нашего опыта. В частности, именно таким путем в рамках научно-познавательной деятельности решается задача интеграции, объединения каких-то сторон человеческого опыта за счет подчинения их «законам» той или иной науки. Но «законы» разных действительностей — это разные и не сводимые друг к другу «парциальные» законы. «Образующие» же чувственного практического опыта человека «принадлежат» сразу многим действительностям, «объединяют» их лишь те или иные социокультурные «практики» в соответствии со своей «логикой» и применительно к специфике разрешаемых ими практических задач.

В этой работе предпринята попытка изложения общетеоретического взгляда на конфликты, исходя из вполне определенной онтологии социокультурных явлений и из фундаментальной идеи о «регулятивной» (в отличие от «предметной») природе и источнике кон-

фликтов, выраженной в оргдеятельностной их модели. Естественно, выбирая другие онтологические основания и фундаментальные идеи о природе конфликтов, можно развернуть и другие теоретические их модели. Как и везде в современной науке, приоритетными в конечном счете окажутся теоретические модели в наибольшей степени внешне (эмпирически) оправданные и внутренне (логически) согласованные. Но для того чтобы иметь возможность выбирать среди них наиболее продуктивную, нужно как минимум их иметь.

В принципе, можно было выбрать одну из двух основных стратегий обсуждения проблем теоретического конфликтоведения.

Одна из них — наиболее последовательная и логически фундаментальная — потребовала бы теоретико-методологического развертывания и конкретизации представления о конфликтах на основе категориального и онтологического их рассмотрения как особого вида *мыследеятельности* — как родовой абстракции коллективного социального взаимодействия — в соответствии с основными принципами СМД-подхода. В этом случае уже опубликованные тексты автора о различных аспектах конфликтологической проблематики не могли бы быть использованы вообще или потребовали бы кардинальной переработки.

В настоящей книге выбрана другая стратегия. В основе ее — ряд опубликованных статей автора, посвященных отдельным проблемам и аспектам теоретического конфликтоведения. Из попытки объединить эти отдельные работы в определенное полнообъемное целое и родился замысел этой книги. К идеям и принципам СМД-подхода автор напрямую обращается лишь там, где они оказываются необходимыми для такого объединения и выработки общего взгляда на особенности конфликтного взаимодействия.

Глава 1

Конфликт как социокультурное явление

1.1. Конфликтология как научно-теоретическая дисциплина

Где и когда бы ни заходила речь о человеке, об отношениях между людьми, рано или поздно возникает и слово конфликт, как бы фиксируя одно из наиболее характерных проявлений человеческой жизнедеятельности. Конфликт обнаруживают в отдельных планах «внутреннего мира» (души) человека и в межличностных отношениях детей и взрослых, внутри организаций и между ними, в межэтнических и межгосударственных отношениях, в мирное и военное время.

Неудивительно поэтому, что мы встречаемся с так или иначе оформленным понятием конфликта во всех «человековедческих» (гуманитарных) дисциплинах. А в ряде случаев, скажем для современной психологии – общей и социальной, а также в психологией личности, характерно признание конфликтной проблематики в качестве если не ведущей, то фундаментальной.

Хотя конфликтам посвящено немало работ, как концептуального, так и эмпирического плана, практически в каждой из них присутствует если не мысль, то ощущение отсутствия общепризнанного понимания («определения») сущности конфликта, невозможности охватить единым понятием всю совокупность причисляемых к конфликтам явлений.

Чаще всего это ощущение находит выражение во всякого рода оговорках о неполноте и противоречивости подобных явлений и связывается со сложноорганизованным характером человеческого поведения и самой социальной действительности. Соответственно, и надежды в этом случае возлагаются на дальнейшее накопление и обобщение «знаний» о конфликтах и об «анатомии» человека и его мира.

Но какого «накопления» знания можно ожидать, складывая в одну корзину и формально связывая между собой такие феномены, как военный конфликт, художественный конфликт, международный конфликт, региональный конфликт, этнический конфликт, межнациональный конфликт, конфликты в коллективах школьников, педагогических коллективах, конфликты в спорте, педагогический конфликт, социальный конфликт, трудовой конфликт, криминальный конфликт, конфликт поколений, конфликт между личностью и группой, конфликт с законом, моральный конфликт, нравственный конфликт и т.п.? Что их все объединяет, кроме самого слова «конфликт»

и подразумеваемого «столкновения оппозиционных начал»? Возможна ли позитивная «теория столкновения оппозиционных начал», если речь не идет о философской мысли?

До сравнительно недавнего времени содержание слова «конфликт» связывали с разрушительными, патогенными событиями в социокультурной сфере, межличностных отношениях или в глубинах бессознательного. И только со второй половины XX века — согласно распространенной точке зрения, с работ М.Фоллет конца 40-х гг. — возникает устойчивая тенденция пересмотреть это его традиционное содержание таким образом, чтобы оно в равной мере было приложимо и к позитивным, и к негативным жизненным явлениям, и тем самым лишить его, по возможности, заведомо отрицательного и вообще оценочного привкуса.

Поначалу эта тенденция подспудно проявляла себя в подчеркивании того эмпирического обстоятельства, что «реальные» социальные или внутриличностные события никогда не бывают однозначными, и в призывах посмотреть на конфликты как на явления, способные выполнять и некоторые положительные функции — мол, у такого рода в целом негативных событий есть аспекты, которые могут быть оценены положительно. А затем в отстаивании точки зрения, что это вообще суть такие явления, которые могут играть как отрицательную, так и положительную роль в организации жизни и что все их множество может быть разделено на конфликты конструктивные и деструктивные, в зависимости от условий и обстоятельств их проявления. Появились концепции (в частности, концепция «позитивно-функционального конфликта» Л.Козера), стремящиеся эту «положительную» роль сделать если и не основной, то явно приоритетной.

С работ Л.Козера и Р.Дарендорфа современные конфликтологи обычно и начинают отсчет существования конфликтологии как самостоятельной науки. Они относят этих авторов ко «второму поколению» классиков конфликтологии, указывая на связь развиваемых ими представлений с идеями К.Маркса и Г.Зиммеля, которые «заложили ее основы». Именно к этим последним возводят взгляд на саму «природу» социальной действительности как на конфликтную по преимуществу.

В качестве одной из этих основ рассматривается обычно развитый К.Марксом взгляд на общество и общественное развитие как на арену непрерывной борьбы между враждующими классами эксплуататоров и эксплуатируемых, которая и является главной движущей силой истории. А утверждение неизбежности и продуктивности насилия в обществе в качестве «повивальной» бабки истории прочитывается как «конфликтная» модель общества.

Эта модель предполагает, что в основе общественной жизни лежат объективные полярные классовые интересы, при нехватке ресурсов неизбежно приводящие в обществе, разделенном на классы, к революционному классовому конфликту и структурным социальным изменениям.

Конфликтологи, ориентирующиеся на эти общесоциологические идеи К.Маркса, оформляют их, согласно Дж.Тернеру, по отношению к любым и всяким социальным конфликтам в виде ряда онтологических полаганий:

- «Несмотря на то, что социальные отношения проявляют свойства систем, они все же изобилуют конфликтными интересами.
- Это обстоятельство свидетельствует о том, что социальная система систематически порождает конфликты.
- Следовательно, конфликт является неизбежным и очень распространенным свойством социальных систем.
- Подобные конфликты имеют тенденцию проявляться в полярной противоположности интересов.
- Конфликты чаще всего происходят из-за недостаточности ресурсов, особенно власти.
- Конфликт — главный источник изменения социальных систем» (Тернер 2001, с. 23).

Если для К.Маркса характерен общественно-исторический взгляд на социальные процессы, то Г.Зиммель тяготел как к органицизму, так и к психологизму в своей трактовке природы общественной жизни. Вклад Г.Зиммеля связывают с высказанной им идеей, что конфликт может играть позитивную роль в общественной жизни и приводить к социальной интеграции (ассоциации в противоположность диссоциации). Причем эта интеграция, по Зиммелю, достигается за счет канализации органически присущей человеку враждебности, проявление которой способно усиливать социальную солидарность.

С этой идеей у Г.Зиммеля связан и ряд других онтологических полаганий (допущений):

- «Социальные отношения складываются лишь в системном контексте, воплощением которого служит только органическая взаимосвязь процессов ассоциации и диссоциации.
- Подобные процессы одновременно являются выражением, как инстинктивных импульсов акторов, так и императивов, продиктованных различными типами социальных отношений.
- Следовательно, конфликтные процессы — это очень распространенная черта социальных систем, однако они далеко не обязательно и отнюдь не во всех случаях приводят к разрушению системы и/или социальным изменениям.

· Действительно, конфликт – это один из главных процессов, которые служат сохранению социального целого и/или некоторых составляющих его частей» (*там же*, с. 23).

Сравнивая и оценивая взгляды на конфликты К. Маркса и Г. Зиммеля, Дж. Тернер приходит к выводу, что «несмотря на то, что и Маркс, и Зиммель считали конфликт широко распространенным и необходимым свойством социальных систем, принятые ими допущения относительно природы общества в корне отличались друг от друга: Маркс подчеркивал антагонистический характер конфликтов, а Зиммель – его интегративные последствия» (*там же*, с. 30).

В заслугу Л. Козеру и Р. Дарендорфу ставится создание самой возможности собственно научного изучения конфликтов, прежде всего за счет более строгого их определения и разработки специализированной проблематики. В результате понятие конфликта начинает отделяться от социологического понятия «борьбы», приобретает более определенное содержание и более конкретное описание. Конфликт перестает быть абстрактным (как в описаниях «первого поколения») явлением, он обретает конкретную феноменологию и конкретные рамки своего существования в социальном пространстве.

Описывая социальный конфликт как борьбу за ценности, власть и ресурсы, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба и уничтожение соперника, Л. Козер настаивал, что «социальный конфликт отнюдь не представляет собой только “негативный” фактор, ведущий к разрыву и распаду; он может выполнять ряд определяющих функций в группах и межличностных отношениях» (*Козер 2000*, с. 32). В частности, он может служить не ослаблению, а усилению адаптации групп и т.п..

Естественно, что подобные идеи о позитивных функциях конфликта в некотором объемлющем социальном целом Козер развивал и обсуждал исходя из представления о конфликте как определенном социокультурном *событии*. Это представление о конфликте «самом по себе» охватывало широкий спектр конкретных явлений, где на одном полюсе расположились явления «полностью институционализированные», т.е. регулируемые конфликты, а на другом – «абсолютные» конфликты, «цель которых состоит не во взаимном урегулировании, а в тотальном истреблении противника»¹. Фактически, у Л. Козера конфликтом оказалась *любая* форма социального *взаимодействия*, основанная на *противодействии* его субъектов, и в этом

¹ Представляется весьма симптоматичным и многозначительным, что в качестве основания упорядочивания спектра возможных конфликтных событий Л. Козер выбирает характер их «нормативной регуляции».

отношении он выступил продолжателем линии К.Маркса и Г.Зиммеля в трактовке содержания понятия конфликта.

Идеи о позитивных функциях конфликта были направлены против дискриминации явления конфликта и его однозначной трактовки как явления вредного, опасного, свидетельствующего о «патологии», «болезни» социального организма. Они подготовили почву для утверждения основных принципов современной конфликтологии — признания конфликтов в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, а также для утверждения принципиальной возможности управления конфликтами» (Гришина 2008, с. 41).

Подобные содержательные инновации возникли не на пустом месте, а стали внешним выражением процесса, в ходе которого понятие конфликта из дескриптивного (феноменологического) и периферийного стало концептуально перерабатываться в одно из базовых понятий для ряда культурно-антропологических дисциплин и претендовать на одно из центральных мест в деле построения их теоретических систем. Так, по сути дела, вся политическая социология США в 1960-х г.г. распалась на два блока: «конфликтную школу» и «школу консенсуса» (Преториус 1991, с. 140). Наряду с появлением новых предметно-дисциплинарных областей типа этнологии, политологии, социологии или психологии конфликта предпринимаются попытки оформления общей «теории конфликта» и специализированной дисциплины — «конфликтологии». Ее появление было тесно связано с осознанием кризиса узкопредметной разработки конфликтной проблематики. «Становится все более очевидным, что никакая предметная область, ни социология, ни психология, ни математика, не в состоянии “ухватить” и достаточно операционально описать в своем языке это явление» (Хасан и др. 2001, с. 43).

Сложилась и непрерывно растет область конфликтопрактики с обслуживающей ее разветвленной институциональной и гуманитарно-технологической инфраструктурой. Уже к середине 90-х г.г. в одних только «США насчитывается около 400 разного рода конфликтологических проектов и программ» (Гостев и др. 1996).

Все это, как уже отмечалось, позволяет рассматривать совокупность междисциплинарных связей и отношений, так или иначе выстраиваемых вокруг и по поводу конфликтных тематики и проблематики, в качестве интегративных связей широкого общенаучного движения (наподобие информационного, системного, экологического и т.п.), имеющего общие направленность и концептуальный базис. Если иметь это в виду, то действенные анализ и оценка любых, даже частно-предметных,

теоретических представлений о конфликтах не могут не затрагивать и представлений общеконфликтологических, на которые так или иначе ориентированы все отдельные течения такого движения, вносящие свой специфический вклад в общее дело, и которыми все они так или иначе опосредованы. Справедливо это для работ в любой частной области конфликтологии, всегда так или иначе предполагающих или отсылающих к тем общим представлениям о конфликтах, на которые авторы этих работ опираются. Но при всей содержательной оправданности подобной установки возможность ее реализации на практике отнюдь не очевидна. И не очевидна прежде всего потому, что сами эти общие представления о сущности конфликта представляют собой не данность, а скорее задание и далеки от общезначимости.

Среди внушительного множества работ, посвященных конфликтным отношениям и конфликтам, не так уж много таких, которые бы специально обсуждали понятийный аппарат и предоставляемые им возможности для адекватного и продуктивного теоретического обсуждения конфликтов как особых явлений в кругу других культурно-антропологических феноменов.

Казалось бы, разрабатываемые в конфликтологии и смежных с нею дисциплинах «теории конфликтов» и должны выполнять эту необходимую работу в той мере, в какой они рекомендуют себя в качестве наук, изучающих, под определенным углом зрения, человека и общество. Но как раз их влияние на основную массу работ во все увеличивающемся потоке конфликтологической литературы мало заметно.

Что же это за работы? Подавляющее их большинство однозначно ориентировано на описание и так называемый «анализ» вполне конкретных социальных (или внутриличностных) событий, опознаваемых (на явно предъявляемом или неявно подразумеваемом основании) как конфликтные.

Поскольку подобного рода события довольно сложно «устроены» и, как правило, «размазаны» в пространстве-времени, подобные описания сами зачастую скрывают в себе конфликты, сочетая в себе языки и принципы схематизации социологии и психологии, политологии и этнологии и т.д., «замазывая» образующиеся между разными фрагментами «описания» концептуальные «швы» правдоподобными рассуждениями, основанными на здравом смысле. В результате, прогностическая и праксеологическая ценность подобных «анализов» оказывается всецело зависимой от искусства аналитиков, а не от их фундирования объяснительными принципами той или иной «теории конфликтов».

В чем же теоретическая слабость современных теорий конфликтов?

На сей счет существует целый спектр мнений, начиная с тех, которые отрицают возможность теоретического воспроизведения таких сложных культурно-антропологических явлений, как конфликты², и кончая теми, которые отрицают необходимость в каком либо объективном знании, полученном вне и помимо самого реального конфликта³. Как бы ни оценивались эти мнения сами по себе, их наличие зримо свидетельствует об общей неудовлетворенности состоянием конфликтологии. И эту неудовлетворенность легко понять, ведь, по сути дела, «теории конфликта» являются не теоретическими, а метатеоретическими по своему смыслу.

Долгие годы официальная советская идеология и вслед за ней отечественная общественная наука отрицали существование значимых конфликтных явлений в жизни советского общества в силу отсутствия в нем так называемых «антагонистических противоречий» между различными субъектами общественной жизни. Теперь перед нами прямо противоположная картина, когда везде и во всем обнаруживают конфликты и их проявления. Самые разные социальные и внутриличностные события опознаются как конфликты, и, следовательно, предполагается (а вернее полагается), что они принадлежат одной и той же области явлений. А это, по интенции, означает, что все они имеют одну и ту же сущность, по-разному проявляющуюся в зависимости от тех или иных внешних обстоятельств и внутренних оснований.

В какой мере подобные предположения оправданны?⁴

Опыт методологической рефлексии социально-научных движений (а в лице современных конфликто-графии и конфликто-логии мы имеем дело с социально-научным движением междисциплинарного толка, а не с предметно ограниченной областью теоретических и практических исследований и разработок), их смысла и значения показывает, что подобным движениям в равной мере присущи и собственно междисциплинарные и интегративные тенденции — стремление к новому предметно-теоретическому единству — и тенденции

² См. например: «Мы... в уверенности, что можем научно осмыслить какие-то социальные конфликты, рационально их контролировать. Нужно только постараться. Но я совсем в этом не уверена» (Социальные... 1991 с. 23)

³ Ср.: «Проработку понятийного аппарата нужно рассматривать лишь как самую общую и предварительную задачу, а настоящее теоретическое движение происходит в процессе раскрытия характерных особенностей реальных конфликтных отношений и ситуаций» (Социальные... 1991 с. 33).

⁴ Для того чтобы показать дефициентность подобного подхода, мы воспользуемся материалами дискуссии на «круглом столе», посвященном проблемам социальных конфликтов, организованном в 1991 г. Институтом социологии АН СССР и Международным центром общечеловеческих ценностей.

к использованию в качестве основания такой интеграции вполне конкретного и частичного внутридисциплинарного логико-эпистемологического идеала (см.: *Щедровицкий* 1981).

Грубо говоря, каждый из интегративных субъектов такого движения, представляющий интересы частного предметно-определенного подхода и дисциплины, «тянет одеяло на себя». Не подвергая сомнению ни правомерности, ни неизбежности подобных «патриотических» усилий, можно лишь сомневаться в их продуктивности, продуктивности совместных усилий «лебеда, рака и щуки»⁵.

Ведь какова ни была бы конкретная определенность, выделяемая в конфликтах, по ее поводу мы всегда обнаружим два прямо противоположных суждения⁶. Если «конфликт имеет место лишь в том случае, когда острое напряжение, противоречие осознано и притом двумя сторонами...» (*Шаленко* 1991 с. 22.), а «характерной чертой социальных конфликтов в условиях нашей... системы... является то, что мы имеем дело с иррациональными столкновениями такого рода, когда реальные цели этих столкновений осознаются плохо или слабо...» (*Федотова* 1991, с. 58.), то либо такое понятие конфликта дефицитно для существенной области социальных явлений, либо подобного рода события «в условиях нашей системы» не являются конфликтами.

Можно ли построить общезначимую и продуктивную программу изучения и разрешения конфликтов, если для одних существуют, «есть способы выявления, высветления конфликтов... И задача ученых, общественности в том, чтобы помочь их высветить, все их стороны, а затем найти адекватную форму их разрешения, точнее, разрешения тех противоречий, которые лежат в их основе» (*Новикова* 1991, с. 31.), а для других – «основное для науки – прояснение конфликта, а не активное участие в нем, и рекомендаций в отношении конфликта поэтому не должно быть. ... [И] ученые должны понимать, что сделать они могут очень мало. Потому, что разрешение конфликта возможно... только на нерациональной основе» (*Горелов* 1991, с. 53)?

Ведь когда одни убеждены, что «нельзя говорить только об устранении конфликтов, а необходимо иметь в виду в определенных ус-

⁵ Сторонники генерализованного понятия конфликта должны бы и эту ситуацию рассматривать как конфликт, а всякого рода «круглые столы» и обсуждения в качестве его моделей.

⁶ Приведенные ниже суждения высказаны в процессе обсуждения проблем социальных конфликтов, организованного Институтом социологии, Центром конфликтологии и Международным центром общечеловеческих ценностей в 1991 г. (см.: *Социальные...* 1991, 1992).

ловиях их стимулирование также» (Эфирова 1991, с. 30), а другие полагают, что «это стимулирование не конфликтов, а определенных общественных отношений» (Новикова 1991, с. 49), то явно что-то не в порядке «в датском королевстве».

В подобном случае нужно обладать изрядным чувством оптимизма, чтобы заявлять: «Мне не очень нравится, когда творческая мысль долго бьется только вокруг вопроса о понятиях. Мы уже хорошо знаем на опыте, что при отсутствии содержательных мыслей как раз и начинают выяснять понятия» (Витюк 1991, с. 33). При этом, очевидно, полагают, что «содержательные мысли» можно отделить от «понятий», как мух от варенья.

Конечно, такое столкновение противоположных взглядов само по себе обычное явление, когда мыслительному (и не только мыслительному) освоению подлежат новые предметные области, явно не вмещающиеся в рамки уже сложившихся дисциплинарных подходов. Однако симптоматично, что подобное столкновение происходит преимущественно на эмпирическом уровне репрезентации такого рода явлений и осознанно или, чаще всего, неосознанно препятствует их концептуализации. Причем смысл и значение концептуальной проработки отрицается на основании, которое, казалось бы, указывает на ее насущную необходимость — социальные конфликты якобы слишком сложные, многообразные и ситуативные явления, чтобы их можно было «схватить» и выразить с помощью ограниченных, грубых и универсальных понятийных средств и присущих им способов схематизации и идеализации ⁷.

Больше того, зачастую отрицается сама возможность рационального (т.е. не только научного, но и вообще разумного) их освоения на том основании, что они либо вообще иррациональны по своей «природе», либо представляют собой неразрывное единство рационального и иррационального ⁸.

К чему в итоге способны привести подобные установки?

⁷ Подобные суждения прямо противоречат основному методологическому принципу научно-познавательной деятельности, главное назначение которой как раз и «состоит в том, чтобы свести удивительное к обычному; чтобы показать, что сложность, если смотреть на нее под верным углом зрения, оказывается всего лишь замаскированной простотой; чтобы открыть закономерности, скрывающиеся в кажущемся хаосе» (Саймон 1972, с. 9).

⁸ В этом случае речь идет уже не о специфике той или иной предметности, формы социального бытия как такового, а о различных мировоззренческих ориентациях, в значительной степени безразличных к способам своего опредмечивания, а значит, обсуждать их здесь вряд ли уместно.

Вот, например, результаты обсуждения возможных оснований возникновения межнациональных конфликтов, среди которых усматриваются: стремление к перераспределению ресурсов и оборонных средств; приватизация; несовпадение этнических, национальных и культурных границ; осуществление права наций на самоопределение и прав личности; соотношение между властью и народом в национальных общностях; отсутствие гармонии между национальными интересами; формирование разного типа рыночных отношений; исламизация и вестернизация; борьба новых политических элит; пауперизация населения; разнообразие представлений людей о национальном достоинстве и национальном достоинстве⁹.

Какой вывод напрашивается сам собой при взгляде на этот мозаичный список причин и оснований конфликтов? Наверное, тот, что подобное перечисление оснований наглядно демонстрирует, что эмпирической почвой конфликтов (т.е. *поводом*, а не *причиной*, как это иногда полагают) может быть любая предметная определенность общественной жизни. А это одновременно означает, что сущность конфликта инвариантна подобным определенностям самим по себе и не может быть выявлена путем их непосредственного сопоставительного эмпирического анализа. Поэтому, какие бы аргументы не приводили противники концептуализации и теоретизации подобных явлений, из подобного воздержания ничего родиться не может, и эмпиризм здесь так же бесплоден, как и в любой другой области сознательной деятельности.

Тем не менее, современная конфликтология — одна из наиболее быстро прогрессирующих отраслей гуманитарного знания и востребованных обществом социально-психологических практик. Она дифференцируется по направлениям и областям, неуклонно умножаются ряды конфликтологов, появляются все новые международные профессиональные объединения и организации, выходят специализированные журналы, ежегодно множится количество учебных курсов и учебников. То, что рост налицо, не вызывает сомнений, но в какой мере этот рост является развитием, т.е. интенсивным, а не экстенсивным ростом профессионального сообщества и освоением новых подведомственных территорий?

Что собой представляет современная конфликтология? Это, фактически, не один, а два вопроса: один — о том, что собой представляет конфликтология «здесь и теперь», другой — о тенденциях ее эволюции и программах развития.

Ответы на первый вопрос неоднозначны: «отрасль науки (социологии)» (Дудченко 1996); самостоятельная (молодая) «наука»

⁹ См. : Социальные конфликты... 1991, 1992.

или «научная дисциплина» (Анципов 2000; Буртовая 2002, *Политическая ...* 2002); «комплексная научная дисциплина» (Чумиков 1997, Зеркин 1998); «техническая дисциплина» (Хасан 2003); «совокупность исследований» (Степанов 1998); «область, объединяющая разнообразные теоретические и практические подходы» (Гришина 2008)¹⁰.

«Совокупность» и «область», на наш взгляд, более адекватно характеризуют ее современный статус, нежели квалификация ее в качестве мононаучной или даже комплексной научной дисциплины. Другими словами, это скорее лишь достаточно широкое общенаучное «движение» (наподобие информационного, системного, экологического и т.п.) (см.: Лископпель 2002). Другое дело — программные установки, ориентирующие развитие этой «области» в сторону более или менее определенного логико-эпистемологического идеала. И они, в большинстве своем, явно тяготеют к развитию конфликтологии в качестве комплексной научной дисциплины¹¹.

Только в свете такого идеала могут оказаться справедливыми подобные оценки хода и результатов ее развития: «не удалось попытаться построить единую концептуальную схему описания всех видов конфликтов, создать общую теорию конфликта, построить единую универсальную типологию конфликтов (Гришина 2008, с. 47). Более того, Н.В.Гришина вынуждена констатировать, что за прошедшие два десятилетия не произошло никаких значимых изменений, «прорывов» в отечественных разработках проблематики конфликта ни в те-

¹⁰ Ср., например: «Однако все же — что собою представляет конфликтология? Одни видят в ней особую, относительно самостоятельную науку, которая возникла на стыке социологии, психологии и психиатрии; другие считают ее комплексной научной дисциплиной, объединяющей в единую систему “не связанные между собой исследования конфликта, которые ведутся в рамках военных наук, искусствоведения, истории, математики, педагогики, политологии, правоведения, психологии, социобиологии, социологии, философии и некоторых других наук (например, психиатрии, экономики)”. Одни конфликтологи определяют ее как “науку о причинах, формах, динамике социальных конфликтов и путях их разрешения и предупреждения”; другие — как “науку о психогигиене социальных и межличностных отношений”. Некоторые ученые вообще не склонны называть конфликтологию наукой, полагая, что она есть область практической деятельности» (Конфликтология... 2001, с. 11).

¹¹ Правда, существует и скептическая позиция относительно возможности осуществления подобного идеала на практике: «... странным кажется надеяться на некую универсальную науку под именем «конфликтология» и ожидать эффективного переноса практического опыта из одной культуры в другую» (Бородкин 1999, с. 52).

оретическом, ни в практическом плане и первоначальный энтузиазм неопитов явно уменьшился.

Отмечая непреодоленные за эти годы методологические трудности и отсутствие оригинальных теоретических подходов, она связывает сложившееся состояние отечественной конфликтологии с тем, что, сосредоточившись (что было вполне оправданно для первых ее шагов) на освоении зарубежного опыта, она не смогла предложить оригинального понимания конфликтологических теории и практики применительно к современной стадии культурно-исторического развития российского общества.

В результате, «разочарование, вызванное недостаточной эффективностью усилий специалистов, приводит к тому, что в столь очевидно перспективной области, как психология конфликта, нет существенного теоретического развития, а подготовка в практической области в основном сводится к тренинговым процедурам» (Гришина 2008, с. 13).

Если всерьез относиться к подобному экспертному заключению, а его автор отнюдь не одинок в такой оценке сложившейся ситуации в отечественной, да и не только в отечественной конфликтологии, то самое время остановиться, оглянуться¹², проверить на прочность те базовые методологические предпосылки, которые направляли и определяли развитие конфликтологических теории и практики и стали само собой разумеющимися для подавляющего большинства конфликтологических работ.

Если конфликтологическая практика не очень озабочена содержанием понятия «конфликт», то в любой работе, так или иначе претендующей на теоретическую значимость, этому содержанию всегда уделяется специальное внимание – практически в каждой из них присутствует мысль об отсутствии общепризнанного «определения» конфликта, понимания его сущности, о невозможности охватить единым понятием всю совокупность причисляемых к конфликтам явлений и т.д. В итоге, почти каждый автор, не довольствуясь существующими определениями, переводит на свой язык, корректирует и уточняет определения других авторов, уве-

¹² Ср.: «Особенность современной ситуации в подходах к конфликту и его описаниям состоит в кризисе монопредметных попыток. Становится все более очевидно, что никакая предметная область, ни социология, ни психология, ни математика, не в состоянии “ухватить” и достаточно операционально описать на своем языке это явление. Этот кризис, по-видимому, пользуясь выражением Л.С. Выготского, вошел в открытую фазу, так как появились попытки критически пересмотреть общую теорию конфликта» (Хасан 2003, с. 60)

личивая существующее разнообразие интерпретаций этого термина-понятия.

Объясняют подобную разноголосицу, обычно указывая, с одной стороны, на повсеместное употребление термина «конфликт» в обыденной жизни и на невозможность отделить это обыденное употребление от «научного», с другой – на разнообразие, сложность, неполноту и противоречивость самих подобных явлений, с третьей – на сложноорганизованный характер человеческого поведения и самой социальной действительности, с четвертой – на многозначность социально-гуманитарного знания как такового и, соответственно, на изучение конфликтных явлений разными гуманитарными дисциплинами с разных точек зрения и т.п.

Нельзя сказать, что все эти суждения неосновательны. «По факту» они вполне адекватно выражают широко распространенное осознание наличной ситуации, но из «сущего», как известно, нельзя вывести «должного». Важна не только и не столько констатация существующего положения дел, сколько те выводы, которые из него можно сделать. А выводы обычно делаются разные. Самый распространенный – возложение надежд на преодоление подобных трудностей за счет дальнейшего накопления и обобщения «знаний» о конфликтах и об «анатомии» человека и его мира, и лишь во вторую очередь – на теоретико-методологические штудии.

Не разделяя, но и не отрицая правомерности подобных надежд, следует все же озаботиться вопросом: а не коренится ли большинство трудностей работы с понятием конфликта в установке самого познающего сознания, явно или неявно определяющего характер концептуализации? Или, другими словами, не носят ли они, прежде всего и преимущественно, методологический характер?

Оформление конфликтологии (т.е. ее обособление в качестве предметно-тематической области исследований и разработок, становление специализированного концептуального аппарата, образование научно-дисциплинарного сообщества и т.д.) при всем разнообразии трактовок ее положения и статуса обычно относят к середине XX века. При этом сам термин «конфликт» с его денотатом, практика его употребления в различных сферах духовной и общественной жизни сложились задолго до появления на свет конфликтологии¹³. К тому времени он (вернее семантическое гнездо синонимических терминов) уже прочно обосновался в социально-философских учениях, в социологии и психологии и через них вошел в концептуальный аппарат

¹³ Одни авторы исторических экскурсов в историю конфликтологических идей и практики обнаруживают рекомендации по разрешения конфликтных

практически всех гуманитарных дисциплин, обретая на этом пути новые значения и смыслы¹⁴.

Весь этот понятийно-терминологический багаж достался в наследство конфликтологии, и она пытается с переменным успехом им рационально распорядиться.

Каждая из соответствующих дисциплин вполне могла бы ограничиться своим понятием конфликта и, соответственно, пониманием явлений, относимых к конфликтам, да на практике так и происходит¹⁵. Но конфликтология не может этим ограничиться, поскольку тогда ей не останется места под солнцем наряду с социологией и психологией конфликта, политической и педагогической конфликтологией, этноконфликтологией и т.п. Ее существование и развитие напрямую зависит от возможности разработки общего понятия, проблематики, концептуального аппарата, теории и т.д. конфликта. Такова судьба всех «общих» дисциплин, являющихся в логическом (теоретико-методологическом) плане основанием «частных» наук, а исторически возникающих после них¹⁶.

Проблематичность существования и статуса конфликтологии на правах «общей» дисциплины (науки) редко осознается. Обычно ее генезис описывается «бесконфликтно» и незатейливо, естественным образом. Мол, история человеческой цивилизации — это череда бесконечных конфликтов, возникавших между людьми, социальными группами, классами, народами (нациями), государствами и т.п. Люди, так или иначе, эти конфликты разрешали частным кустарным образом на основе опыта и житейской мудрости. С появлением современной науки те или иные виды конфликтов стали описываться и анализироваться «научно» (социальная философия, история, социология, психология и т.д.). Наконец, возникает потребность в систематическом анализе всех значимых для общества конфликтных отношений,

ситуаций в законах Хаммурапи (1792 – 1750 гг. до н.э.) и в деяниях легендарного царя Соломона (965 – 928 гг. до н.э.), другие – в учении Лао-Цзы (579 – 499 до н. э.), третьи – Гераклита Эфесского (535 – 475 до н. э.) и т.д.

¹⁴ Согласно науковедческим изысканиям к 90-м гг. XX века как самостоятельное явление конфликт «изучался» уже в одиннадцати научных дисциплинах (правоведение, искусствоведение, исторические науки, педагогика, политические науки, психология, социобиология, социология, философия, математика, военные науки) (Анцупов 2000).

¹⁵ Подобная ситуация воспроизводится в рамках самих дисциплин. Так, содержания понятий конфликта в социальной психологии и в психоанализе имеют между собой мало общего.

¹⁶ Историко-методологический анализ этой ситуации использован Л.С.Выготским для обоснования его программы общей психологии (Выготский 1993).

и тут появляется на свет конфликтология для удовлетворения этой насущной потребности.

Проблематичность этого описания проявляется лишь косвенно, в характеристике конфликтологии как комплексной или междисциплинарной области «науки», предполагающей ассимиляцию и синтез конфликтологических знаний «частных» предметных дисциплин. А это возможно только на основе теоретико-методологических средств, способных обеспечить «объединение существующих пока практически изолированно друг от друга одиннадцати отраслей конфликтологии» (Анциупов 2000).

Включение в свой состав частных наук на правах своих отраслей или предметных областей предполагает формирование эмпирического базиса (области явлений) конфликтологии, включающего их эмпирические базисы. Но между эмпирическими базисами разных конфликтологических областей и практик, т.е. множествами явлений, маркируемых в качестве «конфликтных», существуют качественные различия. Ведь не в последнюю очередь именно по этой причине разные конфликтологические дисциплины руководствуются и разными понятиями конфликта. В результате конфликтология оказывается перед проблемой разработки такого понятия и теоретической схемы конфликта, которые способны были бы охватить явления, трактуемые на одном конце спектра как «зооконфликты», а на другом — как «конфликты цивилизаций».

Успехи современной конфликтологии в этом направлении более чем скромны и удовлетворяют они немногих. С теоретико-методологической точки зрения эта проблема на современном этапе решается сугубо формально и *ad hoc*. На уровне эмпирического базиса это делают за счет разного рода типологий и классификаций, трактующих эмпирический базис «частных» конфликтологических дисциплин как «виды» или «аспекты» конфликта «вообще», объясняя явную несопоставимость подобных «видов» и «аспектов» их разноуровневым характером. На понятийном уровне — за счет поиска такой общей дефиниции конфликта, которая бы формально-логически могла выполнять роль родовой по отношению к «частно-предметным».

Классификации и типологии — процедуры, лишь частично нормируемые — имеют дело с такой неопределенной «материей» как «явления», и предъявлять однозначные претензии к подобному способу их «систематизации» и «ассимиляции» довольно затруднительно. К тому же свой специфический вклад конфликтология связывает с полнотой и целостностью описания конфликтных явлений, как если бы эти характеристики описаний являлись безотносительными.

Более очевидны результаты логико-методологической проработки конфликтологических понятий. В основном они сводятся к попыткам согласовать частные дефиниции за счет формально-логического абстрагирования и такого обеднения их содержания (обычно эта процедура именуется «обобщением»), чтобы эта общая дефиниция сугубо лексико-грамматически «налезала» на все частные¹⁷. Но это — путь, подменяющий понятийную работу терминологической. Конечный результат такого «обобщения» — искомая дефиниция, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, «звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт — это столкновение чего-то с чем-то» (Васильюк 1984, с. 42). Отсюда и весьма критическая современная оценка этих многолетних усилий: «ни одно из определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений лишь частью конфликтной феноменологии, либо из-за многозначности используемых формулировок» (Гришина 2008, с. 22).

Малая продуктивность подобных усилий не является неожиданной, потому что, фактически, это — попытки объединить не отрасли конфликтологии, а области употребления термина конфликт. Но это возможно только в предельных категориальных локусах — или на уровне философской рефлексии при сведении понятия конфликта к категории противоречия¹⁸, или на уровне обыденного сознания. Конечно, категория *противо-речия* (*противо-положности*) является базальной для понятия конфликта, но теория конфликта не может быть «теорией противоречий», поскольку, как справедливо замечено А.Г.-Здравомысловым, «отождествление противоречий и конфликтов уводит исследователя от постановки задач социологического (не только социологического — А.П.) анализа реальных конфликтов, растворяет частное в общих понятиях» (Здравомыслов 1993, с. 13)

Проблемы становления конфликтологии как комплексной дисциплины отнюдь не заключаются лишь в поиске обобщенной дефиниции конфликта. Понятие конфликта здесь лишь средство для решения проблем синтеза разнопредметных «знаний о конфликтах»,

¹⁷ К сожалению, мало что можно добавить в характеристике этих попыток к тому суждению, которое было сформулировано почти тридцать лет назад Р.Макком и Р.Снайдером: «термин “конфликт” представляет собой “резиноподобное” понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях» (Неципоренко 1982, с. 38-39).

¹⁸ См., например: «конфликт — это субъективная форма существования и развития объективных противоречий общественного процесса... Другими словами, конфликт суть субъективный «слепок» с объективных противоречий» (Иордан 1992, с. 111).

полученных (и получаемых) в частных конфликтологических дисциплинах, средство, без которого «комплексность» конфликтологии окажется лишь формально-организационной.

Но, как правило, эту проблему стараются не решить, а обойти за счет нехитрого приема объявления разных знаний о тех или иных явлениях, на достаточно формальных основаниях отнесенных к одному и тому же объекту изучения, знаниями о разных его «сторонах», оставляя открытым вопрос, как может существовать объект, обладающий такими несопоставимыми сторонами. «Разные направления классической психологии не просто предложили различные подходы к пониманию природы конфликтов, но и, исходя из своих концептуальных построений, фактически разрабатывали различные измерения данного явления. Психодинамические подходы с их вниманием к внутреннему миру личности обогатили своими идеями и опытом то, что может быть названо “аффективным” пространством конфликта, которое связано с чувствами и переживаниями людей. Ситуационные подходы работали с “поведенческим” измерением. Когнитивные подходы добавили к этому когнитивные факторы формирования как аффективного, так и поведенческого параметра, равно как и заставили воспринимать конфликт как более субъективный феномен, чем это предполагалось другими направлениями» (Гришина 2008, с. 78).

Конфликтология отнюдь не первая гуманитарная дисциплина, столкнувшаяся с методологическими проблемами становления в качестве «комплексной» дисциплины. Постановка и решение (решение) теоретико-методологических проблем, связанных с оформлением и становлением «комплексных» дисциплин в гуманитарной сфере, уже имеют свою традицию. Сравнительно недавно они интенсивно обсуждались в отечественной эргономике (см.: Проблемы... 1979). Их обсуждал, как отмечалось выше, уже Л.С.Выготский в своей программе общей психологии. В начале XX века они были камнем преткновения для психотехники и педологии (см.: Пископфель 2006).

Как общеметодологическая проблема метапредметного синтеза знаний эта проблема ставилась и разрабатывалась в СМД-методологии. В рамках ее системно-структурных средств и представлений решение проблемы синтеза предметно-теоретических знаний связывалось с особой процедурой построения синтезирующей структурной модели объекта-конфигуратора (Шедровицкий 1964).

Это – обобщенное представление (системно-структурная модель) объекта, снимающее в себе ряд более частных представлений, которые получены независимо друг от друга и не могут быть ни све-

дены друг к другу, ни выведены друг из друга. Такая модель-конфигуратор есть результат специальной процедуры – *конфигурирования*, – при которой исходные частные представления объекта рассматриваются как его проекции на разные логико-онтологические плоскости¹⁹.

Конфигурирование – сложная, неоднозначная и креативная процедура, но, тем не менее, у нее есть вполне определенная «логика». Отметим лишь некоторые ее общезначимые моменты.

Общеметодологический анализ условий продуктивного осуществления процедуры конфигурирования (синтеза разнопредметных знаний) показал, что ее *исходным пунктом* должны быть не предметные знания как таковые, а *структура* предполагаемого объекта-конфигуратора. И, наоборот, в общем случае эти предметные знания должны быть перестроены в соответствии со структурой предполагаемого объекта. Из этого в свою очередь следует, что структура объекта должна быть в первом приближении воспроизведена еще до того, как начинается работа по перестройке и синтезу имеющихся знаний.

Для создания такой предварительной структуры используется принцип «двойного знания», в соответствии с которым одно из частно-предметных знаний виртуально выполняет онтологическую функцию – играет роль не знания, а самого объекта. В зависимости от того, какое частно-предметное знание будет наделено онтологической функцией, будут построены разные модели-конфигураторы и осуществлен разный синтез предметных знаний.

Не все знания, относящиеся, по интенции, к одной эмпирической области явлений, могут быть объединены. Часть из них окажется по отношению к предварительной модели-конфигуратору знаниями о другом (других) объектах. Это разделение возникает в процессе вторичного соотнесения исходных знаний с полученной на их основе моделью, цель которого сделать их теоретически однородными и объединяемыми. Причем не только знания «подгоняются» к объекту (модель-конфигуратор), но и объект к знаниям. Эта рекуррентная процедура продолжается до тех пор, пока не удастся свести совокупность разрозненных знаний к единому сложному знанию, выводимому из структуры положенного (*пред-*положенного) объекта²⁰.

¹⁹ Эмпирическим материалом, на основе которого разрабатывались вопросы методологического анализа и синтеза разнопредметных знаний, была прежде всего история естествознания, история успешных решений тех задач, которые требовали оперирования не с одним, а с двумя или многими представлениями объекта.

²⁰ Исторические примеры подобного рода рекуррентных процедур в истории науки проанализированы И.Лакатосом (*Лакатос* 1995).

Результат подобного синтеза описывается как своеобразное «сплющивание» всех представлений и знаний об объекте, расположенных в разных уровнях и проекциях и потому непосредственно не сводимых одно к другому. Такое «сплющивание», «плоскостная» организация знаний, является необходимым условием построения сложного и единого теоретического знания об объекте.

Продуктивной подобная процедура синтеза знаний оказывается, если: 1) удастся собрать и объединить объективное содержание, зафиксированное в уже полученных ранее знаниях; 2) структура введена как «основание» и «источник» всех значимых познавательных и практических проявлений объекта; 3) на основе теоретической модели-конфигуратора и выраженного в ней предмета знания выводятся и тем самым обосновываются новые теоретически-сложные знания об объекте (*Щедровицкий* 1995) ²¹.

Нетрудно заметить, что предпринимаемые попытки решения проблем формирования комплексных конфликтологических знаний не на словах, а на деле в той или иной степени вынуждены следовать такой «логике». Осознанное же использование ее в качестве средств рефлексии способно, на наш взгляд, сделать ее более теоретически значимой и продуктивной.

1.2. Основные подходы к конфликтам

В современном конфликтоведении соседствуют самые различные подходы к анализу причин и оснований конфликтных явлений, при самом широком понимании содержания и самого понятия «подход», и понятия «конфликт». Это прежде всего подходы *предметно-дисциплинарные*, многообразие которых тесно связано с многообразием частно-предметных областей и направлений разработки конфликтной проблематики в различных социогуманитарных науках (философии, политологии, социологии, психологии, истории и т.п.). Как правило, они выступают прямым продолжением тех подходов к социокультурным явлениям, которые характерны для каждой из этих дисциплин и отражают их специфическое видение и отношение к соответствующей области явлений.

²¹ В тех случаях, когда предметно-теоретический синтез знаний оказывается невозможным или непродуктивным, синтез может носить не предметный, а метапредметный (например, оргдеятельностный) характер. Наиболее известный пример такого оргдеятельностного синтеза в сфере естественнонаучного знания — принцип дополнительности Н.Бора.

Основными и наиболее общими предметными подходами к изучению конфликтов являются *философский, социологический и психологический*, каждый из которых, в свою очередь, разбивается на ряд более дифференцированных подходов в соответствии с основными парадигмами, конкурирующими в референтных предметных дисциплинах и специфическими областями явлений, с которыми они по преимуществу имеют дело.

Философский подход, как наиболее всеобщий способ рассмотрения и объяснения человеческой истории, издавна был нацелен на познание причин непрерывных столкновений, споров и борьбы между людьми и их группами, войн между племенами, народами и государствами. Для ранней философской традиции было характерно усматривать причины этих раздоров непосредственно в «естественной» природе самого человека. Хотя по поводу этой «природы» существовали самые разные и даже противоположные представления. Так, скажем, для одних философов было очевидно, что человек «по природе» зол, эгоистичен и агрессивен (Т.Гоббс), и поэтому общественная жизнь это «война всех против всех», а для других (Ж.Руссо) — добр, миролюбив и отзывчив и искажают его светлый облик лишь дурные, «неестественные» общественные условия и обусловленные ими предрассудки.

Отмеченные еще Т.Гоббсом черты сходства социальных процессов с процессами, происходящими в животном мире, получили свое развитие и завершение в социал-дарвинизме, особенно после того, как Г.Спенсер связал понятие социального прогресса с дарвиновским принципом естественного отбора и неизбежным его следствием — «выживанием сильнейшего». В основе подобных представлений лежала предпосылка биологизаторского толка, что люди получили в наследство от животного мира его формы борьбы и социальная борьба является прямым продолжением борьбы за жизнь в царстве животных.

Следствием подобных взглядов на общество было признание непрерывной борьбы, и войны как ее высшего проявления, неизбежной и характерной чертой и едва ли не основной формой социальной жизни как таковой.

Идея общественного развития как непрерывной борьбы (классов) стала основной и для исторического материализма К.Маркса, сосредоточившего свое внимание на этой стороне общественной жизни и показавшего ее значение в человеческой истории. Поэтому современные конфликтологи усматривают историческую его заслугу в том, что он предложил «конфликтную модель общества» и выявил тотальный характер социальных конфликтов в его жизнедеятельности. К нему, наряду с Г. Зиммелем, они возводят основной философски значимый принцип современной конфликтологии — признание

конфликта в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений²². С идеями К.Маркса связано и то значение, которое придается в современной конфликтологии структуре распределения в обществе ресурсов власти и собственности как причине социальных конфликтов.

Социологический подход рассматривает конфликты под углом зрения их влияния на механизмы возникновения, развития и взаимодействия социальных структур, регулирующих характер человеческого взаимодействия в процессах войн, революций, социальных волнений, забастовок и т.п. форм разрешения возникающей социальной «напряженности».

Основными концептами в объяснительных причинных схемах являются здесь такие факторы общественной жизни, как социальные противоречия между людьми, принадлежащими к различным социальным группам, между их интересами, характер социального неравенства и обусловленная этим неравенством разница в удовлетворении базовых потребностей, рождающие социальную напряженность, ищущую выход и находящую ее в «конфликтах» разного рода.

Конфликт интерпретируется преимущественно как средство удовлетворения объективных потребностей на основе осознания противоречия интересов разных сторон социального взаимодействия, обусловленных неравенством их положений в социальной структуре общества, обеспечивающих и разный доступ к ресурсам существования и развития отдельных людей и социальных групп. А общей причиной конфликтов полагается неизбежное для современного дифференцированного и сегментированного общества несовпадение целей и интересов людей и соответствующих групп.

Психологический подход к конфликтам отличает, в основном, апелляция к психологической феноменологии, к таким субъективным явлениям как эмоции, мысли, мотивы, установки. Представление, что в основе конфликтных отношений лежат потребности и мотивы социального поведения человека, как ясно сознаваемые, так и скрытые в глубинах бессознательного, враждебные чувства, агрессивные инстинкты и т.п.. Соответственно и основное внимание при этом уделяется «внутренним» конфликтам, по образу и подобию которых истолковываются и так называемые межличностные, внутригрупповые и межгрупповые.

²² Ср., например: «Первоначальное формирование теории конфликта как определенной системы воззрений на природу общества, его устройство и развитие произошло, по общему признанию, под непосредственным влиянием работ Карла Маркса. К. Маркс является признанным предшественником современной конфликтологии, его идеи во многом разделяет большинство конфликтологов» (Гришина 2008, с. 36).

За пределами апелляции к явлениям внутренней жизни человека он представлен рядом направлений слабо согласующихся друг с другом и по факту предметно разделивших между собой конфликтную проблематику за счет выделения соответствующих «типов» конфликтов: психодинамических, мотивационных, когнитивных и т.п.

В гораздо меньшей степени представлено в нем направление выделяющее внешние, ситуационные факторы поведения человека в конфликтной ситуации, ориентированное в основном на варианты бихевиористской традиции в психологии и истолковывающее конфликт как форму агрессивного ответа на провоцирующие вызовы внешней ситуации.

Политология, история, этнология и т.п. дисциплины, так или иначе вводящие представления о конфликтах в свои объяснительные схемы, с одной стороны, используют содержания понятий, разрабатываемых преимущественно в основных подходах к конфликтам, а с другой, рассматривают через их призму специфический эмпирический материал своих исследований.

Скажем политологический подход имеет дело прежде всего с так называемыми «вооруженными конфликтами» между государствами и сосредоточивает свое основное внимание на механизмах политического урегулирования, мирного разрешения таких конфликтов. Это конфликты такого масштаба и уровня значимости для всего мира, что «технология мирного урегулирования конфликтов приобретает особое значение в современных условиях, становясь главным фактором сохранения и дальнейшего развития человеческой цивилизации» (Лебедева 1999, с.4)²³. Поэтому политология привносит в конфликтологию свою традиционную проблематику изучения проблем мира, сотрудничества путем переговоров, снижения международной напряженности и разрядки, переговоров по разоружению и т.п.

Все эти особенности обуславливают центрацию внимания здесь не столько на конфликтах как таковых, сколько на механизмах их урегулировании. При этом основное внимание уделяется урегулированию международных конфликтов или тех внутренних, которые становятся серьезной проблемой и приобретают международное значение.

К предметно-дисциплинарным подходам тесно примыкают подходы предметно-теоретические, являющиеся конкретизацией дис-

²³ Достаточно отметить, что по данным ООН, только за послевоенный период с 1945 по 1992 гг. более 100 основных вооруженных конфликтов в мире унесли жизни более 20 млн. человек.

циплинарных подходов применительно к особенностям предметного содержания. Среди которых, например, обычно выделяют подходы: *каузальный, функциональный, диалектический, целевой* (см., например, Шило 2001). В основе их противопоставления друг к другу лежит основная объяснительная категориальная схема (базисная категория) происхождения и развития конфликта, используемая при эмпирическом анализе такого взаимодействия или конструировании его концептуальной структуры – причинная, функциональная, телеологическая или диалектическая.

Сопоставление между собой предметно-дисциплинарных и предметно-теоретических подходов к конфликтам, выявление их сравнительных достоинств и недостатков, в силу различия их предметно-онтологических оснований представляет значительные трудности и в конечном счете упирается в проблему сопоставления оснований самих дисциплинарно и теоретически оформленных предметных содержаний. Тем более, что не существует никакой особой их специфики как подходов применительно именно к явлениям конфликта. Гораздо продуктивнее, на наш взгляд, сравнивать между собой не предметно-дисциплинарные и предметно-теоретические, а так или иначе используемые в конфликтологических исследованиях *теоретико-методологические* подходы к выделению и концептуализации конфликтных явлений.

При всем внешнем предметно-теоретическом многообразии различных истолкований содержания понятия «конфликт» и предлагаемых способов выделения и описания конфликтных явлений, с *теоретико-методологической* точки зрения можно выделить по крайней мере два основания и в каждом из них два базовых противопоставления, позволяющих типологически различить *четыре* конфликтологических подхода. В качестве подобных оснований достаточно использовать, с одной стороны, «общность», а с другой стороны, «модальность» содержания понятия конфликт. Тогда в зависимости от того, *генерализированным* или *специфицированным* (общность), *натуралистическим* или *действенным* (модальность) полагается содержание явлений, относимых к конфликтам, получит свою определенность и каждый из основных типологических подходов к их анализу и освоению.

Для походов, генерализирующих понятие конфликт, характерна отчетливая тенденция так или иначе отождествить его содержание с содержанием общефилософской категории «противоречия». Соответственно, везде, где обнаруживаются противоречия, *со-* и *противо-*стояние или конституирует сам конфликт (ценностей, целей, интересов, мнений, претензий, статусов, мотивов и т.п.), или высту-

пает в качестве причины конфликта²⁴. Для походов же, специфицирующих понятие конфликта, напротив, характерно закрепление за ним более узкой области явлений (социокультурных или индивидуально-личностных), в рамках которой отнюдь не всякое противоречие, да и никакое противоречие само по себе, еще не есть конфликт.

В частности, указывая на логическое противоречие между интеллектуальными (духовными) значениями, мы тем самым уже придаем им полную определенность. Категоризация этого противоречия как «логического конфликта» была бы просто тавтологией. Но даже и помещение такого противоречия в некоторое единое (внелогическое) «пространство», например в индивидуальное сознание, также *само по себе* еще не рождает конфликта (т.е. такого помещения недостаточно). Существуют состояния сознания или даже типы организации сознания нечувствительные к таким противоречиям. Но ведь и помещая моменты такого противоречия в разные сознания, мы также еще не обретаем автоматически конфликтную ситуацию, ибо носители этого противоречия могут никогда не узнать о существовании друг друга.

Эти соображения демонстрируют, что хотя вообще предположение, разделяемое всеми, кто так или иначе обращался к исследованию конфликтности, а именно, что необходимым условием существования такого явления как конфликт является наличие противоречия, а значит и существенное различие в рамках определенного единства, — принимают и генерализирующий и специфицирующий подходы, нет никакого особого смысла связывать содержание понятия конфликта с противоречиями, существующими только в плане статики, в статической действительности.

И наоборот, как в научной литературе, так и в практической деятельности представление о наличии конфликта чаще всего связывается с некоторым деянием, событийностью и синэргийностью (это всегда борьба, спор, столкновение и т.п.), в случае индивидуального сопровождаемые ярко окрашенными эмоциональными состояниями. То есть наряду с противоречием, с противоположными моментами этого противоречия для конфликта необходимо, чтобы эти моменты были противоположно направленными активностями (силами), *несовместимыми друг с другом*, чтобы они *сталкивались* в процессе обретения единства в предметном бытии — т.е. *взаимодействовали* в нем.

²⁴ Поскольку причина и ее следствия категориально однородны, это различие для нас здесь неважно для определения типологической специфики самого подхода. Поэтому, для выяснения вопроса о том какой из подходов разбивает тот или иной автор достаточно установить, что он рассматривает в качестве «причин» явлений, относимых им к конфликтам.

Но даже и этого недостаточно. Ведь и в механическом соударении двух тел проявляется вполне определенное онтологическое «противоречие» между ними — невозможность занимать одно и тоже место в пространстве. Но такое соударение никому не приходит в голову рассматривать как «конфликт», пусть даже и «механический»²⁵. Подобная квалификация была бы формальной и совершенно излишней, потому что противоположные стороны этого противоречия являются таковыми только для сугубо условного целого и в этом качестве не существуют друг для друга. Чтобы подобное стало возможным, стороны такого противоречия по крайней мере должны быть *субъектами* или *субъектными* (т.е. качествами, принадлежностями некоторых субъектов).

Обратимся к другому — «модальному» — основанию различения конфликтологических подходов. Для одного из них (натуралистического) характерно «квазиестественное» представление о конфликте как явлении, непосредственно следующем из самой «природы» человека и общества. Здесь предполагается, например, что конфликты присущи «социальной материи» как таковой и поэтому принципиально неотделимы от общественной жизни и свойственной ей борьбы интересов за власть и ресурсы путем нейтрализации соперника, нанесения ему ущерба или его уничтожения. В психологически ориентированных вариантах такого подхода или при анализе механизмов конфликтных отношений на индивидуально-личностном уровне при этом часто обнаруживают их укорененность и в самой человеческой «природе» — в якобы изначально присущих человеку инстинктах вражды, агрессии и стремлении к эскалации насилия²⁶.

Квазиестественное отношение к конфликтам одновременно предполагает, что отнюдь не сами по себе, а только по своим последствиям они могут быть целесообразными или нецелесообразными, конструктивными или деструктивными. В них видят гарантии неизбежности социальных изменений и один из основных механизмов

²⁵ На наш взгляд, психоаналитическое и психофизиологическое содержания понятия конфликта гораздо ближе к такому «механическому конфликту» нежели к «социальному».

²⁶ По поводу корректности подобного использования понятия агрессии В.Франкл заметил: «Трудности возникают и с понятием агрессии, будь то биологическое понятие, по Конраду Лоренцу, или психологическое — по Зигмунду Фрейду. Эти понятия неподходящи и неадекватны, потому что они совершенно отрицают интенциональность как присущий человеку феномен. В действительности в пределах моей души нет такой вещи, как агрессия, ищущая выхода и вынуждающая меня, ее “жертву”, искать объекты, которые послужили бы для ее “отреагирования”» (Франкл 1990, с. 326).

развития социокультурных систем или духовного роста. Для подобного подхода характерно утверждение конфликта в качестве «нормального» явления общественной жизни. Именно при таком их понимании, скажем, полагают, что «конфликт, таким образом, есть общее понятие для демократии и рынка», а «выявление и развитие конфликта в целом — полезное и нужное дело» (*Здравомыслов 1995, с. 4*)²⁷.

В своем предельном выражении этот подход к конфликтам отождествляет их или с социальным *взаимодействием* как таковым, и тогда конфликт выступает в качестве атрибутивного аспекта (плана) любого социального действия/взаимодействия, или с таким взаимодействием, в котором субъекты взаимодействия *противодействуют* друг другу. Такая позиция вступает в противоречие с тем обстоятельством, что при такой интерпретации содержания понятия конфликта на эмпирическом уровне, признаваемый в качестве «полезного и нужного делу», нередко сопровождается ненавистью и насилием, кровью и разрушениями.

Как же представители этого подхода справляются с такого рода дефициентностью? Конфликт в таких случаях рассматривается как амбивалентное явление и в нем выделяется такое качество, как *регулируемость* со стороны некой объемлющей надсистемы (субъекта), с которой связываются возможности позитивной функции конфликта. Именно эта объемлющая надсистема оказывается носителем позитивной социальности, и от нее в конечном счете оказывается зависимым то или иное влияние конфликтов на нашу жизнь.

На этом, в частности, настаивают сторонники оптимистического взгляда на возможность разрешения конфликтов, полагающие, что если ими грамотно и умело управлять, то они могут становиться источниками личностного или социально-организационного развития. Напротив, пессимисты, о которых речь уже шла выше, склонны рассматривать конфликты как заведомо слишком сложные, многообразные и ситуативные явления для управления, поскольку они либо вообще иррациональны по своей «природе», либо представляют собой неразрывное единство рационального и иррационального. Другими словами, они отрицают само существование или возможность возникновения (путем «конструирования» или «выращивания») объемлющих надсистем, способных направить энергию конфликтов в по-

²⁷ В этом случае, на наш взгляд, или не видится, или не используется различие *нормального* и *обычного*. Правонарушения разного рода, алкоголизм и наркомания — явления, к сожалению, обычные для современного общества, но признание их в качестве нормальных стало бы началом конца самой общественной жизни как таковой.

зитивное русло влияния на личную или общественную жизнь. Но и оптимисты, и пессимисты неявно исходят из того, что подобные регуляторы находятся за пределами самих конфликтов и впервые вносятся в конфликтную ситуацию объемлющей надсистемой. Сами же по себе так понимаемые конфликты не обладают какой-либо собственной регулятивной структурой и собственными регуляторами и представляют собой в этом отношении своего рода чистый и неоформленный социально-психологический «материал».

Напротив, для действенного (деятельностного) подхода характерно представление о регулируемости как о внутренней определенности любого акта (деятельности), вне и помимо которой он оказывается за пределами социально-психологической сферы как таковой²⁸. И в этом плане надсистемы, способные регулировать конфликты, типологически ничем не отличаются от самого конфликта как системы социального действия (взаимодействия). Более того, эта типологическая идентичность только и позволяет им выполнять регуляционную функцию в тех случаях, когда разрешение конфликта происходит за счет усилий со стороны объемлющей надсистемы. В противном случае произошло бы отторжение этой надсистемы от конфликтной точно так же, как это происходит в случае имплантации чужеродной ткани в живой организм.

Среди разных вариантов деятельностного подхода (культурно-исторический, культурно-нормативный, нормативно-деятельностный, системодейятельностный, организационно-деятельностный и т.п.) мы избрали и будем использовать организационно-деятельностный подход как наиболее адекватныйого конфликтным явлениям.

Здесь и далее термины *«деятельность»* и *«действие»* будут употребляться преимущественно как синонимы, обозначающие одно и то же понятие, за исключением тех случаев, когда понадобится их различать и противопоставлять друг другу. Такое двойное употребление обусловлено и лингвистическими, и содержательными соображениями. В частности, тем, что с легкой руки Толкотта Парсонса с его «теорией социального действия» в социологии и социально-культурной антропологии термин «действие» прижился с тем значением,

²⁸ Деятельностный (действенный) подход здесь – это подход, организация и осуществление которого регулируются принципом деятельности и деятельностной картиной мира, картиной мира социокультурных явлений, в отличие от природных. В качестве базовой категории при этом выступает деятельность как начало («субстанция») особого рода – через которую, с помощью которой и в формах которой усваивается и присваивается как окружающая человека действительность, так и его собственный внутренний мир.

которое в отечественной социальной философии и СМД-методологии закрепилось за термином «деятельность».

Широкое эмпирическое разнообразие черт и особенностей конфликтных явлений заставляет многих присоединяться к мнению Р.Дарендорфа, что «общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно». Казалось бы, из подобного представления следует, что раз общей теории конфликта быть не может, то, следовательно, надо переосмыслить само представление о месте теории в системах социокультурного знания и действия²⁹. Однако это не помешало тому же Р.Дарендорфу давать оценки типа «теория конфликта все еще находится в зачаточном состоянии», писать работы «О теории социального конфликта» и т.п. и предъявлять требования к разработке такой «научной теории». Другими словами, само осознание *проблемы* не оказывает существенного влияния на попытки построения теории конфликта по образцу естественнонаучных теорий.

Но продуктивно ли подобное механическое воспроизведение пусть и оправдавшего себя в истории науки образца в иной сфере или существуют и другие, более продуктивные, возможности? Ведь даже современная философия естественных наук вынуждена вводить новые представления о динамике научного знания, отказываясь рассматривать теорию в качестве основной логико-эпистемологической организованности современной науки и вводя целый спектр новых организованностей – таких, как «парадигма» (Кун), «исследовательская программа» (Лакатос), «тематическое пространство» (Холтон), «эволюционирующая популяция понятий и объяснительных процедур» (Тулмин), «исторический системный ансамбль» (Хьюбнер) и т.п.

Одна из возможностей связана с разработкой в рамках СМД-методологии понятия «подхода» как особой логико-эпистемологической единицы организации мышления и деятельности (мыследеятельности)³⁰. Такое преобразование широко распространенного термина с неопределенным содержанием в методологическое понятие связано с тем ограничением, что теория как способ организация знаний, который сложился в постгалилеевской науке нового времени, всегда предполагает существование гомогенизированного, однородно построенного и противопоставленного человеческой деятельнос-

²⁹ Ср., например: «Вкратце суть вышесказанного состоит в том, что ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями» (*Deutsch* 1973, p. 15).

³⁰ См., например: (*Щедровицкий* 1973).

ти объекта. И если оказывается, что построить гомогенизированный объект невозможно или невозможно противопоставить его деятельности (объективировать) как таковой, то и теория о таком «неклассическом» объекте в принципе невозможна. Но ведь теория как способ организации знания не самоцель и в конечном счете есть лишь определенный способ передачи опыта нашей деятельности из одной ситуации в другую, причем выработанный в рамках познавательной деятельности и созвучный лишь натуралистической мыследеятельностной позиции в ней.

Оформить понятие подхода как особого способа работы и описания гетерогенных объектов — это значит представить его как иную форму передачи опыта нашей деятельности. Согласно развиваемой в СМД-методологии *идеи подхода* он рассматривается в качестве формы организации разных *средств* мыследеятельности за счет объединения схематизма объекта с «привязанными» к нему процедурами (которые собственно и свёрнуты в объектном схематизме) и соответствующих тактик и стратегий композиции и декомпозиции алгоритмов работы. Здесь *объектный схематизм* подхода от *объекта* теории отличается прежде всего тем, что является лишь способом организации деятельности, функциональным, а не субстанциональным образованием, схемой, а не моделью ³¹.

1.3. Типологическое определение конфликта

1.3.1. Взаимодействие: содействие и противодействие

Достаточно очевидно, что при всей содержательной взаимосвязанности и терминологической общности последовательное проведение каждого из существующих подходов к конфликтам неизбежно требует их оформления через *разные понятия*, по разному же вычленяющие и соответствующую *область явлений*, относящихся к конфликтам, что в принципе требует и разного терминологического оформления. Но в сфере научного познания терминологические проблемы никогда не разрешаются изолированно, и та или иная терминология утверждается исторически, и только вместе с одержавшим верх подходом к решению содержательных проблем. А до этого конфликтологии еще далеко, и каждый из упомянутых подходов претендует на

³¹ Эти идеи были использованы в практике организации и проведения организационно-деятельностных игр (ОДИ) в целях создания конфликтных ситуаций как необходимых моментов проблематизации коллективной мыследеятельности по решению задач и проблем (см.: *Щедровицкий* 2004).

то, чтобы термин «конфликт» был закреплен за понятием, выражаемым именно в нем.

Поэтому, не подвергая сомнению право каждого из подходов и на свое видение этой реальности, и на свое концептуально-терминологическое ее выражение, в свою очередь заметим, что нам не представляется удачной ее деаксиологизация.

Хотя в чисто конструктивном залоге она возможна, за ней просматривается неявный, а иногда и явный натурализм. Именно им в конечном итоге обусловлен отказ от трактовки смысловой стороны конфликтности как социокультурного феномена аксиологического модуса категоризации подобных явлений (отрицание того, что по отношению к ним с самого начала осмыслена шкала оценок: полезное/вредное; позитивное/негативное; желательное/нежелательное), т.е. стремление рассматривать их объективированно как природо- и социо-образные, а оценивать лишь их результаты. Предполагается, что конфликты суть явления, неотделимые от общественной жизни, от борьбы интересов за власть и ресурсы, борьбы путем нейтрализации, нанесения ущерба и уничтожения соперника (L.Coser), а источники этого противоборства, как уже отмечалось выше, усматриваются в человеческой «природе» – в присущих человеку инстинктах вражды, агрессии и стремлении к эскалации насилия³².

«Естественное» отношение к конфликтам одновременно предполагает, что отнюдь не сами по себе, а только по своим последствиям они могут быть целесообразными или нецелесообразными, конструктивными или деструктивными (точнее сказать: только их последствия, а не они сами по себе). В них видят гарантии неизбежности социальных изменений и один из основных механизмов развития социальных систем (или духовного роста)³³. Напротив, если аксиологический модус мыслится необходимо присущим конфликтам самим по себе, они неизбежно рассматриваются как нежелательные, разрушительные, вредные явления (социальной или душевной жизни).

Какой же из двух подходов предпочтительней в деле разработки концептуальной базы теоретической конфликтологии? Речь идет

³² Другим, более социологизированным, вариантом может быть представление общественной жизни, стоящей на «трех китах» – господстве, конфликте и подавлении (Р.Дарендорф). При этом источники конфликта ищутся в распределении властных отношений в обществе, в том, что одни имеют власть, а другие ее не имеют.

³³ Ср., например: «В социальной напряженности выражается потребность в обновлении, изменении существующей жизнедеятельности, актуализированная, по крайней мере, у одной социальной группы. Конфликт – средство этого изменения» (Головкин 1991, с. 39–47).

именно о приоритете, а не о принципиальной возможности построения такой теории, ибо ни для первого, ни для второго подхода противопоказаний для построения соответствующей теории нет (хотя это «будут» теории разной степени общности). У обоих подходов есть свои сильные и слабые стороны.

Исповедуя натуралистическую (естественную) установку по отношению к конфликту, мы избавляемся от необходимости так или иначе решать проблему относительности ценностных суждений, вынося эту проблематику за непосредственные пределы теоретической схематизации. Но платой за это облегчение теоретической задачи становятся значительное расширение области явлений теории (а тем самым и уменьшение ее внутренней связности) и натурализация парадигмы гуманитарного знания³⁴. В то же время, хотя учет аксиологического измерения социокультурных феноменов как неотъемлемой компоненты такой парадигмы и усложняет теоретическую задачу, он суживает область проявлений конфликтности и тем самым позволяет более или менее однозначно определить и область ее предметной отнесенности.

Существование подобной альтернативы и необходимость сознательного выбора характерны для всех дисциплин, имеющих дело с социокультурными явлениями. Противопоставление естественнонаучного и гуманитарного знания, наук о природе и наук о культуре, наук номотетических и идеографических, наук понимающих и объясняющих, свободных от ценностей и аксиологически ориентированных — тема перманентного дискурса и в самих гуманитарных науках, и в современных философии и методологии науки.

У обеих точек зрения есть авторитетные сторонники и весомые аргументы. Скажем А. Маслоу, вставший на сторону *ценностно-обусловленной* психологии, решительно противопоставлял ее *естественнонаучной* психологии — свободной от ценностей, механистической. «Я убежден, — писал он — что свободная от ценностей, ценностно нейтральная, избегающая ценностей модель науки, унаследованная нами от физики, химии и астрономии, где было необходимо обеспечить чистоту данных и одновременно отстранить церковь от научных дел, совершенно не подходит для изучения жизни. Еще более драма-

³⁴ Кроме того, нам представляется, что связывать конфликты с общественным прогрессом — это то же самое, что связывать здоровье человека с его болезнями. Конечно, после перенесенной болезни человек часто начинает усиленно следить за собой, закаляться, заниматься физкультурой и т.п., но «заслуга» болезни лишь в том, что она заставляет осознать ценность здоровья и необходимость его поддерживать, сама по себе она лишь подрывает здоровье. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

тичной оказывается неприспособленность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личностных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки – предсказанию и управлению» (Маслоу 1999, с. 5).

Может быть, эти усилия избавиться от ценностной проблематики и были бы оправданными, если бы они не оказались в значительной степени иллюзорными – поскольку реальным их результатом стала не элиминация такой проблематики, а лишь ее смещение и перелицовка. Она возродилась вновь, хотя и в несколько ином виде, в самом различении конструктивных и деструктивных конфликтов, в проблематике изучения факторов, определяющих развитие конфликтов по конструктивному или деструктивному пути, и в поиске способов сделать их продуктивными. Поэтому для нас вполне приемлема традиционная, «устаревшая» точка зрения, базирующаяся на установке, что по отношению к подобным культурно-антропологическим событиям с самого начала осмысленна ценностная шкала (полезное/вредное; позитивное/негативное; желательное/нежелательное и т.п.).

Есть еще одно обстоятельство, которое так или иначе определило этот выбор. Оно связано с очерчиванием той центральной предметной области (области самосопряжения) в которой употребление понятия «конфликт» является наиболее органичным, а выделение его простейшей и всеобщей формы (теоретической единицы) наиболее очевидным. У каждого научного понятия есть такая область, за пределами которой его употребление всегда обладает той или иной степенью неопределенности и метафоричности. Явное или неявное выделение такой центральной области предшествует любой концептуализации и в значительной мере определяет ее продуктивность. В данном случае в качестве области самосопряжения конфликта для нас выступает область *социального действия*, а точнее, такая его видовая определенность, как *социальное взаимодействие*. Другими словами, *конфликт – это прежде всего социальный конфликт*, и степень осмысленности употребления понятия конфликта по отношению к явлениям другого порядка непосредственно зависит от их уподобления конфликту социальному, от их квазисоциальности.

Такая исходная посылка не закрывает возможности использования такого понятия конфликта, скажем, и по отношению к событиям «внутреннего мира» человека. В этом случае внутренний конфликт может быть истолкован как процесс субъективации «вокруг» отдельных, противоположных образующих личности человека или, другими словами, как процесс функционального расщепления, по-

явления в ней квазисубъектов, борющихся за восстановление утраченной целостности. Тогда именно квазисубъективность таких процессов, типологически воспроизводящих в них черты социального действия, может служить тем, что отличает их от внутренних, но природосообразных процессов типа, например, «борьбы» разных мышечных групп за овладение общим двигательным полем при построении движений. Ибо субъективация всегда предполагает консолидацию и объединение (внутренних) ресурсов вокруг некоего «ядра» и стремится захватить в свою орбиту всю личность³⁵. Отсюда и драматизм внутренних конфликтов, фрустрирующих человека.

Хотя деаксиологизация понятия конфликта стала приоритетным направлением его разработки, но и противоположная точка зрения вносила определенный вклад в теоретико-методологический дискурс вокруг содержания этого понятия, правда, чаще всего, не в прямой, а в косвенной форме. Такого рода оппонирование проявилось, в частности, в различных вариантах различения конфликта, сотрудничества, конкуренции (соревнования), кооперативных и конкурентных отношений и связей и т.п.³⁶ Использование в конфликтологической сфере концептов, обязанных своим происхождением политэкономическим категориям, отнюдь не случайно, так как существует точка зрения, что «конфликт как социальное явление впервые был проанализирован в работе Адама Смита “Исследование о природе и причинах богатства народов” в 1776 г.» (Краснов 1992, с. 15).

Тем не менее, различение *конфликта* и *соревнования* никогда, на наш взгляд, не отличалось ни последовательностью, ни однозначностью, ни общезначимостью. Скажем, для популярной в западной социальной психологии позиции М.Дейча характерно, что конфликт и конкуренция – и «как категории и как явления» – разносятся по разным «сферам реальности». Конкуренция выступает в качестве объективной характеристики *ситуации взаимодействия*, а конфликт – *межличностных отношений* (Deutch 1973). Тем самым *со-* и *противопоста-*

³⁵ Используя здесь понятие субъекта (квазисубъекта), мы ориентируемся на ту традицию, в рамках которой «так называется под-лежащее, то, что как основание собирает все на себя. В этом метафизическом значении понятия субъекта нет вначале подчеркнутого отношения к человеку и тем более к Я» (Хайдеггер 1986, с. 95).

³⁶ «Некоторыми авторами определение межличностных конфликтов как продиктованных конкурентной ситуацией критикуется за происходящее при этом смешение понятий конфликта и противоречия. Позитивные моменты этой практики переросли в методологически существенное и ныне общепризнанное в западной литературе противопоставление конфликта, с одной стороны, и конкуренции (соревнования), с другой» (Донцов и др. 1980, с. 120).

вительный характер различения, по сути дела, оказывается утраченным. С этой точки зрения более продуктивной представляется позиция Р.Акоффа и Ф.Эмери, использующих «правилосообразность» для различения конфликта и соревнования (вернее конфликта и сотрудничества, с одной стороны, эксплуатации и соревнования, с другой). Но и их позиция, восходящая к трактовке соревнования как *ограниченного конфликта* Д.Кацем и Р.Шенком (*Katz & Schanck 1938*), усматривает в соревновании «элементы конфликта», хотя бы и ограниченные правилами, и тем самым последовательно не проводит их противопоставления как видовых различий внутри определенной родовой сущности.

Мы же, со своей стороны, именно в противопоставленности конфликта и конкуренции (соревнования), и причем на аксиологической основе, видим основной смысл этого различения. Но таким оно может стать только после своего рода концептуального «перформатирования».

Выше уже отмечалось, что в обобщенном виде конфликтное взаимодействие является формой выражения противоречия, которое персонифицировано в сторонах противоречия, представляющих противоположно направленные активности (силы), непосредственно *несовместимые друг с другом*. Другими словами, речь идет о таком виде взаимодействия как *противодействие*, противопоставленном *содействию* как противоположному и взаимоположному способу взаимодействия. **Конфликтом** в таком истолковании является противодействие, развертывающееся в определенном социальном пространстве — конфликтной ситуации, включающей в свой ареал предметные и субъектные условия (предпосылки) конфликтного взаимодействия³⁷. Совокупность субъектных условий вступления в него — *готовность* — является интегральной формой выражения определенных отношений, предопределяющих сам способ социального взаимодействия, где содействию соответствуют *кооперативные* отношения между субъектами социального действия, а противодействию — *конфронтационные*.

В теоретических построениях, элиминирующих аксиологическое измерение, конфликт отождествляется или с противодействием как таковым, или со стороной или аспектом (довольно неопределенным) «лю-

³⁷ Здесь мы используем термин «ситуация» в узком смысле как одно из понятий деятельностного (культурно-нормативного) подхода, где оно употребляется для экспликации понятия *акт деятельности* (см.: Пископелль и др. 1986, с. 125–126). В этом случае в деятельности различаются *предметная и процессуальная* стороны, где процессуальная сторона акта деятельности есть, категориально, — *способ*, а предметная — *ситуация* деятельности.

бого» взаимодействия; понятно, что при этом справедливо полагают, что отнюдь не всякие противодействие и конфронтация являются общественно вредным явлением. Мы же будем использовать оценочное отношение к социальному действию в явной форме противопоставления *конструктивности/деструктивности* действенных усилий субъектов и в соответствии с введенными выше различиями будем типологически отождествлять *конфликт* не просто с противодействием как формой социального действия, а с деструктивным противодействием, а конструктивные формы противодействия – с обобщенно (идеально-типически) понимаемой *конкуренцией*³⁸. В свою очередь, конструктивные формы социального содействия мы будем обобщенно (идеально-типически) отождествлять с *сотрудничеством*, а деструктивные формы социальной кооперации – с *сообщничеством* (Пископфель 1994).

Введенные выше различия позволяют предложить обобщенную типологию видов социального взаимодействия, одним из которых является конфликтное взаимодействие. Такая типология выступит одновременно и способом теоретического введения понятия конфликт, ибо она исчерпывает (в отношении привлекаемых оснований) все логически возможные экспликации типологически раскрываемого понятия. Следует также иметь в виду, что идеальный тип в такой типологии является эквивалентом категории разумного мышления.

Эта типология образована «решеткой» дуальных отношений: сотрудничество ↔ сообщничество; конкуренция ↔ конфликт; сотрудничество ↔ конкуренция; сообщничество ↔ конфликт (Таблица 1).

	<i>кон</i> -структивное	<i>де</i> -структивное
<i>со</i> -действие	СОТРУДНИЧЕСТВО	СООБЩНИЧЕСТВО
<i>проти</i> во-действие	КОНКУРЕНЦИЯ	КОНФЛИКТ

Таблица 1. Типология форм социального взаимодействия

В чем смысл подобной типологии? Прежде всего появляется возможность отделить область конфликтных форм взаимодействия

³⁸ В подавляющих случаях ценность конфликта усматривается в том, что он заставляет пересматривать сложившиеся, устаревшие и изжившие себя формы отношений между людьми и образ их действий. Конечно, деструктивные действия (к коим мы относим конфликт) всегда «отменяют» традиционный образ действий, но сами по себе они никуда не ведут. Конфликтные отношения и конфликт как образ действий являются непродуктивным развитием кризисных отношений. Если различать *конфликт* и *кризис*, то в отличие от

от других социокультурных явлений на вполне определенных, объективных основаниях. Рассматривая сложные виды социального действия (взаимодействия) через призму типологии, можно представить их в виде суперпозиции идеально-типических форм взаимодействия. Используя ее как топологическое «пространство социального действия», можно типологически проинтерпретировать разрешение конфликта как движение в этом пространстве от конфликтных форм взаимодействия к сотрудничеству (конструктивное содействие) или конкуренции (конструктивное противодействие) и т.д.

Тем не менее, типологическое описание есть еще феноменологическое по преимуществу, не дающее возможности понять «сути» явлений конфликтности, ибо в нем как бы выносятся за скобку то, что отличает конструктивное взаимодействие от деструктивного. Другими словами, кроме феноменологического необходимо так или иначе ввести в рассмотрение онтологический горизонт социальной реальности.

В разных социально-философских концепциях и направлениях различны и онтологические картины социальной реальности. Мы будем здесь ориентироваться на те из них, которые в качестве субстанционального начала (первичной абстракции, выполняющей роль главного объяснительного принципа) используют категорию деятельности, причем в том значении, которым она обладает в организационно-деятельностном подходе (характерном для так называемой системомыследеятельностной (СМД) методологии)³⁹.

Целесообразность обращения к этим принципам мы попытаемся продемонстрировать, анализируя определенную (модельную для нас) категорию форм социального взаимодействия, среди которой есть конфликтные и неконфликтные его виды.

1.3.2. Область явлений и теоретическая схема

Само по себе типологическое отнесение конфликтов к противодействию ли вообще или к деструктивному противодействию определяет лишь общую концептуальную рамку, в которую с равным

конфликта кризис можно рассматривать как продуктивное состояние рефлексии в условиях дефицитности наличных форм бытия и выбор способов ее преодоления.

³⁹ Нам в первую очередь важна исходная установка такого подхода, согласно которой «главной причиной, заставившей создавать понятие деятельности и конструировать соответствующий идеальный объект, была необходимость оправдать... соотносении в мысли и связь таких разнородных предметов, как знания, операции, вещи, смыслы, цели, мотивы, сознание, значение и т.д.» (Шедровицкий 1975, с. 72).

успехом могут быть вписаны различные теоретические схемы и модельные представления, претендующие на объяснение и овладение конфликтными явлениями.

Общая теория конфликта, по интенции, должна претендовать на ассимиляцию всех видов конфликтного взаимодействия. Но что это за «все виды»? Откуда может быть заранее известно, что все события, именуемые конфликтами, в социальной практике и разных социо-гуманитарных дисциплинах имеют одну и ту же «природу»?

Ведь даже для поверхностной эмпирической верификации конфликтов используются разные наборы «признаков», их характеризующих, и очевидно, что совпадение отдельных признаков в таких наборах отнюдь не гарантирует, что перед нами разные проявления одного и того же «объекта». Строго говоря, никаких «явлений» (области явлений) вне и помимо зависимости от корреспондирующих с ними теоретических представлений об «объекте» в рамках научно-познавательной деятельности не существует. Поэтому та или иная концептуализация конфликта потенциально (и интенционально) есть всегда и оформление соответствующей области конфликтных проявлений.

Выше уже шла речь о том, что в разных направлениях конфликтологии в качестве причин и источников конфликтов фигурируют столь разные предметные образования, что на этом уровне справедливо только одно утверждение: сущность конфликта скорее всего инвариантна подобным *определенностям* самим по себе и не может быть выявлена путем их непосредственного анализа. Откуда это следует?

Предположим, что мы имеем дело с эмпирическим взаимодействием двух субъектов, причем каждый из них знает, что имеет дело со своим противником. На каждое действие одного субъекта следует действие другого, препятствующего действиям первого и старающегося достигнуть своей цели, причем таким образом, чтобы не дать своему партнеру достигнуть его цели, т.е. каждый из них вполне сознательно противодействует другому. Они оказывают друг на друга психологическое «давление» и стремятся навязать друг другу свою волю. Они по-разному представляют себе положение, по-разному оценивают действия друг друга. Они всячески скрывают свои намерения и могут только догадываться о намерениях друг друга. Причем не только скрывают, а и стремятся ввести партнера в заблуждение о своих реальных намерениях.

Поскольку происходящее взаимодействие направляется осознанной несовместимостью индивидуальных намерений и интересов противоборствующих сторон, то, согласно мотивационной концепции, это не что иное, как описание конфликта. И с точки зрения когнитивной концепции, исходящей из того, что перед нами явная про-

тиворечивость познавательных стратегий, используемых партнерами при решении значимых для них проблем, это тоже конфликт.

А между тем, это, пусть не детализированное и не исчерпывающее, но вполне адекватное описание любого спортивного единоборства, классического соревнования. Нужно быть большим формалистом и утратить здравый смысл, чтобы полностью игнорировать социальную практику и относить, скажем, игру в шахматы к конфликтам. Именно поэтому и понадобилось так или иначе противопоставить *конфликт* и *соревнование* как разные формы противодействия. А ведь весь смысл шахматной игры и состоит в том, что противники по-разному представляют себе «объективное» положение дел на шахматной доске и намерения друг друга. Они маскируют свои намерения и делают обманные ходы, используют домашние заготовки, тщательно их скрывая друг от друга (собственно говоря, составляя друг против друга тайный заговор). И за эти поступки их не осуждают и не презирают, а чествуют и награждают.

Но достаточно вместо одного «нехорошего» поступка (скажем, воспользовавшись рассеянностью противника, взять да и незаметно подстроить ему вилку и «съесть» ладью) совершить вроде похожий другой — так же незаметно для противника взять да убрать с шахматной доски ту же ладью, — как шахматная партия (определенный тип социального взаимодействия — спортивного единоборства) тут же и закончится. А вместо нее возникнет ситуация, в результате которой один из противников будет не только дисквалифицирован и признан не порядочным человеком, но вполне возможно и побит (как это чуть не произошло с незабвенным Остапом Бендером). И вот уже эту ситуацию мы с гораздо большим основанием можем рассматривать как конфликтную.

Но если некий наивный человек спросит: как же так, что же это за двойной стандарт, почему в одном случае за одни поступки поздравляют, а за другие осуждают? — ему резонно ответят: таковы *правила* игры в шахматы. И в шахматах «порядочно» (допустимо) то, что соответствует этим правилам, и «непорядочно» (недопустимо), что не соответствует. Выход же поступка за пределы правил означает и выход за пределы шахматной игры как таковой, т.е. из *пространства соревнования* в *пространство конфликта*.

У сидящих за одной шахматной доской прямо противоположные установки и каждый из них «все делает» для того, чтобы подорвать положение противника и «загнать его в угол», но это не мешает, а наоборот — является условием успешности шахматной партии. И чем она драматичней, чем изощренней и неожиданней «коварство» противников, тем больше у нее шансов стать событием в спортивном мире, тем значительней ее результат и тем большим будет уважение

противников друг к другу и к самим себе. Есть только одно условие, которое должно быть соблюдено — все должно происходить в рамках правил. Что произойдет, если у каждого из игроков окажутся свои правила, хорошо известно — конфликт. В спортивной игре такое невозможно, поскольку это *хорошо определенный* вид противоборства (взаимодействия), но в домашних шашках, особенно у детей, можно наблюдать препирательства и споры — брать или не брать «за фук», во что играли — в обычные шашки или «в поддавки» (когда одна из сторон не хочет признавать поражения и на ходу меняет правила) и т.п.

Очевидно, для самого характера взаимодействия гораздо больше важны правила, как структуры *парадигматические* (и их представленность в сознании), нежели структуры потребностно-мотивационные (равным образом как представленные, так и не представленные в сознании).

1.3.3. Конкуренция и конфликт

Конечно, это прежде всего условный пример. Но если такого рода игру рассматривать в функции прототипа конкурентных (сравнительных) отношений вообще, а игровое пространство в качестве прототипа конкурентного пространства, то подобный прием может привести к определенной теоретической модели конфликта. Причем к такой его модели, в которой базарная перебранка и научная дискуссия окажутся противоположными видами противодействия (соответственно «конфликтным» и «конкурентным»), а не одним — конфликтным, как в случае отождествления конфликта с противодействием вообще. Тогда не придется, вопреки здравому смыслу, рассматривать экономику конкурентных рынков, конкурсы и тендеры, политическое демократическое соперничество или состязательность обвинения и защиты в судебном процессе в качестве конфликтов и, по сути дела, возвращаться к взгляду на общественную жизнь как на «войну всех против всех».

«В литературе по психологии, социальной психологии и социологии, — начинают свое обсуждение понятия соревнования Р.Акофф и Ф.Эмери, — можно найти немало качественных рассуждений о различии между конфликтом и соревнованием. Одним из наиболее часто упоминаемых отличий является применение физической силы в конфликтах и ее неприменение при конкуренции. Такое разделение представляется нам неудачным, поскольку матч по боксу, например, обычно считают соревнованием, а уличную драку — конфликтом» (Акофф и др. 1974, с. 193). И они правы, аргументы от характера применяемых усилий в социокультурной сфере, как правило, малопродуктивны. Если, скажем, с теми же мерками подходить к различие-

нию духовного и материального, то труд балерины придется относить к сфере создания материальных ценностей, а надувание воздушных шариков на продажу — к духовной.

Само обращение к игровой проблематике в конфликтологическом контексте представляется весьма важным и симптоматичным. Игровая форма человеческой активности издавна считается проявлением творческого начала и спонтанного поведения, будучи в то же время одной из самых упорядоченных ее форм. Игра, согласно Й.Хейзинге, это — порядок, причем такой порядок, который старше культуры и в котором зачинается сама человеческая культура как таковая (Хейзинга 1992). А для Э.Берна она даже не только прародина культуры, но и внутренний порядок самой общественной жизни, которая из «игр» и состоит (Берн 1992). Поэтому, используя игровую форму в функции модели, можно попытаться увидеть в ней и через нее всеобщее основание различных форм социально значимого взаимодействия (агон), а вовсе не обособленную, изолированную и частную его форму.

Рассмотрим в качестве примера силовое *спортивное единоборство* (борьба, бокс и т.п.), *дуэль* и такой способ «выяснять отношения», как *драку*. Что между ними общего и чем определяется различие между ними? Все это — разные, но генетически родственные формы поединка (силового противодействия) между людьми, реальным результатом которого является победа «сильнейшего» противника. Если принимать во внимание только физическую сторону взаимодействия, полностью отвлекаясь от социокультурной, то они практически неотличимы друг от друга. При этом только в случае спортивного единоборства целиком совпадают культурные цели и результаты поединка — оно является *социально легитимным способом* определения физически сильнейшего противника в данном виде единоборства. Как окультуренная форма поединка оно социально ценно (конструктивно), т.е. выполняет определенную общественно полезную функцию, удовлетворяет целый ряд жизненных потребностей современного человека, будучи видом его физической культуры и эстетически (и эмоционально) насыщенным зрелищем.

В отличие от спортивного единоборства, *дуэль* являлась определенным, культуросообразным (субкультурным), способом разрешения морально-нравственного конфликта между представителями дворянского сословия (как правило, восстановления «чести и достоинства» — уважения и самоуважения). В этом своем качестве *дуэль* выполняла несомненно конструктивную роль в деле воспроизведения дворянина (образа дворянина) как представителя военно-служивого сословия. Она культивировала такие сословные (и в этом смысле общественные) ценности и полезные качества, как дворянская честь, верность данному слову

(присяге), мужество, владение оружием. Можно указать на многочисленные связи института дуэли со всем средневековым культурным универсумом (мировоззрением) – рыцарскими турнирами, идеей «Божьего суда» и т.п. Характерно также, что закат института дуэли – это одновременно и закат самого дворянства как сословия.

В свою очередь, в отличие от спортивного единоборства и дуэли как явлений культуросообразных и тем самым конструктивных, драка (если вынести за скобки необходимую самооборону одной из сторон в случае не спровоцированного насилия со стороны другой) сугубо деструктивна с социокультурной точки зрения, т.е. ценностно бессодержательна. Это, как правило, спонтанное, нерегламентированное и неуместное поведение, опасное как для участников, так и для окружающих людей, результаты которого непредсказуемы и сами по себе ничего не означают (не символизируют). Именно для таких событий справедливы те психологические характеристики конфликтного поведения, которые связывают его с базовыми инстинктами агрессии и враждебности, садистскими наклонностями и жестокостью.

И происходит это, прежде всего, потому, что здесь нет никаких препятствий для превращения внешнего поведения в форму канализации отрицательной, а часто и извращенной аффективности. Более того, сама драка легко становится способом поддержания, укрепления и развития нездоровой аффективности и асоциального характера личности, становясь компенсаторным способом поведения и формой ее (личности) самоутверждения. Другими словами, сугубая асоциальность (внекультурность) и, следовательно, опасность этой формы физического противодействия связана с тем, что его событийная сторона всецело определяется только индивидуальными особенностями людей, принимающих в ней участие, и ничем более. Если аффективное содержание спортивного единоборства и дуэли всецело подчинено и организовано культурно-значимым образом (ритуализовано), то драка, наоборот, выступает как «чистое» выражение и внешняя форма человеческой аффективности⁴⁰.

Спортивное единоборство – это «соревнование» в чистом виде. Дуэль – это физический способ разрешения конфликта, возникшего в совсем другой сфере – в сфере дворянского достоинства. Ведь согласно средневековым представлениям последствие акта лишения чести (оскорбления) могло быть «смыто» только кровью – отсюда и смертельный поединок в форме соревнования.

⁴⁰ Кстати, на эту важную особенность игры как соревнования (конкуренции) указывает Э.Берн: «Существенной чертой игр людей мы считаем не проявления неискреннего характера эмоций, а их управляемость» (Берн 1992, с. 13).

Ну а драка, очевидно, это – чистый конфликт. Отличается же она от спортивного единоборства и дуэли прежде всего тем, что это – «игра без правил», где каждый сам себе устанавливает правила и сам же решает следовать им или нет. Отсюда – спонтанность, ситуативность и смысловая незавершенность подобного противоборства самого по себе (это – уличный конфликт, который прерывается, но никогда не завершается, предел ему кладут чаще всего внешние обстоятельства).

Дуэль (при всей ее исторической ограниченности) заведомо является функциональным, а драка – дисфункциональным явлением, и если возводить их к конфликту как родовому понятию, то тезис о том, что конфликты могут быть не только «негативными», но и «позитивными» факторами социальной жизни теряет какой-либо сущностный смысл.

Этот аспект генерализованного содержания понятия конфликта можно еще более проблематизировать, если расширить круг рассмотрения до любого вида физического спортивного единоборства (типа борьбы, бокса, тенниса и т.п.), которые тоже естественным образом окажутся «институциональными» конфликтами, а затем и вообще до любого спортивного противоборства, включая игры в шахматы, бильярд, карты и домино.

Собственно говоря, те последователи генерализованного представления конфликта, которые следуют его внутренней логике, так и делают. Именно поэтому, они вынуждены переносить его и на все виды «духовного» противодействия и числить по разряду конфликтов и базарную перебранку, и научную дискуссию, экономику конкурентных рынков, конкурсы и тендеры, политическое демократическое соперничество и состязательность обвинения и защиты в судебном процессе⁴¹.

Тем самым уже на подобном примере становится вполне очевидным, что в зависимости от содержания понятия конфликта и соответственно его эмпирического объема по-разному будет ставиться и решаться вопрос о функциональной значимости конфликтных событий и их «содержательности». В каких-то случаях никаких особых аргументов в пользу того, что конфликты способны выполнять позитивную, конструктивную функцию, вообще не потребуется в силу заведомой очевидности принадлежности событий, относимых к конфликтам, к социально позитивным, функциональным явлениям, а в

⁴¹ Ср., например: «Одним из ярких примеров такого рода конфликтов можно назвать столкновение представителей разных научных школ, опирающихся на принципиально отличные теоретико-методологические основания (парадигмы)» (Хасан 2003, с. 86).

других потребует развернуть теоретически фундированную систему доказательств. Но ведь зато и результат подобного рода функциональной интерпретации конфликтов окажется различным – банальным в первом и теоретически значимым во втором случае.

Если рассматривать драку как модель конфликта вообще, то не трудно заметить, что ее отличает неинтегрированность в объемлющую надсистему на некоторых или на всех уровнях ее иерархии (от идеально-ценностной до операциональной). Именно поэтому конфликт как чужеродное образование деформирует «ткань» социальной жизни. И наоборот, именно укорененность в эту «ткань», соучастие в воспроизводстве определенного традиционного образа жизни отличает неконфликтные формы взаимодействия – спортивное единоборство и дуэль.

Это соучастие обеспечивается целостной системой взаимосогласованных регуляторов (культурных норм), организующих и поддерживающих определенные формы социального взаимодействия в том виде, в котором они обнаруживают свою ценностную природу и общественную полезность. Поэтому именно правилосообразное, т.е. культурно-нормативное, истолкование природы социальных явлений и сущности самой социальной реальности в рамках оргдеятельностного подхода позволяет последовательно и непротиворечиво различить конфликт и конкуренцию как противопоставленные виды противодействия⁴².

Именно поэтому позитивные функции конфликта связывают с контекстом социальных изменений. Вопрос о них должен быть рассмотрен особо.

Конечно, это довольно абстрактное представление конфликтных явлений, но реальные конфликты могут быть рассмотрены как композиционное взаимопересечение типологически различных форм взаимодействия, переход между которыми сугубо ситуативен, ибо зависит от «желания» лишь одной из сторон и в этом смысле нерегулируем. Разрешение же конфликта есть преодоление «конкуренции» регулирующих механизмов и тем самым обретение взаимодействием направленности и целевой завершенности.

⁴² Существует традиция, восходящая к Э.Дюркгейму, различать ценности культуры, относящиеся к целям человеческой деятельности, от норм деятельности как компонентов общественной структуры, ответственных за средства достижения целей и тем самым за утверждение ценностей в социальной жизни. В отличие от такого употребления, в русле оргдеятельностного подхода категория *нормы* (культурной нормы) репрезентирует фундаментальную составляющую (единицу) «культуры» в ее противопоставленности составляющим «социума» (телосу социума). Ее функциональное назначение – воспроизводство общественной жизни как таковой.

Глава 2

Элементарная модель первичного конфликта как деструктивного противодействия

2.1. Нормативность и креативность социального взаимодействия

Основная идея различения конкуренции и конфликта за счет апелляции к *правилосообразности* (Акофф и др. 1974; Рапорт 1974) представляется несомненно продуктивной еще и потому, что у нее есть и иной теоретический горизонт, и дополнительные основания — те основания, с которыми непосредственно связаны структурно-функциональные социально-психологические модели, представляющие поведение и/или деятельность в виде динамических систем, укорененных в социальной сфере за счет процессов объективно значимой регуляции. Хотя такие регуляторы могут иметь разное концептуальное выражение — «диспозиционная система» (Ядов 1975), «социальная схема» (Мерлин 1970), «социальная норма» (Бобнева 1978) и т.п., — эти модели объединяет интенция на выделение и противопоставление функционально-разных уровней их построения и функционирования.

Такого рода основания входят в число конституциональных предпосылок СМД-подхода к социокультурным явлениям (Шедровицкий 1995). В его рамках неперменной онтологической особенностью социокультурных объектов (объектов «деятельностных»), в отличие от объектов натуральных (природных), является их бытие в качестве целостных парадигматико-синтагматических систем. Парадигматический план социокультурных объектов представлен организованностью *культурных норм* (идеальных образцов), обеспечивающих объективно-идентичный характер воспроизведения, несмотря на преимущественно процессуальный характер их бытия, и выполняет в отношении каждой процессуальной манифестации (исполнения) регулятивную функцию⁴³. В этом смысле саморегулируемость социокультурных явлений выступает в СМД-подходе в качестве их атрибутивной характеристики. Речь,

⁴³ Скажем, любое сообщение в коммуникации представляет собой речевую (синтагматическую) последовательность, позволяющую передавать тот или иной конкретный ситуативный «смысл» за счет того, что каждый ее элемент воспроизводит некоторое инвариантное по отношению к контексту «значение», зафиксированное в парадигматической системе «языка».

конечно, идет об объективной функции парадигматических структур в отношении структур синтагматических, и поэтому на этом уровне абстракции вопрос о зависимости действий от степени осознания, которая, конечно, эмпирически всегда существенна, не имеет принципиального значения.

М. Розов конституциональную особенность социокультурных объектов, в отличие от натуральных, предложил выражать с помощью понятия социального «куматоида» – социальной «волны», противопоставив социальные явления объектам материальным, вещным – «корпускулярным» (Розов 2008). Отличительной чертой социальных волн является постоянное обновление «материала» социальных явлений. Социальный куматоид – это объект, представляющий собой реализацию некоторой социальной программы поведения. Кроме таких программ, других элементов он не содержит, образуя особую онтологию для интерпретации социальных явлений, ориентируя на выявление социальных программ, их взаимосвязей и способов существования и т.п.⁴⁴ Можно для понятийно-терминологического выражения этой формы существования идеального объекта использовать и термин «диспозитив» – в значении близком тому, как его использовал М. Фуко (т.е. как матрицы конфигурирования культивируемых обществом практик).

С такой общей точки зрения совокупность игровых правил (программ) является примером и частной формой парадигматики. Она придает типологическую определенность игровому взаимодействию. Скажем, такие игры с мячом, как футбол, волейбол, баскетбол и регби, отличаются друг от друга именно характером регулирующих их правил. Причем, несмотря на жесткую определенность правилами, каждая конкретная игра неповторима, творится наново и непредсказуема по своему конкретному результату. Этот наглядный пример демонстрирует действительный смысл одного из основных принципов СМД-подхода: всякая деятельность (если противопоставлять ее поведению) полностью *нормирована* и одновременно *креативна*⁴⁵.

⁴⁴ Это представление, по сути дела, созвучно натурализованному варианту трактовки социокультурных объектов в СМД-методологии как связки «норма – реализация», а понятия «социальной эстафеты» как механизма «социальных волн» – онтологической схеме внекультурного способа воспроизводства деятельности.

⁴⁵ Пояснить смысл этого утверждения можно через аналогию с конструктором (нормативный план), задающим типовой набор элементов и связей (способов их соединения друг с другом), и теми конструкциями (креативный план), которые могут быть с помощью них собраны.

Поэтому апелляция к культурным нормам (образцам) и введение их в схемы действия/взаимодействия на правах основополагающих идеализованных объектов отнюдь не снижает общности рассмотрения и не выделяет в мире человеческой активности лишь узкий класс квазимеханических (алгоритмических) действий, как иногда полагают некоторые. Наоборот, известная «ограниченность» и тем самым определенность человеческой активности в одном отношении является предпосылкой ее свободного проявления (свободы) в других отношениях. Без такой определенности как своей основы она останется активностью, но человеческой (т.е. прежде всего социальной) вряд ли. Тем самым речь идет лишь о том, *что*, как и в каком отношении ограничивается и кому и чему мешает такое ограничение.

Характерный пример — уличное движение и взаимодействие его субъектов — водителей транспортных средств. Как хорошо известно, когда-то, во времена гужевого транспорта, практически не существовало правил уличного движения или вернее в качестве таковых выступали правила сословной субординации — плебеи должны были уступить дорогу патрициям. Не то в условиях современного движения. Существует целый свод правил, достаточно основательно регламентирующих и тем самым ограничивающих поведение водителя. Но возражать против них (по сути, а не в отношении отдельных норм) в современном обществе рискуют или большие «оригиналы» или сумасшедшие. Без них и без следования им городское движение превратится (и превращается) в один огромный конфликт, где каждый начнет «качать» свои права. И важно при этом отметить, что и как ограничивается правилами дорожного движения (парадигматика). По сути дела, ограничивается только взаимный порядок проезда и парковки. Правила практически не ограничивают в том, куда, зачем и на чем вам ехать и какой при этом выбрать путь (потребностно-мотивационная сфера). Все подчиняются одним и тем же правилам (ограничениям), но едут во все возможные стороны и по своим личным делам.

Поэтому само по себе выдвижение на передний план парадигматических структур не означает игнорирования ни потребностно-мотивационных, ни когнитивных, ни эмоциональных компонентов действий (субъектов) как таковых, ни их представленности (отражения) в сознании, ни степени их соответствия «реальности». Речь здесь идет только о признании за ними роли *механизмов* процессов, регулируемых этими структурами, определяющими типологический характер взаимодействия. Здесь важна степень свободы процесса в связке «*процесс — механизм*», относительная независимость процесса от

характера механизма⁴⁶. Скажем, процесс хода физического времени в часах может быть воспроизведен за счет совершенно разных физических процессов (механизмов) в солнечных, водяных, механических, электронных и атомных «часах».

Зачастую же различная направленность (онтологическое противоречие) рассматривается как конфликт потребностей и мотивов или причина конфликта. С этим невозможно согласиться. Она определяет лишь тип социального взаимодействия, а именно будет ли идти речь о содействии или противодействии. И в той же мере, в какой без их совпадения невозможно содействие, без их противоположности невозможно противодействие. Противодействие же в равной мере может быть как конструктивным (конкурентным), так и деструктивным (конфликтным).

Эмпирически хорошо известно, что для сколько-нибудь сложного взаимодействия когнитивная дивергенция является скорее правилом, чем исключением. Но сама по себе она так же не определяет ни тип взаимодействия ни, тем более, конфликтно ли оно или нет. Хотя зачастую подобное несовпадение (противоречие) образов ситуации (вплоть до противоположности) и объявляется конфликтом представлений или причиной конфликта, само по себе оно имеет отношение лишь к *недоразумениям, ошибкам и промахам*, а не к сути конфликтных отношений (т.е. имеет другую категориальную природу и способно усилить или сгладить уже существующий конфликт, но не вызвать его). Оно (подчеркнем: само по себе) определяет только успешность взаимодействия, а не его тип. Больше того, можно в общем случае утверждать, что когнитивная дивергенция не является причиной успешности содействия и успешности противодействия как таковых.

Поскольку ни потребностно-мотивационная, ни когнитивная дивергенции сами по себе еще не определяют характер взаимодействия, то ни мотивационная, ни когнитивная концепции конфликта с точки зрения введенных выше различий не способны дать теоретически адекватный ответ на вопрос о сути конфликтных отноше-

⁴⁶ «Процесс — механизм» — это категориальная оппозиция системного подхода, задающая функциональные отношения и связку двух таких «изменений» системы или систем, в которых одно из изменений — процесс — выступает в качестве обусловленного и произведенного другим изменением в ней (или в них) — механизмом. Другими словами, это функциональная форма задания взаимоотношения двух процессов: ведущего (собственно процесс) и ведомого (механизм). Причем в силу функциональности отношение ведомого и ведущего процесса обратимо и зависит от способа представления системной целостности или паритета систем.

ний. В отличие от них, дивергенция парадигматическая — прямая дорога к конфликту. Ведь именно парадигматика в конечном счете определяет конкретную целостность социального действия, и разные действия типологически различаются своей парадигматикой (своими «правилами»). Теоретическую модель, основанную на парадигматической интерпретации сути конфликта, можно назвать оргдеятельностной.

Конечно, теоретически фундированная конструктивно-познавательная установка сама по себе еще не позволяет ответить на вопрос о специфике видения именно конфликтов как таковых и даже неспособна подсказать, на каких путях такое продуктивное видение возможно. Она лишь указывает на отсутствие *идеализованных* объектов в эпистемологической системе.

Итак, мы предложили отнести конфликты к социальному *противодействию*, в противопоставлении к *содействию* как противоположному способу взаимодействия, причем к противодействию деструктивному. Конструктивные формы противодействия мы отождествили при этом с обобщенно (идеально-типически) понимаемой конкуренцией.

Чем же в такой интерпретации конфликт отличается от конкуренции, т.е. деструктивное противодействие от конструктивного?

Прежде всего, тем, что во втором случае существует общественно-признанная культурная парадигма (культурная норма) противодействия, выступающая в качестве «третьей», «незаинтересованной стороны» и включающая регулярный принцип определения «победителя». Наличие такого культурного стандарта означает со-участие конкуренции в воспроизводстве общественной жизни на правах одного из ее механизмов и тем самым ее функциональность и осмысленность⁴⁷.

2.2. Основные структурные элементы и условия возникновения конфликта

Схематизируя смысл очерченного общего представления о специфике конфликтного взаимодействия, можно конструктивно построить простейшую (и вместе с тем всеобщую) идеализованную модель (схему) конфликта. Для этого достаточно конструктивно оформить (идеализовать) намеченное выше противопоставление типологически различных форм взаимодействия в рамках элементарной модели социального действия.

⁴⁷ Регулируемость — основное содержание конкуренции, а нерегулируемость — конфликта, ибо отсутствие культурной парадигмы и означает дефициентность регуляторов этой формы социального взаимодействия как осмысленного и целенаправленного действия.

В социальном действии как системе можно выделить три предметно-тематического *фокуса*, каждый из которых определен относительно двух других и рефлексивно отображает их в своей внутренней организации: *субъект — ситуация — действие* ⁴⁸. Характеристика их как софункциональных «фокусов» системы социального действия предполагает конденсацию, сосредоточение и представленность всей системы в целом (фокусировку) в каждом из них, проекцию системы на себя. В структурно-функциональном плане каждый из этих трех фокусов может рассматриваться в качестве базальных ее подсистем.

Субъект как подсистема — активное начало и двигатель всего действия в целом (в роли которого могут выступать интегративные субъекты социального действия разной степени общности — от индивида до государства).

Каждый конкретный субъект социального действия обладает своей особой *мотивационной* сферой, определяющей общую направленность его активности. В ее основе — потребности и интересы, побуждающие субъекта к действиям. Для каждого такого субъекта характерен определенный *репертуар* освоенных им отдельных действий, из которого в конечном счете он может выстраивать тот или иной способ (механизм) решения своих жизненных задач и который опосредует субъекта и ситуацию его деятельности.

Сознательность и целенаправленность действий обеспечивается наличием у субъекта *сознания* (табло сознания), потенциально способного идеально воспроизводить (представлять) любую определенность социального действия, в том числе и самого себя ⁴⁹. *Самообраз* — образ самого себя — необходим социальному действию как условие различения изменений, вносимых в мир субъектом, от тех, которые определяются «самим ходом вещей». Причем особенностью механизмов сознания является то, что оно способно синтезировать в едином представлении результаты познавательной активности различной природы и имеющей разные источники. Так, если вещественные составляющие ситуации деятельности доступны непосредственному

⁴⁸ Это, в частности означает, что определенность субъекта социального действия задается ситуацией и его действиями в ней; определенность ситуации — субъектом и его действиями; определенность действия — субъектом и ситуаций в которой он действует.

⁴⁹ Здесь и далее вместо термина «сознание» будет использоваться термин «табло сознания», чтобы подчеркнуть, что это сознание — познавательная абстракция нашей предметно-теоретической модели, имеющей вполне определенный и довольно ограниченный смысл. Причем, если термин «сознание» тесно созначен с индивидуальным человеком, то «табло сознания» более уместен там, где речь идет об интегративных субъектах.

«наблюдению», то информация, несмотря на объективированную форму существования, нуждается в «понимании» и «интерпретации» (и может, в частности, оказаться дезинформацией).

Такой синтез единого (сознательного) представления является основой регулятивного механизма исполнения (исполнительной компоненты) действия. При этом каждая из составляющих действия представляется (отображается на табло сознания) в соответствии со своей категориальной определенностью, или, другими словами, приобретает ту или иную определенность. Так, потребностно-мотивационная компонента представлена здесь «целью», одни из компонентов плацдарма взаимодействия выступают в качестве «ресурса» (материала), другие — «средств» действия и т.д.

Ситуация как подсистема (в операциональном залоге *плацдарм* действия) — это предметно-символическое пространство (среда-аренал), в котором и на котором разворачивается объективированная (доступная внешнему наблюдателю) часть действия.

Причем предметы, образующие такой плацдарм могут быть как «вещами», так и «информацией» (духовными значениями)⁵⁰. Обычно в качестве основных структурных образующих плацдарма выделяют *средства, условия и ресурсы* осуществления действий ее субъектом.

Действие как подсистема объемлет собой как план актуального достижения целей, так и совокупность потенциальных, *образцов действий*, выработанных *культурно-исторически* и обеспечивающих решение социально значимых задач в определенных стандартизированных ситуациях и требующих определенных ресурсов для своего осуществления. Такие культурно-исторические образцы выступают в роли регуляторов актуально осуществляющихся действий и конституируют *парадигматику* социального действия.

Характерной особенностью социального субъекта действия является то, что характер представления (отображения) на табло сознания действия в полном объеме, т.е. работа механизмов сознания, не раз и навсегда заданы «природой» сознания, а в свою очередь определены *нормами* (образцами) *мыследействия*, входящими в парадигматику действий.

Парадигматический строй мыследействия определяет не только представляющую функцию сознания (что и как будет представлено на табло сознания), но и все *действие в целом* (в той мере, которая необходима и достаточна для непрерывного существования действия), обеспечивая его воспроизводство.

⁵⁰ Мы используем в данном случае содержание понятия информации, сложившееся в информатике, где под «информацией» имеют в виду духовные значения, размещенные и закрепленные на материальном носителе и предназначенные для опосредования коммуникативных процессов.

В каждом акте задействуются все структурные компоненты социального действия, обеспечивая тем самым его полноту и целостность.

Намеченных выше компонентов структуры социального действия достаточно, чтобы использовать их для рассмотрения элементарной схемы *социального взаимодействия* и такой его формы, как конфликт.

Естественно, для эмпирического анализа конкретных явлений конфликта их «разрешающей» способности чаще всего оказывается недостаточно, и каждый из подобных категориально охарактеризованных элементов в свою очередь раскладывается на свои составляющие или типы. Например, субъект социального действия может обладать, с одной стороны, различной степенью интегративности, а с другой — различной степенью вовлеченности частных субъектов в социальное действие/взаимодействие. Так, в качестве субъекта могут выступать индивид (личность), группа, организация, нация, государство и т.п. А сами частные субъекты (стороны конфликта) могут выступать в роли организаторов (provocateurs), непосредственных и эпизодических участников, посредников, вовлеченных, солидарных и сочувствующих сторон и т.п. Но введение в рассмотрение подобных различий при всей их эмпирической репрезентативности способно только перегрузить картину явлений и затемнить ее деталями, не имеющими существенного теоретического значения.

Для того чтобы перейти от элементарной схемы действия к простейшей (всеобщей) схеме взаимодействия, необходимо по крайней мере объединить два действия (две схемы) на одном плацдарме или, другими словами, рассмотреть два действия «пересекающихся» на общем плацдарме.

Достаточно ли самого по себе такого объединения, чтобы вместо двух действий возникло именно взаимодействие, т.е. в определенном отношении одно *над-действие*? Очевидно, однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Все зависит от того, что «произойдет» с каждым из исходных действий и, прежде всего, от того в каком виде и в какой форме «появление» смежного действия будет отражено на табло сознания каждого из субъектов исходных схем действия.

Если предположить, что в результате для каждого из субъектов исходного действия все ограничится лишь появлением на плацдарме новых предметов и изменением уже существующих (т.е. изменения на плацдарме не будут опознаны как *результаты* действия и не будут отнесены к определенному источнику активности — субъекту, — а будет «замечена» лишь объективированная часть смежного действия), то такое объединение сведется лишь к появлению на табло сознания новых «объективных условий» осуществления действия, которые

именно в таком качестве могут быть учтены и использованы для корректировки исходного действия.

Тем самым в этом случае мы получим схему *не социального*, а *механического* взаимодействия, т.е. такого взаимодействия, в котором для каждого из субъектов исходного действия происходит изменение лишь предметно-определенного ареала действия, но не самого действия как действия. Другими словами, субъекты действия находятся в состоянии механического взаимодействия, если каждое из них существует для другого только в плане плацдарма взаимодействия.

Если от схемы обратиться к ее эмпирическим референциям, то результат подобного механического взаимодействия может быть любым, завися от всех обстоятельств и определенностей исходных действий (их коррелятивности). Грубо говоря, объединенные таким образом действия будут *мешать* друг другу, и диапазон таких *помех* может быть чрезвычайно широк. И хотя чисто «объективно» два механически объединенных действия чаще всего и противодействуют друг другу, и выполняют по отношению друг к другу деструктивную роль (противоположное было бы результатом разве что предустановленной гармонии), рассматривать подобное взаимодействие как конфликт нет, с нашей точки зрения, основания, так как оно находится за пределами социального взаимодействия вообще (каждое из действий социально, но их механическое взаимодействие как новая целостность, по сути дела, нет) ⁵¹.

⁵¹ В эмпирическом отношении гораздо больший интерес представляет случай прямо противоположный, а именно: когда те или иные неконтролируемые изменения ареала действия, имеющие внешние или внутренние (неадекватность плана и способа достижения цели и как результат неожиданные и зачастую отрицательные последствия для действия) причины, категоризируются («осознаются») как результат социального взаимодействия и соответственно противодействия со стороны некоего мнимого субъекта. Конечно, подобное мнимое (фантазийное) конструирование практически невозможно в случае простого и ограниченного субъекта, но это довольно распространенное явление по отношению к таким интегративным (собирательным) субъектам как этнос, нация, государство, правительство и т.п. Происки тайных (но ведомых знающим) сил, мировые заговоры, оборонное сознание и т.п. — все это феномены одного ряда. Ксенофобное сознание (с его парадигматикой), для которого весь мир — арена борьбы враждебных сил (субъектов), вынашивающих коварные планы, не просто игра параноидального воображения. Природа социальной реальности, как известно, такова, что, не *отражая* ее, подобное сознание, становясь руководством к действию, ее *порождает*, превращая своими действиями номинальный (мнимый) субъект в реальный, заставляя в ответ сплываться в интегративный субъект ранее совершенно не связанные реальными отношениями частные субъекты.

Определенный интерес представляет промежуточный случай, а именно случай, когда для одного из субъектов действия налицо ситуация социального, а для другого — механического взаимодействия (т.е. когда один из субъектов «не замечает» вмешательства в свое действие со стороны другого). По сути дела, и здесь перед нами не социальное взаимодействие, так как в нем нет *взаимности*, а есть нечто иное — когда одно действие только *мешает*, а другое и *вмешивается* в другое. В зависимости от целей и способов такого вмешательства оно может иметь различный характер, но в любом случае одно из действий является ведущим, а другое — ведомым. Можно квалифицировать подобное отношение между действиями (субъектами) как отношение *управления* в широком смысле, как предельный тип этого отношения, переходящего в свою противоположность — манипулирование⁵².

Соответственно и в этом случае, вне зависимости от характера *вмешательства* или *помехи*, поскольку перед нами не собственно социальное взаимодействие, в нем нет места конфликту как таковому (согласно нашей исходной предпосылке).

Для того чтобы объединенные на одном плацдарме действия стали *взаимо-*действием, необходимо, по меньшей мере, чтобы для каждого из субъектов исходного действия (т.е. на табло сознания в схеме) на плацдарме действия наряду с пассивными предметными организованностями (вещами), с присущими им процессами (естественным ходом вещей), появился бы и другой субъект (образ субъекта на табло сознания) как активная (конечная) причина изменений на плацдарме⁵³ и тем самым любое изменение на плацдарме наряду с объектной характеристикой (оценкой) приобрело бы и *субъектную* в пространстве взаимоотношений «Я — Другой». Только тогда плацдарм действия каждого из субъектов превращается в плацдарм их взаимодействия, а субъекты объединенных действий — в *стороны взаимодействия*.

Собственно говоря, мы лишь схематизировали довольно тривиальный и тавтологичный «факт» — объединение двух действий лишь

⁵² В военном искусстве (а военные действия традиционно рассматриваются как предельный случай социального конфликта) широко практикуются способы маскировки и дезинформации, призванные скрыть приготовительные действия одной из сторон или представить их как результат «естественного хода вещей» и тем самым направить действия другой стороны в желаемое русло, т.е. способы манипулирования (управления) противником.

⁵³ Мы здесь совершенно отвлекаемся от вопросов, каким образом и за счет чего опознаются и атрибутируются те или иные предметные изменения арена действия и относятся к действующим (естественным) или конечным (субъектным) причинам, — как несущественных для наших целей.

тогда превращается во взаимодействие, когда для *сознания* каждого из субъектов действия такое объединение является взаимодействием, т.е. на табло сознания каждого из субъектов представлено взаимопересечение двух *действий* на одном плацдарме.

Но что значит представить действие «Другого» как действие? Это значит наряду с объективированной частью действия, осуществляемой на плацдарме, представить правила (парадигматику) его действий, потребности, мотивы и цели этого «Другого», его планы и намерения и т.п. Причем нас в данном случае не интересуют ни сами потребностно-мотивационные компоненты действий (субъектов) как таковые, ни их представления на табло сознания, ни степень их ответственности «реальности» и т.п. Мы лишь хотим указать на предпосылочную необходимость их представления вообще. В общем случае для характера взаимодействия гораздо большее значение, чем *реалистичность* подобных представлений, имеет их *идентичность* — степень дивергенции между ними.

Будем исходить из того, что подобная дивергенция — как *онтологическая* (между самими потребностно-мотивационными компонентами), так и *когнитивная* (между представлениями о них в сознании) — существует. Но, как об этом уже речь шла выше, можно в общем случае утверждать, что и та, и другая дивергенция является причиной неуспешности содействия и успешности противодействия как таковых.

2.3. Конфликтная ситуация

2.3.1. Постоянное и ситуативное в конфликте

В конфликтологической литературе трудно найти текст, на каждой странице которого не склонялись бы те или иные «ситуации» — конфликтные, предконфликтные, постконфликтные, — а вокруг них в тех или иных сочетаниях неизбежно не встречались бы и отсылки к другим *ситуациям*: идеальной, объективной, внешней, простой, сложной, конкретной, текущей, уникальной, критической, безвыходной, проблемной и т.п.

Иногда «конфликтная ситуация» оказывается лишь синонимом термина «конфликт», и ничего в рассуждениях авторов не изменяется при замене одного термина на другой, а их совместное употребление становится лишь данью стилистике текста. Но чаще всего только на первый взгляд нет особого смысла в том, что речь идет именно о *ситуации*. Ведь основная категориальная характеристика конфликта почти у всех авторов, в отличие от ситуации, событийная, т.е. процессуальная, и за счет такого, пусть даже формального, отождествле-

ния конфликта с конфликтной ситуацией оказывается возможным конфликты как ситуации «создавать» и «воспроизводить», «воспринимать», «осознавать», «прояснять», «обсуждать», «определять», «переживать»; их оказывается возможным «разрешать», из них можно «выходить», из одной ситуации в другую «переходить», в них можно «участвовать», в них можно «действовать», их можно «выбирать» и «понимать», они могут «складываться», ими можно «управлять» и т.д. и т.п. (см. например: *Гришина* 2000, 2003). В результате, появляются новые возможности для представления и трактовки конфликтного взаимодействия⁵⁴.

Очевидно, подобное разнообразие описаний динамических возможностей конфликтных ситуаций (конфликтов) должно так или иначе логико-эпистемологически регулироваться на основе соответствующего теоретического понятия. Но если трудно встретить текст, где не встречался бы термин «конфликтная ситуация», то точно так же трудно обнаружить и текст, в котором сколько-нибудь последовательно вводилось или обсуждалось содержание понятия «конфликтная ситуация», не говоря уже о «ситуации» как таковой, а не эксплуатировался бы лишь очевидный, общеупотребительный смысл этого слова. В большинстве случаев ограничиваются «определениями» типа: «конфликтными ситуациями условимся называть все ситуации, требующие принятия коллективных решений, в которых субъекты (страны, фирмы, отдельные люди, владеющие ресурсами, правом и возможностью принимать самостоятельные решения) обладают различными, точнее, несовпадающими целями. Некоторые из них могут быть общими, а некоторые различными» (*Моисеев* 2001)⁵⁵.

Конечно, если не считать таким введением теоретического понятия экспертные суждения типа: «конфликтная ситуация – это накопившиеся противоречия, содержащие истинную причину конфликта» (*Шейнов* 1997) или «предконфликтная ситуация – это положение дел накануне конфликта» (*Конфликтология...* 2001). В лучшем случае довольствуются лишь потенциально и функционально опре-

⁵⁴ Реже встречается стадияльная интерпретация понятия «конфликтная ситуация». См., например: «Общепринятым является выделение таких стадий конфликта: *конфликтная ситуация*, в рамках которой формируются детерминанты конфликта, провоцирующие социальную напряженность, и складываются условия, способствующие осознанию социальными субъектами расхождения их интересов и ценностей ...» (*Якимец и Никовская* 2005).

⁵⁵ Ср.: «Понятие ситуации нередко даже не определяется в психологической литературе. Для некоторых психологов любой аспект эксперимента, не включающий интраперсональные переменные, является ситуационным» (*Гришина* 1997, с. 122).

деляемым содержанием понятия, предлагающим относить к конфликтной ситуации все то, что нужно учитывать участникам конфликта для выработки действий и/или разрешения конфликта.

Не оказывается исключением даже подход, специально выделяющий такой этап конфликтологического анализа, как «ситуационный анализ». И здесь зачастую обходятся без обсуждения содержания такого понятия или даже сколько-нибудь развернутого представления о конфликтной «ситуации» (см., например: Чумиков 1997). Обычно все ограничивается противопоставлением связи конфликтности с образованиями стабильными во времени — диспозициями, личностными чертами, установками и т.п. (*диспозиционный* подход) — и конфликтного поведения как результата исключительного влияния ситуативных «факторов» (*ситуационный* подход). А на деле все обычно сводится к выбору или синтезу устойчивых личностных образований и факторов так называемой среды.

Существующие предметно-онтологические попытки различения и разведения понятий «конфликт» и «конфликтная ситуация» в явном или неявном виде опираются на категориальные противопоставления типа «процесс — предмет», «процесс — структура».

Так, согласно Ф.М.Бородкину и Н.М.Коряку, «чтобы конфликт произошел, нужны действия со стороны оппонентов, направленные на достижение их целей. Такие действия мы назовем инцидентом. Следовательно, конфликт — это конфликтная ситуация плюс инцидент» (Бородкин и Коряк 1989). А смысл этого различения видится в том, что без конфликтной ситуации *инцидент* начаться не может: «данный конфликт прекращается вместе с изменением данной конфликтной ситуации, и, меняя конфликтную ситуацию, мы можем заменять один элементарный конфликт на другой, управляя течением конфликта в целом». (Бородкин и Коряк, 1989). В этом различении «инцидент» определен достаточно однозначно: это — «действия» оппонентов. А вот что касается «ситуации» и даже «конфликтной ситуации», то они задаются лишь как нечто недейственное и независимое от действий, но являющееся необходимым условием для действий. Причем — условием как «объективным», так и «субъективным»⁵⁶, которое может «передаваться по наследству, переходить к новым оппонентам», могут «создаваться» намеренно и т.п.

Однако чаще всего «конфликтная ситуация» отождествлена с «объективной конфликтной ситуацией» с «реальностью» (см., напри-

⁵⁶ Здесь субъективные конфликтные ситуации — это ситуации, порожденные человеком, группой, организацией и т.д., а не «объективными» обстоятельствами.

мер: *Петровская 1977, Ерина 2000*). При этом конфликтная ситуация может противопоставляться, с одной стороны, «образу конфликтной ситуации», а с другой — «конфликтному поведению» и описываться путем перечисления включенных в нее составляющих, весьма условно могущих быть отнесенными к «объективно» сущим. Ведь у разных авторов и «реальность» оказывается весьма разной⁵⁷.

Курт Левин выражал понятие «ситуации» через гештальт-категории «фигура — фон». Согласно его рассуждениям, каждое действие, предпринимаемое человеком, имеет свой собственный «фон» и этим фоном определяется. Применительно к действиям человека такой фон является твердой «почвой» под ногами человека. Этот «фон» и есть «ситуация», и поэтому «все действия человека обусловлены той ситуацией, в которой он существует» (*Левин 1982*). Соответственно неопределенность ситуации, неопределенность той «почвы», стоя на которой человек действует, как правило, приводит к возникновению неопределенности и в поведении⁵⁸.

Операционально-прагматический смысл термина-понятия «ситуация» (конфликтная ситуация) нагляднее всего проявляется в разнообразных описаниях конкретных (единичных или типовых) конфликтных ситуаций, которые можно найти у самых разных авторов. Как правило, описываемые ситуации выступают в роли материала для анализа и рассматриваются на правах примеров и фактов, взятых из жизни. Хотя приводимые «факты» в той или иной степени и подвергаются идеализации («обобщению»), но подобная идеализация, по мысли авторов, не нарушает общую логику развития событий и лишь устраняет некоторые их детали и подробности.

⁵⁷ Скажем, то, что Ф.М.Бородкин и Н.М.Коряк относят к субъективным конфликтным ситуациям, другие авторы, фактически, относят к объективным: «В большинстве случаев конфликт порождается определенной объективной конфликтной ситуацией. Существо последней в общем и схематичном виде можно представить следующим образом. Стороны А и Б оказываются участниками объективной конфликтной ситуации, если стремление стороны А к достижению некоторого желаемого для нее состояния С объективно препятствует достижению стороной Б некоторого желаемого для нее состояния Д. И наоборот. В частных случаях С и Д могут совпадать. Это, например, имеет место, когда оба участника, А и Б, стремятся к одной и той же цели, но при этом достижение этой цели одним из них исключает достижение ее другим. Кроме того, А и В могут оказаться сторонами одной и той же личности, в этом случае мы имеем дело с внутри-личностным конфликтом» (*Петровская 1977*).

⁵⁸ Конфликт, как известно, характеризовался им как *ситуация*, в которой на индивида одновременно действуют противоположно направленные силы равной величины.

Прежде всего анализ конкретных жизненных ситуаций выполняет дидактическую функцию — обеспечивает понимание и усвоение тех теоретических или квазитеоретических представлений и принципов, которые развиваются авторами. Но выполнение этой функции возможно только за счет использования операционального смысла понятия ситуации — возможности ограничить ею анализ и изолированно рассматривать «происходящее в ней» конфликтное взаимодействие. Это, как правило, вполне определенная и оправданная идеализация описываемых событий, рассматриваемых в качестве типовых. *Ситуация* здесь — *самодостаточная и замкнутая действительность, такое локальное «пространство» конкретного взаимодействия, которое содержит «в себе» все условия и причины этого взаимодействия*. Только в этом случае эмпирический анализ не требует выхода за ее границы.

2.3.2. Ситуация и «структура» конфликта

Введенные выше достаточно общие и абстрактные различия «ситуаций» и «конфликтных ситуаций» и связанные с ними интерпретации содержаний соответствующих понятий еще не являются собственно предметно-теоретическими. Для того чтобы они стали таковыми, они нуждаются в той или иной собственно предметной конкретизации.

Хотя в конфликтологических теориях акцент делается на разных предметно-определенных компонентах ситуаций, более или менее стандартным можно считать их набор, включаемый в так называемую «структуру» конфликта (описываемую в основном через ее состав) с ее двумя «подструктурами» — объективной и субъективной⁵⁹. Те компоненты, которые объединяются обычно в так называемую «объективную» подструк-

⁵⁹ Ср., например: «Структура конфликта — совокупность устойчивых элементов конфликта, обеспечивающих его целостность, тождественность самому себе. Она характеризует статическую составляющую конфликта и включает две подструктуры: объективную и субъективную, каждая из которых имеет явные и скрытые элементы. Объективная подструктура конфликта включает: его участников (основных, второстепенных, группы поддержки); объект конфликта; его предмет; микросреду, в которой он развивается; макросреду, оказывающую влияние на ход конфликта, и др. Субъективная подструктура конфликта включает: психологические модели конфликтной ситуации, имеющиеся у всех участников; мотивы действий сторон; цели, которые они ставят; актуальные психические состояния участников; образы оппонента, самого себя, объекта и предмета конфликта; вероятные результатов борьбы и др. Важно также определить структуру той надсистемы, элементом которой является изучаемый конфликт, и место последнего в ней» (Анциупов, Шитлов 1999).

туру, в том или ином приближении могут рассматриваться как задающие внешнюю границу ситуации. А объединяемые в «субъективную» — внутреннюю, за тем отличием, что эта «субъективная» подструктура задает «ментальную» границу, определяемую относительно представлений субъекта, а не ареала его возможных действий.

На основе вариации тех или иных компонентов «объективной» и «субъективной» подструктур вводятся различные схемы или модели конфликтов, позволяющие различать личностные, межличностные, межгрупповые, социальные, производственные, организационные и т.п. виды конфликтного взаимодействия. Среди них наиболее определенным видом социального конфликта оказывается конфликт организационный, поскольку в нем отсутствуют многие степени свободы деструктивного противодействия (см.: *Пископелль* 2002). Вернее — один из его видов, поскольку традиционно выделяют две «подструктуры» социальной организации (формальную и неформальную) и два вида конфликтов, им соответствующих — *позиционные* (формальные) и *межличностные* (неформальные). Так как позиция как элемент формальной структуры достаточно однозначно определяет ареал возможных действий человека, занимающего эту позицию, то так называемые позиционные конфликты и оказываются наиболее жестко фиксированными видами конфликтного взаимодействия⁶⁰.

Эту фиксированность, определенность позиционного противостояния часто рассматривают как его недостаток, сужающий возможности маневра сторон конфликта при ведении переговорного процесса. Скажем, так называемый гарвардский «метод принципиальных переговоров» исходно противопоставляется «позиционному торгу», когда «спор по поводу позиций приводит к неразумным соглашениям. Когда участники переговоров спорят по поводу позиций, они обычно сами ограничивают себя рамками этих позиций. Чем больше вы проясняете свою позицию и защищаете ее от нападок, тем больше вы себя с ней связываете» (*Фишер, Юри* 1992, с. 9).

У Р.Фишера и У.Юри содержание понятия позиции оказывается шире организационного контекста и не имеет непосредственной связи с понятием формальной структуры организации и так или иначе коррелирует с понятием социальной роли. А с точки зрения Р.Дарендорфа «структура социальных позиций и ролей» и определяет саму специфику социального конфликта как такового.

⁶⁰ Ср., например: «формальным конфликтом будем называть конфликт, в основе которого лежат противоречия между статусами, организационными ролями и т.п., т.е. противоречия между элементами формальной структуры организации» (*Решетникова* 2003).

Если взять за основу взгляды на социальный конфликт Р.Дарендорфа, то именно позиционно-ролевая его структура должна приниматься во внимание в первую очередь, так как она выступает в качестве интегральной, синтезирующей инстанции по отношению к отдельным компонентам, включаемым в состав структуры конфликта. Она, на самом деле, оказывается важнейшим условием и для «метода принципиальных переговоров» Р.Фишера и У.Юри, но только не на начальной, а на завершающей стадии таких переговоров. В конце успешных переговоров стороны конфликта должны прийти к «разумному и справедливому» договору (соглашению), фиксирующему взаимные обязательства сторон. А что такое эти обязательства, как не фиксация «позиций» сторон по отношению друг к другу?

Эти соображения демонстрируют оправданность использования позиционно-ролевого представления в качестве исходной и простейшей предметной формы конфликтной ситуации.

Речь идет о позиционно-ролевой структуре, поскольку понятия социальных роли и позиции в социологии и социальной психологии чаще всего используются как синонимы, отличаясь лишь акцентами, расставляемыми в формальных дефинициях, и выступая в качестве двух соотносительных понятий, относимых к одному и тому же элементу социальной системы и противопоставляемых в рамках категориальных оппозиций «структура — функция» или «структура — процесс». При этом собственно позиции и диспозиции тех социальных субъектов, которые эти позиции занимают и соответственно могут «входить» и «выходить» из тех или иных «позиций», часто не различаются и синкретически объединяются⁶¹.

Но в данном контексте социологический смысл используемого здесь понятия позиционно-ролевой структуры близок тому понятию позиции, которое использовал П.Бурдьё, конструируя «социальные поля» в качестве социологических объектов, представляющих собой «структурированные пространства позиций (или точек), свойства которых определяются их расположением в этих пространствах и которые можно анализировать независимо от характеристик тех, кто их занимает (и кто отчасти определяется этими позициями)» (Бурдьё 1984). Это содержание понятия позиции восходит, в свою очередь, к представлению Дюркгейма «социальной реальности» как ансамбля невидимых связей, формирующих пространство позиций, внешних по отношению друг к другу и определенных одни через другие, а сам

⁶¹ Ср. со стандартной дефиницией *социальной роли* как нормативно одобренным, относительно устойчивым образцом поведения (включая действия, мысли и чувства), воспроизводимым индивидом в зависимости от его социального статуса или *позиции* в обществе.

социологический анализ оказывается анализом таких относительных позиций и объективных связей между позициями.

На правах категориальной рамки, задающей специфику подобного представления, мы будем использовать содержание понятия «деятельной позиции», характерное уже не для социологии, а для СМД-методологии. Другими словами, мы будем видеть в деятельной позиции предельные смысл и содержание позиционно-ролевого представления.

Особенностью содержания понятия деятельной позиции является непосредственная его связь со спецификой активного предметно-продуктивного отношения к окружающей действительности, т.е. с определяющими ее ценностями, целями, средствами, процедурами, продуктами. Как такое предельное выражение позиционно-ролевого представления каждая деятельная позиция задает свою действительность, с характерной для нее системой средств и способов освоения своего объекта. То есть разные деятельные позиции — это в конечном счете и разные, несводимые друг к другу действительности. При этом полагается, что каждая деятельная позиция — это культурно выработанная и исторически оправданная действительность, обладающая своей «логикой» представления и действия и заданная парадигматической организацией необходимых для них средств.

Для того чтобы отличить деятельные позиции (методологический план) от «социальных ролей и позиций» (предметный план), можно с определенной степенью условности первые трактовать как «культурные», а вторые — как «социетальные» позиции⁶².

Одной культурной (деятельной) позиции соответствует множество социетальных (социально-психологических ролей и формально-организационных позиций). Следовательно, отношение между отдельными социетальными позициями опосредовано теми культурными позициями, индивидуальными реализациями (выражениями) которых они выступают. Социальная реальность как совокупность социокультурных действительностей выступает здесь в виде социокультурного пространства с его основными измерениями, культурными позициями — «реперами» такого пространства, организующими множество социетальных позиций в качестве элементов (топов) такого пространства.

Понятие позиции подразумевает внутреннее единство и самоогласованность ее образующих. Обратной стороной этой целостно-

⁶² Это противопоставление типологически эквивалентно противопоставлению культурного и социетального в рамках конструктивного истолкования смысла категории культуры в СМД-методологии (см.: *Генисаретский* 1970).

сти является дискретный, «квантовый» характер того социального пространства, в котором эти позиции сосуществуют друг с другом. Прежде всего это относится к культурным позициям как конституциональным образующим самого социального пространства, поскольку «время жизни» таких позиций несравнимо с временем существования позиций социетальных⁶³. Но то, что в предельном выражении свойственно культурным позициям, в качестве интенции при-суще и социетальным. Только та позиция, которая способна обеспечивать внутреннее единство и самосогласованность может претендовать на действительное, а не на виртуальное существование.

2.3.3. Ситуация и самоопределение

Понятие ситуации (социальной) в СМД-методологии в определенном отношении близко к тому, которое используется в таком направлении социальной психологии, как интеракционизм. В этом направлении исследования социального поведения акцент делается на том, что это поведение в конечном счете определяется не объективный характер «ситуации», а то, как эта «ситуация» переживается субъектом, «определяется» им. Ограниченность же такой интерпретации содержания понятия «ситуация» связывается с ее гносеологизмом и психологизмом.

Для СМД-методологии характерно базальное противопоставление естественнонаучного, натуралистического и оргдеятельностного подходов к социокультурным явлениям. А разница между ними обычно поясняется путем противопоставления употребления и объективации идеализованных схем деятельности. Если в рамках естественнонаучного подхода идеализованные схемы отчуждаются субъектом в качестве противостоящих ему «объектов», с их внутренними, имманентными законами существования, то в рамках подхода оргдеятельностного они выступают прежде всего в качестве средств организации деятельности самого субъекта, как бы «надеваются» им на самого себя.

Понятие ситуации с точки зрения СМД-методологии осмысленно только для оргдеятельностного подхода, необходимость в нем возникает для «фиксации того, что получается при оргдеятельностном употреблении схем, и в этом смысле мы не противостояем ситуации, а мы находимся в ситуации и должны в ней самоопределяться» (Шедровицкий 1981 б, с. 17).

⁶³ Здесь процессы социальной эволюции и развития — это появление новых культурных позиций и утилизация или консервация старых.

Для каждого участника конфликтного взаимодействия важно точно определить ту ситуацию, в которой он находится, поскольку она *для него* выступает как то, что в первую очередь определяет возможные и невозможные способы конфликтного поведения и тем самым выбор оптимального поведения «здесь и теперь». Другими словами, ситуация всегда оказывается определенной относительно планируемых и осуществляемых в ней тем или иным субъектом действий, имеет *деятельный смысл*. Ситуацией для него оказывается не просто внешнее окружение, которое определяет такое поведение, воздействует на него извне, а прежде всего то, что выделено и означено через собственное *самоопределение* в нем⁶⁴. Именно самоопределение задает границы и создает определенную организацию того внешнего окружения, которое становится ситуацией. Или, несколько иначе, самоопределение и определение ситуации — две стороны одного и того же процесса⁶⁵.

Другими словами, «самоопределение» и «определение» ситуации — это не два отдельных так или иначе связанных процесса, а две стороны, два выражения одного и того же процесса. И, следовательно, определенность ситуации и самоопределенность в ней оказываются также не двумя разными, а, фактически, одним и тем же результатом этого процесса; их только с известной степенью условности можно рассматривать независимо друг от друга как два самостоятельных его выражения. То есть характеризовать этот процесс и его результат можно как на языке самоопределения, так и на языке определения ситуации.

Такое самоопределение суть разделение пространства действия на значимые и незначимые для действия компоненты и организация «значимых» компонентов в ситуацию. Значимость компонентов ситуации по отношению к субъекту самоопределения упорядочивает отношения между ними и задает внутреннюю структуру ситуации. Причем в качестве элементов этой структуры выступают как *предметные условия*, так и *значимые* (для деятельности) *условности*. В результате такого означения ситуация и выступает как искусственное произведение субъекта деятельности, организуется им. Но ситуация конфликтного взаимодействия является не только искусственным, но и естественным образованием, не только строится, но и складывается — прежде всего противодействующим субъектом конфликта.

⁶⁴ Именно это обстоятельство, невозможность рассматривать ситуацию как внеположный объект, и определяет оргдеятельностный статус соответствующего понятия.

⁶⁵ Ср., например: «Таким образом, человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, но определяет ее, одновременно “определяя” себя в этой ситуации» (Гришина 1997, с. 133).

Та определенность ситуации, которая возникает в результате самоопределения, задает границы действия лишь для самого субъекта взаимодействия, «внутри» ее оказывается лишь то, чем он сознательно владеет, распоряжается, управляет в ней. То, что само способно извне влиять, ограничивать, искажать и т.п. действия субъекта выступает в качестве того естественного фона, который определяет «внешнюю» ее границу.

«Что же такое ситуация, в чем смысл этого дела? В том, что это выход за пределы нашей деятельности, это попытка связать деятельность с обстановкой, а следовательно, она, ситуация, должна рисоваться, как двухграничная, она существует вот как один обвод, задаваемый нашей деятельностью, и как другой обвод, задаваемый внешними обстоятельствами, действиями других людей и т.д. ... Разница между одним и другим должна, фактически, минимизироваться, т.е. ситуация в этом смысле — гетерогенная, гетерархированная полисистема. Она обязательно изнутри фиксируется моими представлениями, моими установками, моими целями, границей моей руки, моего действия. А кроме того, мне все время мешают, поскольку вторая часть, обводящая, внешняя в ситуации, определяется законами других механизмов, другой жизнью... Это — кентавр-система... Проблемы ситуационного анализа и ситуационного управления в том, чтобы эти два механизма соорганизовать как работающие на одну организацию» (*Шедровицкий* 1981 б, с. 18).

Поскольку речь идет о взаимодействии, то важнейшим компонентом ситуации каждого участника является другой(ие) участник(и) конфликта с ситуацией его(их) собственного самоопределения в конфликтном взаимодействии и тем самым со «своей» ситуацией. Поэтому топология конфликтной ситуации в первом приближении оказывается состоящей из позиций участников с их ситуациями, каждая из которых включает позиции и ситуации других участников.

Поскольку «внешние» и «внутренние» границы ситуаций определяются через представления и отношения субъектов самоопределения, то соотношение внешнего и внутреннего в структуре ситуаций взаимодействия может сильно расходиться в «картинах» участников (вплоть до инверсии их взаимообъемлемости). Самый банальный пример — определение статуса участвующих в групповых конфликтах окружающих людей, их включения в конфликтную ситуацию на тех или иных правах. От адекватного их разделения (атрибутирования) на «сторонников», «противников», «поддерживающих», «сочувствующих», «нейтральных» (и соответственно их задействования в соответствии с той или иной атрибуцией) существенно будет зависеть смысл, динамика и исход конфликта.

Еще Л.А.Козер отмечал, что в сложных социальных системах единое прочтение ситуации и общность восприятия событий всеми членами системы вряд ли вообще возможны и это обстоятельство в значительной степени осложняет проблему урегулирования конфликтов. «В условиях, когда группа или общество раздираемы враждой лагерей вне всякой объединяющей цели, заключение мира становится почти невозможным, так как ни одна из внутренних партий не желает принять определение ситуации, предложенное другими» (Козер 2000).

Но, что здесь означает «принять определение» ситуации, предложенное другими?»

Поскольку ситуации имеют естественно-искусственную природу, то непринятие одними участниками конфликта определений ситуации, предлагаемых другими, означает непринятие самих ситуаций, в которых находятся другие участники. Речь идет не просто о различном видении «одной и той же ситуации», ситуации здесь не противопоставлены самому видению как таковому, поскольку это видение само является компонентом ситуации и в равной мере и определяет ее. Так что на языке СМД-методологии эта мысль Л.А.Козера может и должна быть уточнена и выражена иначе. Проблема урегулирования конфликтов осложнена или невозможна не столько из-за принятия/непринятия сторонами конфликта взаимных определений ситуаций, сколько из-за того, что сами стороны конфликта находятся в разных ситуациях.

Тогда на языке ситуаций причиной конфликта оказывается как раз именно то, что стороны взаимодействия исходно находятся в разных ситуациях, а урегулирование конфликта невозможно без их приведения к одной единой ситуации. Другими словами, урегулирование конфликта здесь и есть своего рода преобразование разных ситуаций сторон взаимодействия, их сведение в одну общую ситуацию. А сама суть конфликта оказывается связанной с отсутствием общей ситуации у сторон взаимодействия, т.е социальное взаимодействие оказывается конфликтным из-за того, что стороны взаимодействия находятся в разных ситуациях.

А значит, конфликт с этой точки зрения характеризуется как раз дефицитностью ситуации, конфликтная ситуация является ситуацией только номинально, поскольку она «состоит» из несовместимых ситуаций участников взаимодействия. Соответственно само конфликтное взаимодействие может быть рассмотрено как то или иное преобразование таких односторонних ситуаций, как динамика такого изменения ситуаций сторон взаимодействия.

Чисто эмпирически эта динамика может быть совершенно различной и вести как к схождению, так и дальнейшему расхождению

исходных ситуаций, т.е. к усилению или ослаблению конфликтного взаимодействия. А само схождение может иметь как характер взаимного преобразования исходных ситуаций в общую ситуацию, содержащую базовые элементы обеих ситуаций, так и полную элиминацию одной из ситуаций и тем самым превращения другой, исходно односторонней ситуации, в общую. За счет каких действий сторон взаимодействия такое преобразование ситуаций оказывается возможным – вопрос особый, обычно они описываются как *переговорный процесс*, обеспечивающий достижение того или иного компромисса, соглашения участвующих сторон ⁶⁶.

2.3.4. Позиционно-ролевой базис ситуации

Если социальное действие рассматривать через призму культурных позиций, упорядочивающих социальное пространство, то самоопределение в ситуации предполагает присвоение субъектом социальных позиций, релевантных его деятельности. Совокупность возможностей, предоставляемых присвоенными позициями, и есть ситуация для субъекта действия. Социальное действие как взаимодействие осуществляется интегративным субъектом, представленным как минимум двумя автономными субъектами, и ситуация взаимодействия определяется здесь совокупностью позиций, присвоенных этими субъектами.

В рамках оргдеятельностной модели конфликта присутствуют две идеально-типических формы противодействия: *конкурентная* (конструктивная) и *конфликтная* (деструктивная) (см.: Пископелль 2002, с. 62). Основное различие между ними усматривается в согласованности/рассогласованности парадигматик, регулирующих действия сторон. В случае конкурентных отношений существует общая парадигматика, общие правила регуляции взаимодействия, в случае конфликтных такая общая парадигматика отсутствует, и каждая из сторон руководствуется своей парадигматикой. Противоречие (различие) между парадигматическими системами и определяет в рамках оргдеятельностной модели суть и специфические черты конфликтного взаимодействия ⁶⁷.

⁶⁶ Поскольку ситуация здесь естественно-искусственное образование, то изменение ситуаций может происходить не только в результате действий сторон, но и в силу естественных причин – типа истощения невозобновляемых ресурсов, используемых участниками конфликта, и т.п.

⁶⁷ Этим оргдеятельностное представление конфликта отличается от «полевого», восходящего к К. Левину, где конфликт непосредственно связывается с актуальными противоречиями между мотивами, целями субъектов равной силы, но противоположно направленными.

Характерным примером, поясняющим взаимоотношения конкурентного, конструктивного противодействия и конфликтного, деструктивного противодействия являются все формы спортивного противоборства. Спортивные соревнования в виде непосредственного взаимодействия-противоборства можно рассматривать в качестве наиболее наглядного примера конкуренции. Это противоборство, подчиняющееся общим, единым для противоборствующих субъектов правилам (монопарадигмальность), придающим их взаимодействию целостность и культурную значимость. Победа (достижение цели) одной из противоборствующих сторон есть одновременно и поражение (недостижение цели) другой. Причем конкурентные отношения обеспечивают легитимность признания своего поражения проигравшей стороной, т.е. заверченный, замкнутый характер взаимодействия.

Характерно, что в рамках конкретных спортивных соревнований наряду с конкурентными неизбежно возникают и конфликтные отношения, но в качестве своего рода естественных, побочных обстоятельств соревнования. Конфликт на спортивной площадке всегда результат действий спортсменов или за пределами правил (скажем, драка на спортивной площадке), или нарушающих правила. Это — переход из пространства конкурентных отношений в пространство конфликта, где разворачиваются события, уже не имеющие отношения к соревнованию. Поэтому существует механизм, отслеживающий соблюдение правил игры, ее остановки в случае нарушения правил, «замораживания» конфликта, компенсации (штраф) и возвращения в пространство соревнования — механизм судейства, воплощенный в фигуре спортивного судьи или судейской бригады.

Такой механизм эффективен только в случае достаточно «строго» ограниченного пространства конкурентных отношений, с операционально-заданными правилами (парадигматикой) соревнований, позволяющими однозначно разделить пространства конструктивного и деструктивного противодействия. Здесь внешние и внутренние границы ситуации фактически совпадают, а пространство ситуационного самоопределения всецело тождественно «спортивной площадке». Эта сильная определенность является производной от определенности тех позиций, которые может занять спортсмен в спортивном состязании ⁶⁸.

⁶⁸ Скажем, в футбольной команде такими «позициями» с известной степенью условности можно считать позиции вратаря, нападающего, защитника и т.п. Позиции полевого игрока и вратаря отличаются тем, что вратарь может играть руками, а другие члены команды — нет, силовое воздействие на вратаря не допускается, а на полевого игрока допускается и т.д.

Спортивное противоборство, к которому мы постоянно апеллируем, не просто наглядный пример. Его принципиальную организацию как отработанную, устойчивую и социально-значимую форму соревнования (конкуренции) можно рассматривать как своего рода конкретное выражение того идеала, к которому следует стремиться в том случае, если те или иные формы деструктивного противодействия (конфликта) преобразуются в формы противодействия конструктивного.

Но сложные формы социально-значимой деятельности обладают заведомо менее определенными парадигматическими системами и, как правило, являются открытыми⁶⁹. Больше того, эта сложность связана во многом с тем, что ситуация как результат самоопределения подразумевает возможность объединения самим субъектом разных форм социальной деятельности или их фрагментов как во «флексивной» (непроизвольной), так и «рефлексивной» (произвольной) форме. И, следовательно, в общем случае число и характер позиций, которые тот или иной конкретный субъект может занимать в открытом пространстве социального взаимодействия, какие из них он считает допустимыми и т.п., является неопределенным. Тем самым в общем случае неопределенными оказываются как «внутренняя» граница ситуации для каждого субъекта взаимодействия (структурируемая здесь позициями, которые он сам может объективно занимать), так и «внешняя» (структурируемая здесь позициями, которые может объективно занимать оппонент).

Общая схема разрешения социальных конфликтов в оргдеятельностной их интерпретации состоит в преобразовании исходного деструктивного (конфликтного) противодействия в те или иные формы продуктивного сочетания *сотрудничества* (конструктивного содействия) с *конкуренцией* (конструктивным противодействием) (см.: *Пископель* 2002). Достижение сотрудничества там, где оно может иметь место, несравненно более простая задача в деле разрешения конфликта. Сотрудничество предполагает взаимодополнительность и взаимообусловленность сторон, их взаимную поддержку и заинтересованность — каждой из сторон в действиях другой. Проблематичным является, как правило, преобразование конфликтных отношений в конкурентные, поскольку их отличает не желательность, а лишь допустимость.

Выше речь уже шла о том, что конфликт характеризуется дефицитностью ситуации, что конфликтная ситуация является ситуацией только номинально, поскольку она «состоит» из плохо совмес-

⁶⁹ «Место» судьи в них чаще всего не предусмотрено, и его введение в пространство конфликта становится, если становится, одним из результатов переговорного процесса в качестве необходимого условия его разрешения.

тимых ситуаций участников взаимодействия. На уровне позиций эта дефициентность проявляется как декогерентность позиций сторон конфликта. Соответственно конфликтное взаимодействие может быть рассмотрено как то или иное преобразование таких односторонних ситуаций, как «сближение» позиций сторон взаимодействия.

Это «сближение» подразумевает максимальное увеличение определенности внешних и внутренних границ ситуации за счет их рефлексивно-мыслительного присвоения и предметно-практического замыкания пространства социального взаимодействия. Только в этом случае социальное взаимодействие приобретет завершенный, продуктивный характер. Смысл подобного замыкания — во взаимном согласии сторон на определение позиций, которые может занимать каждый из субъектов в процессе конкурентного (соревновательного) взаимодействия, и таком их *доопределении*, которое позволяет осуществлять объективный операциональный контроль. Его осуществление и является содержанием переговорного процесса при позиционно-ролевой интерпретации и схематизации конфликтной ситуации.

Прежде всего это касается позиций, уже имеющих нормативный статус, утвердившихся в социокультурном пространстве в качестве социальных ролей. Переговорный процесс здесь направлен на разделение и отделение тех из них, которые каждый участник взаимодействия может занимать, от тех, которые не может. Но вполне очевидно, что в общем случае исходная ситуация конфликта содержит такие социально-значимые позиции участников, которые невозможно объединить в рамках общей ситуации. В этом обычно и состоит специфика именно конфликтной ситуации. Тогда речь должна идти уже не только и не столько о выборе среди существующих позиций, сколько о креативном акте социального конструирования новых «виртуальных» позиций, впервые утверждаемых соглашением сторон и существующих только во времени действия соглашения.

Если выработанное соглашение переведет ситуацию конфликта в ситуацию конкурентного взаимодействия (соревнования), то исходный конфликт оказывается исчерпанным ⁷⁰. Если не переведет и новая ситуация окажется конфликтной, то неизбежно понадобится новый цикл конфликтного взаимодействия и разрешения конфликта.

Для конфликтов разного типа как возможное множество позиций, так и степень их определенности и объективно, и субъективно различны. «Естественно» желание каждой из сторон добиться такого

⁷⁰ Что не исключает появления вторичных конфликтов из-за нарушений достигнутого соглашения или разной трактовки нормативной организации легитимизированных позиций.

замыкания пространства социального взаимодействия, которое бы включило в общую ситуацию наиболее *выгодные для себя* позиции и исключило бы невыгодные. Отсюда – «давление» на другого участника конфликта, стремление так или иначе вынудить его занять объективно невыгодную позицию, ослабить его. Но как будет замкнута исходно разомкнутая ситуация конфликта, какие позиции станут ее легитимной базой и каким окажется ситуация конкуренции – определяется самим переговорным процессом и его результатом – *соглашением* сторон.

Те позиции, которые на основе соглашения сторон войдут в *легитимный позиционный базис* социального взаимодействия и составят новую, преобразованную ситуацию социального взаимодействия. От того, какими на практике окажутся позиции такого базиса, от степени их взаимоопределенности, будет зависеть его характер – окажутся ли стороны взаимодействия в конфликтных или конкурентных отношениях.

В результате все «вернется на круги своя» – к возобновлению непосредственного конфликта или нового переговорного процесса, но уже в существенно ухудшенной ситуации, с подорванным к доминирующей стороне доверием.

Мы рассмотрели самое общее представление о конфликте в условиях «социальной статики», где вполне уместно ограничиться типологическим подходом в силу очевидности различий между установившимися формами социального взаимодействия. Но, как и всякое живое действие, конфликт есть вполне определенный процесс, со всей совокупностью необходимых и достаточных условий и действующих лиц. Происхождение и становление этой формы взаимодействия, ее генезис из других, хотя и близких, но отличных по сути явлений, всецело принадлежит сфере «социальной динамики». Учет социально-динамической точки зрения – необходимый шаг на пути оргдеятельностного истолкования природы конфликта.

2.4. Динамика конфликта

Каждый непосредственный, «случающийся» конфликт, представляет собой ситуативно складывающуюся, *открытую* динамическую систему. Эмпирическая «судьба» этой конкретной динамической системы (продолжительность, напряженность, исход), как и *любого* другого жизненного явления, может быть любой. Она зависит от множества условий конкретного взаимодействия – сторон-субъектов, предмета, содержания, ресурсов, среды, обстоя-

тельств «места и времени» и т.п. Эти различия в судьбе неявно отражены и выражены в тех или иных классификациях конфликтов как эмпирических явлений⁷¹.

Предпосылкой организационно-деятельностной (ОД) модели первичного конфликта является эмпирически оправданное онтологическое полагание, что при всех бытующих в конфликтологической литературе отсылках к амбивалентности конфликтов, описаниях их возможной или реальной позитивной функции (типа предотвращения «застоя» и «омертвления», стимулирования движения вперед, объективирования источника разногласий, преодоления противоречий, адаптации, самоутверждения и испытания себя и т.п.) вся эта позитивность ищется и полагается в *будущей ситуации*. Исходный же смысл любого конфликта по отношению к *текущей ситуации* во всех теоретических представлениях о конфликтах, фактически, всегда однозначно *деструктивен* (все так называемые «положительные» функции конфликта — лишь возможности, потенции, которые могут случиться или не случиться).

Подобное обстоятельство, наряду с *противодействием* как атрибутивной, фундаментальной характеристикой конфликтного взаимодействия, определило выбор исходной абстракции непосредственного, *первичного конфликта*. Вполне естественно, что на правах такой абстракции не могут выступать схемы, в которых конфликт исходно оказывается не деструктивным, а уже заведомо амбивалентным. Здесь любого рода амбивалентность должна следовать (или не следовать) из развития или развертывания первичного конфликта, той или иной его артификации (как иногда выражаются — управления конфликтом).

Именно такой непосредственный, или первичный, конфликт оказывается *деструктивным противодействием*, которое осмысленно противопоставить *противодействию конструктивному*, т.е. *конкуренции* (соревнованию).

⁷¹ Скажем, В.В.Бойко и А.Г.Ковалев предложили различать и аналитически описывать конкретные конфликты с точки зрения: *мотивов* (личные, групповые, общественные); *напряженности* (высокий, умеренный, нейтральный); *многочисленности* (парные, парциональные, групповые, всеобщие); *динамичности* (стихийные, запланированные, спровоцированные, инициативные), *длительности* (кратковременные, длительные); *регулируемости* (управляемые, слабо управляемые, неуправляемые); *завершенности* (спонтанно прекращающиеся, прекращающиеся с помощью внутренних средств, прекращающиеся при вмешательстве со стороны); *результативности* (мобилизующие, дезорганизующие); *этичности* (приемлимые, неприемлимые) (Бойко и Ковалев 1983).

Выше уже отмечалось, что в конфликтологической литературе принято описывать широкий круг эмпирических «причин» конфликтов. Везде, где обнаруживаются противоречия, *со-* и *противостояние* или конституирует сам конфликт (государств, этносов, групп, индивидов, ценностей, целей, интересов, мнений, претензий, статусов, мотивов и т.п.), или выдается за причину того или иного конфликта⁷². Очевидно, что на этом уровне нет никакого смысла искать причину *конфликта как такового*, поскольку здесь причин оказывается столько, сколько самих конфликтов. При поиске же причин конфликта в рамках оргконфликтного подхода имеет смысл исходить из того, что это всегда *события*, причем не просто события, а те или иные *действия* — следовательно, и причины их как таковых также должны быть *действенными*. Именно такого рода действенная причина полагается в основание оргдеятельностной модели первичного конфликта (см.: Пископтель 1994, 2001, 2003).

Вступление субъектов во взаимодействие только проявляется друг для друга на поведенческом уровне, но очевидным образом не исчерпывает его и не сводится к нему, а означает становление, как уже отмечалось выше, определенной, многоуровневой динамической акторной (виртуальной) *системы*. Причем характер ее в первую очередь, с точки зрения оргдеятельностной модели, определяется в первую очередь той *парадигматикой*, которую каждая из сторон «по умолчанию» и независимо от степени осознания втягивает в общее пространство (ситуацию) на правах регулятора процессов поведения в реальном времени, т.е. на поведенческом уровне, фактически, теми *ожиданиями*, в которых находит свое выражение представление о том, что *может* и *должна* (и, соответственно, чего *не может*, и *не должна*) взаимодействующая сторона делать.

Что происходит с точки зрения ОД-модели, когда стороны взаимодействия вступают в него, обладая разными парадигматиками (регулятивами)? Если хотя бы одна из сторон *с точки зрения другой* осуществляет действия, которые *с точки зрения другой* она *не должна* осуществлять, то и возникает *событие конфликта*.

Для ОД-модели конфликта, как уже отмечалось выше, характерна презумпция, что *эмпирической почвой* (поводами) конфликтов может быть любая определенность общественной жизни. Это одновременно означает, что здесь сущность конфликта инвариантна подобным определенностям самим по себе и его смысл связывается не

⁷² В тех или иных теориях конфликта, как известно, предпочтение отдается более определенным, иногда однозначным противоречиям — скажем когнитивным или мотивационным.

с предметным содержанием противодействия (т.е. не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с формой его *регуляции*.

Хотелось бы при этом подчеркнуть, что важность феномена регуляции отмечается практически в любых теориях и моделях конфликта. Основное отличие ОД-модели лишь в том, что этому феномену придается онтологический смысл, с ним связывается сама сущность конфликтного взаимодействия, т.е. он рассматривается в качестве единственно значимого для самого *существования* (сущности) конфликта, в отличие от конкретных форм и условий его проявления (явления).

В результате регуляционные отношения вносятся в рамки самого социального противодействия и рассматриваются как отношения между компонентами базального социально-*парадигматического* уровня (плана) любого действия и компонентами противопоставляемого ему социально-*синтагматического* уровня (плана), выступающего в качестве плана реализационного, исполнительного. «Причина» же конфликта связывается с парадигматическим планом социального взаимодействия. Полагается, что *парадигматическая конгруэнтность* (совместимость) исходных действий сторон предопределяет характер взаимодействия. Наличие парадигматической целостности, объединяющего начала у двух «взаимопересекающихся» действий — синоним конструктивности, а ее отсутствие — деструктивности, т.е. конфликта ⁷³.

Таким образом, в ОД-модели первичного конфликта, так же как и в других моделях, в основе конфликта лежит противоречие, но отнюдь не «всего чего угодно со всем чем угодно» (как иногда, по сути дела, эмпирически классифицируют «конфликты»), а только *парадигматик* совместного действия у сторон взаимодействия. Ибо именно соответствие (совпадение) парадигматик обеспечивает возможность того, чтобы стороны играли в одну и ту же «игру», находились в одном и том же пространстве взаимодействия. Что же касается противоречий между другими определенностями взаимодействующих

⁷³ Необходимо подчеркнуть, что сама по себе апелляция к парадигматическому плану социального действия/взаимодействия не накладывает никаких ограничений на его полноту, непротиворечивость и целостность. Важно лишь то, что неполнота, противоречивость и нецелостность парадигматики неизбежно станут характеристиками его актуального (поведенческого) плана. То есть конкретное поведение конкретного человека в конкретной ситуации окажется в этом случае хаотичным и дезорганизованным, лишенным внутренней определенности. А разрешение конфликта окажется тогда невозможным без его предварительной парадигматической нормализации, т.е. доопределения.

сторон, то они выступают здесь лишь в качестве условий взаимодействия (т.е. условий в равной мере как конфликтных, так и бесконфликтных его форм) ⁷⁴.

Деструктивная интерпретация конфликтов отнюдь не отрицает эмпирической возможности выполнения ими позитивной функции. Типологическая категоризация их в качестве деструктивных лишь относит их к тому ряду деятельностных и жизнедеятельностных явлений, в котором располагаются «ошибки», «болезни» и т.п. события нашей жизни. Разбор ошибок позволяет лучше усвоить учебный материал, а благополучно перенесенная болезнь укрепляет иммунитет. Однако никому не приходит в голову приветствовать ошибки или болезни и рекомендовать их культивировать, развивать и укреплять. Кроме того, одно дело — такие формы взаимодействия, как только «мыслимый», «экспериментальный» или «игровой» (разыгрываемый) конфликты и совсем другое — те реальные конфликты, которые не специально организируют, а в которые неожиданно для самих себя попадают. Первичный конфликт — это именно такой конфликт, в который «падают».

Если вновь обратиться к «играм» как к наглядному примеру и модельному прототипу конкуренции (соревнования), то применительно к ним достаточно очевидно, что по отношению к объемлющему их социальному пространству игровое пространство, *замкнутое* относительно правил игры, способно представлять только ту его часть, в которой социальное взаимодействие обрело свою определенность (продуктивность) и регулярный, массовый, институциональный характер. Но такая действительность, как *социальные изменения* (эволюция и развитие), т.е. складывание новых отношений и продуцирование и освоение новых реальностей, вольно или невольно выводит нас за уже сложившиеся пределы, т.е. делает социальное пространство *открытым*. Именно к этой действительности апеллируют энтузиасты позитивно-функциональной интерпретации конфликтных явлений, поскольку для них именно конфликты, во-первых, замыкают те или иные отжившие свой век социальные пространства, а во-вторых, позволяют обнаружить и осознать те новые противоречия, которые стимулируют социальное развитие.

Однако такая точка зрения существенно игнорирует соотношение естественного/искусственного в социальной деятельности и сво-

⁷⁴ Предметно-теоретическими аналогами подобной модели являются структурно-функциональные социально-психологические модели, представляющие поведение и/или деятельность в виде динамических систем, укорененных в социальной сфере за счет процессов объективно значимой регуляции (см., например: Мерлин 1970; Ядов 1975; Бобнева 1978).

дит социальные изменения исключительно к эволюционным процессам⁷⁵. Только в отношении этой категории процессов социальных изменений конфликты способны выполнять функцию преодоления социальной рутины и обнажения тех или иных противоречий. Но и в этом случае никакого реального разрешения противоречий они сами по себе не содержат. Сами конфликты лишь фиксируют противоречия, не давая им «разминуться» (разрешиться) и оказываются весьма неэкономным и опасным «средством» стимуляции социальных изменений кустарным способом «проб и ошибок», т.е. непосредственно-практически.

Характерно, что в тех случаях, когда конфликт рассматривается как амбивалентное явление, именно *регулируемость* есть то качество, с которым связывается возможность позитивного влияния конфликта на общественную жизнь: «если им грамотно и умело управлять, то он может стать элементом организационного развития» (*Барклянский* 1991, с. 45). С точки же зрения оргдеятельностной модели, именно нерегулируемость и представляет собой основное содержание конфликта, ибо отсутствие единой парадигматики (парадигматической конгруэнтности) и означает дефициентность регуляторов конфликта как относительно целостного, рационального и целенаправленного взаимодействия. Появление же таких регуляторов есть не что иное, как превращение конфликта в другую форму социального взаимодействия, а именно, с точки зрения введенной типологии, в «конкуренцию» или «сотрудничество» субъектов взаимодействия. При этом конкуренция как вид взаимодействия сохраняет отношения противодействия сторон, а сотрудничество предполагает возможность их изменения на отношении содействия, поскольку только на этом пути возможно обретение взаимодействием определенной направленности, целевой завершенности и социокультурной ценности.

Такое превращение способно обеспечить лишь преобразование парадигматик взаимодействующих сторон (с изменением самих «правил игры»), их *релятивизацию*. Отсутствие на это согласия сторон гипостазирует конфликт и закрывает дорогу к его преодолению. Поэтому базовой предпосылкой управления конфликтом в ОД-модели является проблематизирующая релятивизация конфликтной парадигматики — первое условие применимости и первая фаза соответствующей стратегии разрешения конфликта, а основным вопросом ОД-конфликтологии оказывается вопрос об условиях и границах пара-

⁷⁵ Скажем, СМД-методология различает четыре исторических типа социальных изменений: естественную *эволюцию*, искусственное *развертывание*, искусственно-естественное *развитие* и естественно-искусственное *становление*.

дигматической релятивизации, т.е. вопрос о том, чем определяется наличие таких границ, возможно ли изменение их контуров и существует ли стратегия преодоления конфликта, когда сама возможность релятивизации ставится под вопрос?⁷⁶

Чисто конструктивная переработка исходных «правил», открывающая возможность перевода конфликтных отношений в отношения сотрудничества или конкуренции, приобретает права новой парадигматики в результате ее *легитимации* сторонами взаимодействия.

В тех случаях, когда конфликт отождествляется с противодействием как таковым, разделение конфликтов на конструктивные и деструктивные связывается, фактически, с «выходом» из него, с фазой или стадией «разрешения» конфликта, сменяющей стадию конфликтного поведения (открытой борьбы), собственно реального противоборства. А в качестве основных стратегий исхода обычно фигурируют: уклонение от участия в конфликте (признание поражения), продолжение открытой борьбы и торг (переговоры). Причем уклонение от борьбы или продолжение открытой борьбы считаются, хотя и по разным основаниям, дефициентными способами преодоления конфликта, и основной упор делается на третьей стратегии – стратегии ведения переговоров. Поэтому подавляющее большинство конфликтологических работ, центрированных на разрешении конфликтов, посвящено технологии ведения переговоров и условиям их проведения, а «правильно» проведенные переговоры рассматриваются в качестве универсального средства конструктивизации конфликтных отношений.

Переговоры – это, как правило, прекращение самого реального противодействия и перевод его в *рефлексивный* коммуникативно-мыслительный план, план открытого обсуждения участниками своих разногласий и усилий «прямого» согласования своих интересов. Скажем, Р.Фишер и У.Юри описывают гарвардский метод «принципиальных переговоров» как состоящий в том, «чтобы решать проблемы на основе их качественных свойств, т.е. исходя из сути дела, а не торговаться по поводу того, на что может пойти или нет каждая из сторон. Этот метод предполагает, что вы стремитесь найти взаимную выгоду там, где только возможно, а там, где ваши интересы не совпадают, следует настаивать на таком результате, который был бы обоснован какими-то справедливыми нормами независимо от воли каждой из сторон» (Фишер и др. 1992, с. 19).

⁷⁶ Соответственно особый интерес и особую трудность для конфликтологии, при любом истолковании сути ее предмета, представляют те явления, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают *фундаментальные* духовные значения, не подлежащие релятивизации (Piskoppel 2001).

Нетрудно заметить, что основная установка этой стратегии с точки зрения ОД-модели состоит в преобразовании исходного конфликтного противодействия в те или иные формы продуктивного сочетания сотрудничества (конструктивного содействия) с конкуренцией (конструктивным противодействием).

Если конфликтная ситуация возникает по тем или иным причинам в хорошо освоенном (в культурно-нормативном смысле) социальном пространстве, то основным направлением преобразования конфликтующих парадигматик является их сведение к социально гарантированным, общественно значимым формам (позициям) или уподобление им — так, скажем, как это происходит при легализации «теневых» экономических операций. Это автоматически способно преобразовать конфликтное взаимодействие, обеспечить его интеграцию в продуктивные формы социального взаимодействия. В тех же случаях, когда такая ситуация складывается в неосвоенных областях социальной жизни, на своего рода «ничейной» территории, и такое сведение невозможно, необходимо оригинальное парадигматическое конструирование. Любые успешные *переговоры* венчает *договор*, в соответствии с которым и осуществляется дальнейшее взаимосогласованное (легитимизированное) регулирование взаимодействия конфликтовавших сторон. То есть такой договор выполняет парадигматическую функцию в отношении продолжающегося взаимодействия, а релятивизация, преобразование и легитимация парадигматики определяют содержание переговорного процесса.

На первый взгляд, подобное представление конфликта может показаться излишне формальным и «внешним», оставляющим без внимания его «внутреннее» содержание и те возможности, которые этим внутренним содержанием определяются. И действительно, оргдеятельностное истолкование конфликта, само по себе, занимает то поле эмпирических возможностей, в которых проявляются конфликтные отношения и их перманентное превращение в действительность «здесь и теперь» пространства социального взаимодействия. Но только потому, что эта модель обращена не к *возможному*, а к формам утверждения в нем *должного*. Ее основу составляет презумпция, что в сфере социального взаимодействия, так же, как и в личной сфере, все «дело, — говоря словами В. Франкла, — не в осуществлении каких-либо возможностей, а напротив, в осуществлении необходимости — того единственного, что нужно в данный момент. Дело в том, чтобы стремиться всякий раз не к возможному, а к должному.... Истинной проблемой была, есть и остается проблема ценностей, и мы не можем уклониться от столкновения с ценностной проблематикой, принимая решение, какая из существующих возможностей *достойна*

реализации, какая из существующих возможностей является в то же время и необходимостью» [Франкл 1990, с. 70-71].

Парадигматический план социального взаимодействия и есть план долженствования, в котором обретает конкретный операционально-действенный смысл ценность *правильного* (отсюда и «правила») в этой сфере. А любой договор только тогда гарантирует реальное преобразование конфликта в конструктивные виды взаимодействия и способен выполнять регулятивную функцию, когда обе стороны рассматривают требования, которым обязуются подчинить свою будущую активность, как обоюдно справедливые, т.е. правильные ⁷⁷.

2.5. Есть ли у конфликта функции?

В рамках универсальной понятийной схемы описания конфликтов категория функции включена в состав одной из понятийно-категориальных групп такого описания. В ней категория функции используется для описания влияния конфликта «на внешнюю среду и свои подсистемы» (см.: Анцупов 2000). На уровне здравого смысла такого описательного представления о «функции» может быть и достаточно, но явно не для теоретического представления конфликта. Тем более, что это далеко не единственное значение, в котором термин «функция» фигурирует в конфликтологии — существуют «функциональная модель» конфликта, «конфликтный функционализм» и т.п. (см., например: Гришина 2008).

Поэтому на вопрос о теоретическом содержании этого концепта в конфликтологии вряд ли можно дать однозначный ответ — в разных контекстах оно оказывается различным и, как правило, отсутствует само обсуждение такого содержания, хотя в конфликтологической литературе речь часто и заходит о так называемых функциях конфликтов и приводятся длинные списки таких «функций» ⁷⁸.

Термин-понятие «функция» используется в логике, математике, социологии, биологии, психологии, инженерии, юриспруденции, литературоведении и т.п. в самых разных значениях, тут и *специфическая активность* («деятельность» органа и организма в целом); обя-

⁷⁷ Ср.: «Ибо там, где не имело места предварительное заключение договора, не было перенесено никакое право, и все имеют право на все, и следовательно никакое действие не может быть несправедливым. А определением *несправедливости* является не что иное, как невыполнение договора. А все, что не несправедливо, *справедливо*» (Гоббс 1936, с. 127).

⁷⁸ Наиболее близкими по значению к конфликтологической проблематике выступают те его значения, в которых он используется в биологии, социально-гуманитарных науках и инженерии.

занность (человека в организации) или *назначение* (организации или института в обществе), *роль* (элемента в системе); *отношение* или вид *связи* (между объектами); *относительное проявление свойств* (одного объекта в отношении другого) и т.п. В любом случае важным, хотя не *всегда* явным для содержания этого понятия, является различие, имеющееся в разных дисциплинах: функция – форма / функция – субстанция / функция – материал и т.п. Смысл этого противопоставления в том, что между функцией и формой (субстанцией, материалом) нет взаимоднозначного соответствия. Эта нетождественность функции и ее носителя, их относительно автономное бытие позволяет «предписывать функции», «наделять функции», «распределять функции», «расширять функции», «совмещать функции» и т.п.

В рамках системного подхода, где ставится задача интегрировать и обобщить наиболее распространенные интерпретации содержания понятия функции, полагается, что «функция не имеет собственной объективной жизни: она есть лишь форма проявления связи; соответственно, чтобы исследовать и понять какую-либо функцию, фиксированную первоначально в виде свойства предмета, нужно перейти от этого предмета к более сложному целому, элементом которого этот предмет является; иначе говоря, исследовать определенную функцию какого-либо предмета – значит исследовать определенные связи, в которых этот предмет существует внутри более сложного целого» (*Шедровицкий* 1995, с. 317). Другими словами, здесь функция – это «место» определенного элемента (части) в системе (целом).

Какое целое имеется в виду, когда в конфликтологии рассуждают о функциях конфликта?

Становление конфликтологии обычно связывают с изменением традиционного взгляда на конфликт (с изменением содержания понятия «конфликт») под влиянием социологических исследований Л.Козера (*Coser* 1956) и Р.Дарендорфа (*Darendorf* 1957). Если до этих работ понятие конфликта использовалось в основном в качестве оперативного средства и объяснительной схемы при разработке других социально-психологических предметно-тематических областей, то после них оно приобрело имманентное онтологическое и предметно-теоретическое содержание. Это содержание стало почвой «для утверждения основных принципов современной конфликтологии – признания конфликтов в качестве закономерной и естественной характеристики социальных отношений, возможности протекания конфликтов в разнообразных, в том числе и конструктивных формах, а также утверждение принципиальной возможности управления конфликтами» (*Гришина* 2008, с. 42).

Полагания «закономерности», «естественности», «конструктивности», «управляемости» конфликтных явлений в социальных отношениях лежат в основании современной «конфликтологической парадигмы» — явной или неявной предпосылки большинства конфликтологических исследований⁷⁹. Как методические принципы они себя явно оправдали, обеспечив непрерывный рост конфликтологической практики. Но являются ли они достаточно теоретико-методологически фундированными для оправдания существования конфликтологии и, если да, то в каком качестве?

Эти принципы отнюдь не равнозначны и не однородны. Первые два (закономерность и естественность) выражают скорее *натуралистический* взгляд на социокультурные явления, а вторые (конструктивность и управляемость) — *деятельностный* (конструктивно-технический). В натуралистическом подходе человеческая деятельность рассматривается как артефакт и, при создании идеализованных объектов теоретического знания, элиминируется для выявления «объективной» закономерности явлений. Деятельностный подход включает натуралистические представления как средства объективации, присущие одной из деятельных позиций — естественнонаучной познавательной позиции. История естествознания, изучения объектов «природы», доказала ее продуктивность в отношении «натуральных» объектов познания и деятельности (*Щедровицкий* 1991). По отношению же к социокультурным объектам эта позиция оказывается частичной и ограниченной, поскольку для социокультурных объектов характерна не *естественность*, а лишь *оестественность*⁸⁰.

Таким образом, в зависимости от устанавливаемого приоритета этих принципов в самой конфликтологической парадигме конфликтология приобретет разный облик и разную направленность. И существование разных направлений явно обнаруживается в современной конфликтологии.

Если, исходя из противопоставления двух подходов к конфликту, выбрать в качестве основного социокультурный, то организационно-де-

⁷⁹ См., например: «конфликт — норма отношений между людьми, своего рода “клеточка” социальной жизни...; постоянство присутствия конфликта в социальной жизни и наличие возможности позитивного воздействия на него...; отказ от идеи подавления конфликта...; идея его регулирования... контроля над конфликтом...» (*Никовская* 2006, с. 80).

⁸⁰ В первом случае *всеобщность* и *необходимость* бытия выступают в виде вечного «закона природы», во втором — «культурной нормы», «исторического правила» (см., например: *Хюбнер* 1994). То есть здесь законом является «правило, благодаря которому сам по себе случайный поступок делается необходимым» (*Кант* 2000, с. 29).

ятельностные принципы конструктивности и управляемости конфликтологической парадигмы должны рассматриваться в качестве базовых и ведущих, а принципы утверждающие закономерность и естественность соответствующих явлений — на правах вторичных и вспомогательных.

Закономерность конфликтных явлений как объектов изучения естественнонаучного типа была проблематичной уже для самих Л. Козера и Р. Дарендорфа (*Козер* 2000; *Дарендорф* 1994).

Все рассуждения Козера о динамике внутригрупповых и межгрупповых конфликтов имели условно-каузальный, ситуативный характер, фиксируя не скорее, а лишь возможное: «могут», «как правило», «станет ли», «реже», «имеют тенденцию», «обычно», «вряд ли возможен» и т.п. предикаты — в зависимости от широкого и весьма неопределенного круга условий (сплоченности группы, социальной структуры, отсутствия противоречий, терпимости и т.п.)⁸¹.

Как описания эмпирических явлений, случающихся в социальной жизни они вполне адекватны. Но все эти характеристики способны описывать лишь функциональные зависимости «переменных» статистического толка, и за ними не просматривается какая-либо теоретически значимая (т.е. претендующая на необходимость и всеобщность) модель конфликта.

Соответственно на уровне всеобщности по поводу социальной «функции» конфликта его утверждения имеют модальность возможности. Они *могут* созидать отношения (спланировать, интегрировать, канализировать напряжение и т.п.) и с таким же успехом *могут* их разрушать (разобщать, дезинтегрировать, усиливать напряжение и т.д.). Другими словами, никакой определенной социальной функции у них *самых по себе*, по сути дела, не оказывается. Да это и неудивительно. Рассуждать о функциях конфликта, не указывая то целое, по отношению к которому он выступает в той или иной функции, с точки зрения системной парадигмы некорректно, ибо она зависит и от конфликта, и от целого. Ведь и микроскопом можно забивать гвозди, но на этом основании утверждать, что функцией (одной из функций) микроскопа является забивание гвоздей, вряд ли кому-нибудь придет в голову. Тем не менее в отношении конфликтов подобная «логика» часто демонстрируется.

Р. Дарендорф исходит из представления, что процесс развертывания конфликтов из определенных состояний структур, применим ко всем их различным формам, а вот общее объяснение «структур-

⁸¹ При этом содержание понятия «конфликт» у Козера фактически включало все виды противоборства, противодействия субъектов в социальном взаимодействии.

ной подоплеки» социальных конфликтов невозможно⁸². Хотя тем самым, фактически, утверждалась невозможность общей теории конфликта, он тем не менее формулировал требования к такой теории, поскольку создание ее в качестве теории общественных изменений могло бы оправдать в его глазах претензии противопоставить конфликтную модель общества структурно-функциональному подходу с его теорией социальной интеграции⁸³.

Вряд ли и сейчас современные конфликтологи могут что-нибудь добавить по существу вопроса о «естественных» закономерностях конфликта к тому резюме, которое принадлежит М.Дойчу: «ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями. Это означает, что судьба участников конфликта не всегда определяется внешними условиями. Возможность развития конфликта по конструктивному или деструктивному пути, таким образом, подвержена влиянию даже при наименее благоприятных условиях. Точно так же даже при наиболее благоприятных условиях психологический фактор может повести конфликт по деструктивному пути» (Дойч 1997, с. 212).

Под *естественностью* конфликтов обычно понимается *обычность* и *неизбежность* их возникновения в общественной (или душевной) жизни. По словам того же Дарендорфа, там, «где существует общество, существуют конфликты». Но из этой очевидной констатации еще ровно ничего не следует по поводу социально значимого отношения к таким «естественно», т.е. спонтанно, возникающим конфликтам, а только отношение, придающее тем или иным явлениям значение, сообщает им качество социальности.

Ведь старение, страдание, болезнь и смерть тоже обычные и неизбежные спутники человеческой жизни, так же, как преступления, наркомания и алкоголизм, ложь и предательство. Но в любом обществе они рассматриваются как пусть и неизбежное, но «зло», которое нельзя раз и навсегда искоренить, но с которым надо бороться, и только эта борьба способна сдержать его распространение и рост. Когда то и конфликты входили в этот ряд, но конфликтология поставила

⁸² Для Дарендорфа конфликт это любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные («латентные») или субъективные («явные») противоположности.

⁸³ Ср.: «Последней задачей социальной теории является объяснение общественных изменений. Теория интеграции дает нам возможность определить исходный момент процесса. Обнаружить местоположение сил, которые управляют процессом и общественными изменениями, и есть задача теории конфликта. Она должна разработать такую модель, которая сделает структурное начало социального конфликта понятным» (Дарендорф 1995).

этот взгляд под сомнение и ставит себе в заслугу изменение *отношения* к конфликтам. Конфликтологи критикуют конфликтобязнь, избегание конфликтов во что бы то ни стало, отрицают желательность «подавления» конфликтов, но отстаивают идею овладения и управления ими.

Существует вполне определенная граница между *обычным* и *нормальным* в человеческой жизни, и эта граница далеко не всегда осознается, когда утверждается, что конфликты «нормальное явление в нашей жизни» (Малибруда 1986). Конечно, смысл подобных утверждений зависит от содержания понятия «конфликт». Если его трактуют так расширительно, что «демократия — это конфликты» (Анципов и Шипилов 1999), что «конфликт, таким образом, есть общее понятие для демократии и рынка», то и окажется, что «выявление и развитие конфликта в целом — полезное и нужное дело» (Здравомыслов 1995, с. 4).

Однако весьма трудно совместить взгляд на конфликты как на «в целом — полезное и нужное дело» со свидетельством, что именно «они являются основной причиной гибели людей. В завершающемся столетии по самой приближенной оценке конфликты на планете (войны, терроризм, убийства, самоубийства) унесли свыше 300 млн. человеческих жизней» (Анципов 2000).

Выход из этой ситуации, как известно, был найден за счет различения *конструктивных* и *деструктивных* конфликтов. К конструктивным были отнесены все те «конфликты», которые приводят к позитивным изменениям социальных отношений и систем, к их модернизации и развитию, а к деструктивным, естественно, — приводящие к ослаблению, стагнации и разрушению. Таким образом, основанием для подобного различения является модальная оценка последствий конфликтного взаимодействия.

2.6. Конструктивные и деструктивные конфликты

Проблема состоит в том, что это — условное различение, так как конфликты «сами по себе» не являются ни конструктивными, ни деструктивными, поскольку «один и тот же конфликт может быть деструктивным в одном отношении и конструктивным в другом, играть негативную роль на одном этапе развития, в одних конкретных обстоятельствах и позитивную — на другом этапе, в другой конкретной ситуации» (Петровская 1977). Другими словами, с такой точки зрения характеристики конструктивности и деструктивности оказываются принадлежностью не конфликтов (элементов) как таковых, а их «мест» в объемлющем целом (системе).

Больше того, если внимательно присмотреться к подчеркиваемой связи конструктивности и управляемости в так называемой конфликтологической парадигме, то нетрудно заметить, что реальным держателем конструктивности в этой парадигме оказывается не *взаимодействие* (практическое взаимодействие), а как раз *управление* им⁸⁴. Именно управление, т.е. регуляция взаимодействия, как особая предметно-продуктивная деятельность, «надстраиваемая» над практическим взаимодействием, наделяется здесь способностью его преобразовывать, вносить конструктивное начало в конфликт, объективируя это начало в нем и тем самым придавая конфликтному взаимодействию конструктивную форму⁸⁵. Конструктивность и деструктивность оказываются характеристиками способа управления конфликтом.

Таким образом, на вопрос, *зачем* управление вводится в конфликтное взаимодействие, конфликтологи отвечают: затем, чтобы сделать конфликт конструктивным, т.е. неявно исходят из предпосылки, что конфликт как явление только спонтанно может «случиться» в качестве конструктивного без «управления» им. При этом заметим, что переход с позиции поиска ответа на вопрос, *почему* те или иные явления происходят, на позицию поиска ответа, *зачем* они происходят, — это переход с естественнонаучной (натуралистической) позиции на социокультурную (деятельностную).

Влияние конфликтов на общественную (и личную) жизнь, их социокультурный (и личностный) смысл (деструктивность/конструктивность) в подавляющем большинстве случаев напрямую связывают не с самими событиями такого взаимодействия, а с тем, как и во что они «разрешаются», т.е. чем завершаются. «Разрешаемость» конфликтов есть, по сути дела, такая их атрибутивная характеристика, как «неопределенность». Формы социального взаимодействия, исход которых однозначен, заранее определен, которые не требуют «разрешения», вряд ли имеет смысл относить к конфликтным явлениям⁸⁶.

⁸⁴ Ср., например: «Фундаментальная идея современного подхода к управлению конфликтами в разных формулировках сводится к тому, что конфликт может быть управляем, причем управляем таким образом, что его исход будет иметь конструктивный характер» (Гришина 2008, с. 332).

⁸⁵ Однако «управление» само по себе также не тождественно конструктивности, и «управляемость» конфликта отнюдь не гарантирует его конструктивности. Управление может с таким же успехом приводить не к разрешению, а к разжиганию конфликта. Только такое управление, в котором конструктивность рефлексивно ассимилируемого взаимодействия является целе-ценностной установкой, может внести конструктивное начало в конфликтное взаимодействие.

⁸⁶ Такие отнесения проводятся чаще всего там, где за основание принимается не та или иная теоретическая модель конфликтного взаимодействия, а

Само «разрешение» конфликтов обуславливают их регуляцией, и, если последовательно проводить регулятивную точку зрения на конфликтное взаимодействие, то и его деструктивность окажется в точно таком же отношении к управлению конфликтом, как и конструктивность. Конфликт окажется деструктивным, если управление приводит к дезорганизации взаимодействия, к его дерегуляции. Так как конфликт всегда связывается с противоречиями, то с регулятивной точки зрения вполне оправданным окажется представление, что деструктивные конфликты — результат *противоречия* регуляторов конфликта относительно целостного, рационального и целенаправленного взаимодействия.

Это дает основание для утверждения, что основная сущность конфликтного взаимодействия — *регулятивная* и напрямую связана не с предметным содержанием противодействия (т.е. не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с *формой его регуляции*.

В рассуждениях конфликтологов такая регуляция исходно вводится в схему конфликта внешним образом как «управление конфликтом». Но в равной мере она может рассматриваться и как «управление в конфликте» — прежде всего из за особенностей содержания самого различения внешнего и внутреннего, поскольку по отношению к человеческой деятельности их противопоставление не является субстантивным⁸⁷.

Какой окажется теоретическая трактовка феномена управления конфликтом зависит от того, в какой мере и в какой форме принимается во внимание внутренняя регуляция самого практического взаи-

интуитивные оценки того, какие явления заслуживают квалификации в качестве конфликтов. Тот же Козер, как уже отмечалось выше, относил к конфликтам *любые* формы социального *взаимодействия*, основанные на *противодействии* его субъектов, и выделяемый им спектр конкретных явлений оказывается таким, что на одном полюсе располагаются «полностью институционализированные», т.е. регулируемые, а на другом «абсолютные» конфликты, цель которых состоит не во взаимном урегулировании, а в «тотальном истреблении противника». В результате конфликтом оказываются дуэль, научная дискуссия, судебный процесс, игровая деятельность и т.п.

⁸⁷ «В каждый определенный момент деятельности в каждом определенном акте мы имеем некоторый объект — с одной стороны, и с другой — определенный набор средств. В плане действия средства принадлежат внутреннему для действия, а объект — чему-то внешнему. Но в любой момент мы можем переводить внутреннее во внешнее, развертывая систему объективности, и точно так же можем свертывать любые объектные структуры в средства, т.е. начинать употреблять их как орудия и средства нашей деятельности. Таким образом, само противопоставление внешнего и внутреннего непрерывно скользит и меняется по ходу деятельности» (*Щедровицкий* 2005, с. 75-76).

модействия. Другими словами — от того, является ли конституциональным представлением об объективно значимой регуляции (самоуправлении) как о внутренней определенности любого акта деятельности, вне и помимо которой он оказывается за пределами социально-психологической сферы как таковой. Социально-психологические модели строения действия выдвигают на первое место именно регулятивный его план, план *самоуправления*⁸⁸.

Противопоставление практического конфликтного взаимодействия и управления этим взаимодействием обычно выступает как противопоставление этапов развития конфликта. Притом во всех бытующих в конфликтологической литературе отсылках к амбивалентности конфликтов, описаниях их позитивной функции (типа предотвращения «застоя» и «омертвления» жизни, стимулирования движения вперед, объективирования источника разногласий, консолидирования, преодоления противоречий, адаптации, самоутверждения и испытания себя и т.п.) вся эта позитивность ищется и полагается в *будущей ситуации*.

Мы уже отмечали, что в *текущей ситуации* все «положительные» функции конфликта изначально только возможности, превращение которых в действительность зависит от управления им. Этот этап конфликтного взаимодействия — *первичный* конфликт, и исходный смысл первичного конфликта по отношению к *текущей ситуации* однозначно *деструктивен*, иначе никакого бы управления конфликтами не понадобилось бы, они разрешались бы сами собой.

Первичные конфликты могут стимулировать преодоление социальной рутины и обнажать те или иные противоречия только в отношении эволюционных (естественных) процессов социальных изменений. Хотя и в этом случае сами по себе никакого реального преодоления противоречий они не содержат, их преодоление связано с «разрешением» конфликта, т.е. с выходом из текущей ситуации первичного конфликта. Такой способ разрешения противоречий, проходящий через этап первичного конфликта, часто оказывается весьма неэкономным и опасным «средством» стимуляции социальных изменений кустарным способом «проб и ошибок», т.е. непосредственно-практически⁸⁹. Другие формы социальных изменений (разверты-

⁸⁸ Именно подобная идея положена в основу оргдеятельностной модели социального конфликта (см.: *Пископтель* 2002).

⁸⁹ Нетрудно заметить связь идеи благотворности конфликтов как причин и источников социальных изменений с Марксовыми идеями о значении насилия в истории, благотворности социальных революций для развития общества и их неизбежности (правда до утверждения коммунистической формации) для развития общества.

вание, становление, развитие) опираются на иные способы преодоления противоречий.

Они опираются на процессы рефлексии (рефлексивного выхода) текущей ситуации, позволяющие эту текущую ситуацию диагностировать и прогнозировать.

Глава 3

Конфликт как процесс социального взаимодействия: этапы и уровни

3.1. Артификация первичного конфликта

Существует и широко распространена *стандартная*, линейная схема этапов «развития» конфликтных отношений, представляющая обобщенную (идеализованную) процессуальную структуру конфликта в виде последовательности ряда этапов, или фаз, — таких, как:

- 1) возникновение конфликтной ситуации;
- 2) осознание ситуации как конфликтной хотя бы одним из ее участников;
- 3) конфликтное поведение или взаимодействие;
- 4) выход из конфликта, его разрешение.

При всех ее конкретных вариациях (см. таблицу 2) эта схема оказывается одноуровневой и линейной, хотя в комментариях к ней или при анализе на ее основе примеров развития конфликтов и одноуровневость, и линейность не выдерживаются.

Симптоматично, что при всем разнообразии существующих истолкований содержания понятия «конфликт», предлагаемых методов изучения конфликтных явлений, методологических средств их выделения и описания и предлагаемых теоретических модельных представлений в том, что касается динамики развития конфликтов, существует почти полное единодушие.

Можно задаться вопросом: каков источник происхождения этой динамической схемы, что она изображает и для чего нужна? Она явно не теоретического свойства, но и на эмпирически оправданную гипотезу о квазиестественном «законе» развития конфликтных отношений она претендовать явно не может. Эмпирическое разнообразие прецедентов конфликтной динамики далеко превосходит разнообразие самих теоретических моделей. Таким образом, есть все основания полагать, что, по сути дела, эта схема содержит нормативное ядро и выражает не столько *сущее* в динамике конфликтных отношений, сколько *должное* в них, а модальность «должного» непосредственным образом указывает на присутствие здесь оргдеятельностного начала.

<i>Донцов и Полозова</i>	возникновение конфликтной ситуации	осознание ситуации как конфликтной	конфликтное поведение		
<i>Анцупов</i>	доконфликтная ситуация	собственно конфликт	постконфликтная ситуация		
<i>Pruitt & Rubin</i>	эскалация		равновесие	разрешение	
<i>Walton</i>	дифференциация		интеграция		
<i>Rummel</i>	скрытый конфликт	начало конфликта	уравновешивание сил	баланс сил	прерывание мирного периода
<i>Darendorf</i>	исходное состояние структуры	кристаллизация осознания интересов	сформировавшийся конфликт		
<i>стандартная схема</i>	возникновение конфликтной ситуации	осознание конфликтной ситуации	конфликтное поведения	выход или разрешение конфликта	

Таблица 2. Вариации стандартной процессуальной схемы конфликта у разных авторов

Другими словами, эта схема ориентирована не столько на теоретическое *изображение* конфликта как внедеятельностного внешнего объекта в рамках научной теории, сколько на роль объектной *схемы* оргконфликтного подхода и является, по сути дела, инструментальной схемой (т.е. является не столько описанием, сколько предписанием). Как таковая она может быть средством *построения* конфликтного взаимодействия, средством овладения им, т.е. должна быть отнесена не столько к внешнему объекту «самому по себе», сколько использована для построения деятельности определенного типа в качестве его латентной программы. Однако эта произвольная ориентация выражена в стандартной схеме непоследовательным образом. Она представляет в первом приближении процессуальную структуру первичного естественного (стихийного) конфликта не вполне корректно, а значит, для того чтобы претендовать на роль объектной схемы оргконфликтного подхода как такового, нуждается в переосмыслении и преобразовании.

Мы уже не раз отмечали, что в тех случаях, когда конфликт отождествляется с противодействием как таковым, разделение конфликтов на конструктивные и деструктивные связывается не с *текущей*, а с *будущей* ситуацией — фактически, с особенностями фазы, или стадии, «выхода» из него, «разрешения» конфликта, т.е. с четвертой фазой, или стадией, стандартной схемы конфликта, сменяющей стадию конфликтного поведения (открытой борьбы, реального противостояния), другими словами, с характером превращения/преобразования текущей, деструктивной, ситуации в будущую, конструктивную.

В качестве основных стратегий исхода обычно фигурируют: а) уклонение от участия в конфликте (признание поражения и прекращение одной из сторон противодействия), б) продолжение открытой борьбы с неопределенным результатом и в) торг (переговоры).

Еще Л.А.Козер отмечал, что если одни социальные процессы по самой своей сути являются *конечными*, то другие — такие, как конфликты, — не имеют в самих себе определенного завершения (см.: Козер 2000). Выше, когда речь шла о противопоставлении уличного конфликта (драки) и дуэли, то уже отмечались ее (драки) *спонтанность, ситуативность и незавершенность*. Это, по сути дела, характеристики любого конфликта как такового. Условия завершения могут определяться в течении самого конфликта *пассивным* (естественным) или *активным* (искусственным) образом.

Пассивное завершение связано с *истощением необходимых ресурсов* с одной или обеих сторон. Это своего рода механическое завершение конфликта, когда либо одна сторона в результате истощения прекращает свои действия (противодействие), в то время как другая

еще способна действовать, либо обе стороны оказываются истощенными и дезактивированными⁹⁰. В тех случаях, когда ресурсы оказываются практически неистощимыми или возобновляемыми с обеих сторон, то и конфликт пассивным образом завершаем.

Активное завершение конфликта также возможно как в одностороннем, так и двустороннем порядке. В одностороннем порядке активное завершение конфликта отличается от пассивного тем, что одна из сторон прекращает противодействие в результате принятия решения на основе отрицательной прогностической оценки соотношения «затраты/выгода» в случае продолжения противодействия. Другими словами, конфликт завершается в одностороннем порядке (то, что обычно и называют признанием поражения одной из сторон). Активное завершение конфликта в двустороннем порядке возможно только через *взаимодействие по поводу конфликта*, т.е. через переговоры.

Активное завершение конфликта в двустороннем порядке есть его завершение через *разрешение*, через разрешение тех противоречий, которые его порождают. С конфликтологической точки зрения разрешение конфликта является продуктивным и конструктивным его завершением.

Переговоры — *четвертая фаза* в стандартной схеме. Это, как правило, прекращение непосредственного противодействия и перевод его в *коммуникативно-мыслительный* план, план открытого обсуждения участниками своих разногласий и «прямого» согласования своих интересов.

А это означает, что стандартная схема конфликта с включенным в нее переговорным процессом, фактически, оказывается нелинейной, дефицитной самой себе, поскольку в ее же рамках вольно или невольно происходит изменение самой изображаемой системы (схематизируемого объекта). Неявно, наряду с «горизонтальной», появляется «вертикальная» составляющая — конфликтное взаимодействие на этом пути обретает второе измерение, связанное с его *артификацией*⁹¹. Более того, это означает неявное наличие в хронотопе конфликта по крайней мере двух топов: непосредственно-конфликтного и коммуникативно-мыслительного.

За счет существования этого последнего топа первичный конфликт (вернее, непосредственное противодействие) «замораживается»

⁹⁰ Точно так же, как сам собой заканчивается пожар, когда выгорает все, способное гореть.

⁹¹ Собственно говоря, это соображение лишней раз демонстрирует известный тезис, что социокультурные системы имеют естественно-искусственный характер, являются так называемыми кентавр-объектами.

(на его продолжение накладывается мораторий), а *исходная* конфликтная ситуация преобразуется в *другую* (переговорную) ситуацию, т.е. в другое взаимодействие – во взаимодействие по поводу первичного конфликта, который оказывается ассимилированным и включенным (рефлексивно, а его результаты непосредственно) в новый процесс и, фактически, в новую систему.

Вторая фаза в стандартной динамической схеме развития конфликта – это «осознание ситуации как конфликтной хотя бы одним из ее участников»; при «естественном» (стихийном) его развитии она непосредственно переходит в третью фазу – «конфликтного поведения или взаимодействия». Но вполне возможно и другое течение событий, когда вместо третьей фазы осуществляется перевод апперцируемого практического взаимодействия (мыследействия) в коммуникативно-мыслительный план, минуя эту третью фазу, т.е. до того, как стороны конфликта получают реальный практический опыт конфликтного противоборства и «прочувствуют» его негативные последствия на себе.

Другими словами, переговоры могут быть не только четвертой, но и третьей фазой конфликтного процесса. Тем самым «вертикальная» составляющая как возможность «поднятия» первичного конфликта на другой уровень должна быть в явном виде внесена в эту схему и после второй фазы.

Для этого необходимо, с одной стороны, чтобы не одна, а обе противодействующие стороны сознавали, что они находятся в ситуации конфликта, т.е. обладали соответствующими конфликтологическими знаниями и компетентностями, позволяющими идентифицировать *ситуацию*, а с другой, чтобы оба соучастника относились к конфликтному противодействию как к деструктивному явлению и решили вступить в переговоры, чтобы его избежать. Только в этом случае возможно переведение этой ситуации из непосредственной в *метаконфликтную*, т.е. из конфликтного взаимодействия во взаимодействие *по поводу* конфликта, а непосредственно конфликтного поведения, собственно противоборства, – в форму мыслительного содержания коммуникации⁹².

Таким образом, вторую фазу стандартной схемы можно интерпретировать двояким образом и различать в ней *познавательно-кон-*

⁹² Вполне очевидно, что характер этого содержания оказывается непосредственно зависимым как от самого типа таких знаний (опытно-практических, практико-методических, организационно-технических, научно-теоретических, философско-методологических и т.п.), так и от того представления о конфликтах как особой действительности, которыми руководствуется каждая из сторон.

статирующее и *программно-действенное* содержание в отношении сложившейся конфликтной ситуации.

3.2. Методологическая идея рефлексии

Чтобы продолжить намеченное рассуждение о возможных преобразованиях исходной стандартной схемы, недостаточно опираться на смысловое понятие *осознания*, а приходится использовать его конструктивно-методологический эквивалент — понятие *рефлексии*.

Идея рефлексии появляется в результате концептуально-операционального оформления естественноисторического развития предметного содержания понятия осознания, в процессе возведения его в ранг самостоятельной идеи. Такого рода идея является существенным средством методологической самоорганизации, оформляя в ней особый фокус — фокус, фиксирующий для внешнего наблюдателя определенную, специфическую для методологической мыследеятельности, позицию.

Культурный смысл понятия «осознание» складывался в рамках философско-психологической традиции. Операциональное же содержание появляется у него в русле логико-педагогических исследований процессов учения-обучения за счет его использования в качестве средства объяснения и интерпретации соответствующего эмпирического (феноменального) учебно-педагогического материала (уровень и качество усвоения учебного материала традиционно связывался с механизмом «осознания» самого процесса усвоения и его результатов). Эти обстоятельства предопределили употребление понятия «осознание» в одном контексте и в связи с действительностью индивидуального сознания, на правах одного из его механизмов.

В той мере, в какой рефлексия отождествляется с осознанием, она сохраняет и воспроизводит в себе его исходные смыслы и культурное значение. В той мере, в какой противопоставляется ему, она преодолевает пределы индивидуального сознания, превращает эти смыслы и значение в предмет научного исследования и конструктивной деятельности. Предпосылкой подобной конструктивизации, возведения рефлексии в ранг методологической идеи является представление, что рефлексия осуществляет такую функцию и является таким механизмом мышления и деятельности, без которого не может быть понят и адекватно усвоен ни один гуманитарный предмет.

Сама ситуация возникновения рефлексии связывается с выходом субъекта за пределы объективности, определяемой наличными знаниями (исходная позиция), и с выработкой знания уже о новом объекте, включающем в себя самого субъекта, ограниченного прежними знаниями и присущей им объективностью (рефлексивная позиция). Суще-

ствуют два подхода к разворачиванию исходного представления ситуации осуществления актуального рефлексивного акта. Один из них настаивает на принципиальной его оппозиции к понятию деятельности и связывает его смысл со свободой (освобождением) от всякой деятельности. Другой исходно полагает, что рефлексия существует в деятельности, является особой структурой и механизмом деятельности, хотя и может вторичным образом осуществляться «вне» деятельности.

Онтологическое полагание рефлексии в качестве момента деятельности позволяет перенести на нее все категориальные характеристики, специфические для деятельности как действительности особого рода и принципов ее воспроизведения: множественность форм существования; системность, кооперация, воспроизводство; естественность/искусственность и т.д. С опорой на эти принципы можно было наметить пути построения модели рефлексии — задать для нее в соответствии с принципами системного подхода объемлющую систему и конструктивно возложить на нее специфическую функцию, определяя тем самым ее особое место в деятельности.

В качестве базового предположения выступило представление, что исходно рефлексия — это особая связь кооперации, или, другими словами, связь нескольких первоначально независимых актов деятельности по поводу связи или структуры общения между двумя, по крайней мере, индивидами. Соответственно этой идее само существование и необходимость рефлексии выводились из действительности существования разных позиций людей в сложных системах разделения и кооперации деятельности, требующих взаимопонимания — сведения разных смыслов к единому объектному полю. Ядром и сущностью рефлексии в такой ее интерпретации является такая организация ситуации, единой для всех действующих индивидов, которая дает им всем, несмотря на различие их позиций и объективное различие тех смыслов, которые должны в этих позициях образовываться, видеть, понимать и восстанавливать один и тот же объективированный, а следовательно, и нормированный смысл. При этом объективация смысла, обязанного понимание, связывалась с работой мышления, которое осуществляло «рефлексивное возвращение», завершение акта рефлексии.

То, что можно было бы назвать методологической идеей рефлексии в деятельности, получило следующее выражение: «Структуры кооперации, картины объектов и логика, или операции деятельности, составляют три основных оси репера, конституирующего деятельность. Рефлексия разворачивается как бы на этом репере, она связывает его оси и за счет своего функционирования развивает и разворачивает каждую ось соответственно другим. Поэтому существуют два дополняющих друг друга аспекта рефлексии. Один аспект —

это механизм самой рефлексии, он может быть представлен как бес-содержательный и формальный, и в этом плане он очень прост, можно даже сказать, примитивен. Другой аспект рефлексии – это все те содержательные изменения, которые происходят на осях названного выше репера. В этом аспекте рефлексия не может быть отделена от всего невероятно сложного процесса исторической эволюции и развития, всех этих содержаний» (*Шедровицкий 2005, с. 122*).

Эта исходная методологическая идея связи онтологии, логики и деятельности через рефлексию (в качестве онтологической картины) в дальнейшем получила несколько предметных интерпретаций и объективаций. Прежде всего – при рассмотрении рефлексии в качестве механизма развития, порождения новой деятельности на основе той или иной исходной. Работа этого генетического рефлексивного механизма представлялась как надстраивание над исходной деятельностью нового ее уровня, способного выступать по отношению к исходной деятельности в формах: 1) деятельности, вырастающей из какой-то другой деятельности и существующей первоначально только за ее счет, как нарост на ней, и невозможной без нее, 2) целостности, охватывающей исходную деятельность и превращающей ее в свою часть и в свой функциональный элемент, 3) части целого, примыкающей к первой части и всегда способной отделиться, оторваться от нее и образовать самостоятельную и независимую деятельность.

За счет этого новая деятельность получала возможность отделиться от исходной и оформиться в качестве деятельности совершенно иного типа, сохраняя с исходной лишь функциональную связь рефлексивного «происхождения».

На основе такого механизма вводились различия между *рефлексией, пониманием и мышлением* в системодетельностной модели интеллекта. Здесь для конструктивного введения этих различий в качестве исходной «практической» деятельности как базовой основы модели выступала коммуникация, а позиции в кооперативной структуре деятельности становились позициями в коммуникации. За счет коммуникативной интерпретации понимание и мышление наделялись определенностью через противопоставление рефлексии как генетическому механизму разворачивания коммуникации⁹³.

Прежде всего это относилось к мышлению. Необходимость «возникновения» (выведения) мышления из рефлексии в ситуации коммуникации следовала из необходимости создания общественно

⁹³ Что касается индивидуального сознания, то она, в соответствии с традицией методологической мыслительности, в отношении действительности интеллекта рассматривалась в качестве вторичной. См., например: «Я хочу еще раз подчеркнуть, что пока вы рассматриваете индивида, вы не сможете

значимого *текста* в соответствии с культурными нормами построения такого текста для поддержания коммуникации. Эти отношения между рефлексией и мышлением рассматривались и как выражающие их отношения в действительности отдельного акта мысли, и в действительности генезиса самого мышления в целом. Понимание в деятельностной схеме акта коммуникации формально изоморфно мышлению. Поэтому оно оказывалось рефлексией (а различие мышления и понимания определялось лишь позицией в отношении направленности акта коммуникации).

Тем самым в модели интеллекта рефлексия оказывалась принадлежащей иному уровню, нежели мышление и понимание. А сами понимание и мышление как порождаемые рефлексией и являющиеся формой опредмеченной организации рефлексии наделялись рефлексивной «функцией»⁹⁴. Характерно, что в результате подобного развертывания методологической идеи рефлексии произошло сближение двух подходов к ней, о которых шла выше речь, но дистанция между ними все же сохраняется, так как рефлексия здесь ассоциируется не со *свободой* от всякой деятельности, а с *освобождением* от предметно организованной деятельности (т.е. выполняет классическую функцию распределения).

Хотя пространство рефлексии включалось в пространство деятельности, но на особых правах; при этом одновременно полагалось, что передать ее ни другому, ни из поколения в поколение невозможно (для этого она должна быть оформлена в виде закономерных, нормированных процессов). Тем самым введение в пространство деятельности рефлексии, по сути дела, означало внесения в него разрыва. Его преодоление требовало или расширения, пересмотра понятия деятельности или введения нового объемлющего понятия.

различить между собой рефлексией, понимание, мышление, ибо их различие – функциональное внутри структуры, как различие левого, правого, среднего. На уровне сознания, психики нет явного различия между пониманием, рефлексией, мышлением, хотя это различие и существует в сознании как отражение изображенных в моей схеме функционально различающихся структур» (*Шедровицкий* 2005, с. 389).

⁹⁴ Здесь необходимо отметить важное смысловое ограничение такой модели интеллекта: «... бессмысленно, анализируя сами процессы понимания, рефлексии и мышления, ставить вопрос о каких-то необходимых и закономерных связях между ними; эти связи принадлежат не им, а структуре коммуникации и являются ее организационными моментами. А понимание, рефлексия и мышление принадлежат уже к материалу, обеспечивающему процесс коммуникации (хотя генетически весь этот материал происходил и становился именно из запросов коммуникации и под определяющим влиянием ее структур)» (*Шедровицкий* 2005, с. 332).

Таким образом, конструктивная разработка методологической идеи рефлексии стала одной из основных причин введения такого категориального понятия, в котором мышление, деятельность, рефлексия, понимание, коммуникация были бы увязаны друг с другом на новых основаниях. И таким понятием стало понятие *мыследеятельности*, в структурно-функциональной схеме которой на коммуникацию была возложена роль несущей конструкции, своего рода соединительного моста между мышлением и мыследействием за счет отражения (отображения), уже с помощью рефлексии (функции рефлексии), содержаний мышления и мыследеятельности в текстах коммуникации (т.е. сама рефлексия оказывалась опять таки чистой формой)⁹⁵.

Отсюда — возложение на рефлексии решающей роли в процессах объективации, онтологизации и предметизации в рамках новой целостности — мыследеятельности.

3.3. Нелинейная схема артифицированного конфликта

Два выделенных выше (применительно к стандартной схеме) содержания осознания (познавательно-констатирующее и программно-действенное) естественно передавать с помощью различения *ретроспективной* (R_{re}) и *проспективной* (R_{pro}) рефлексии (Шедровицкий 1974, 2004)⁹⁶. Перейдут ли стороны конфликтной ситуации в фазу непосредственного противодействия (конфликтного поведения) или к переговорам (способным в итоге преобразовать сложившуюся конфликтную ситуацию в ситуации конкуренции или сотрудничества) зависит от R_{pro} ⁹⁷.

⁹⁵ За счет этого предметность деятельности стала фиксировать лишь «одну из форм связи мысли и деятельности. Но это отнюдь не единственная форма связи мысли и деятельности. А могут быть и другие, непредметные формы, например через рефлексии, и тогда деятельность или точнее — мыследеятельность является непредметной. Значит, предметность — отнюдь не есть универсальное свойство деятельности, мыследеятельности. Даже наоборот: это есть особая, очень узкая и частная форма» (Шедровицкий 2005, с. 549).

⁹⁶ Ср.: «Настоящее существует для человека только в процессе рефлексии. И только рефлексия дает ему возможность все это остановить и удержать, а вместе с тем, зафиксировать прошлое и будущее, поскольку у него теперь в рефлексии должно возникнуть два отношения. Он теперь может посмотреть назад и ответить на вопрос, что было, и он может тут же, в рефлексивной позиции, задать себе вопрос, что будет? ... рефлексия обеспечивает членение мыследеятельности, а с другой — смотрите, новый шаг, очень важный — организацию прошлого и будущего из рефлексивной позиции» (Шедровицкий 2004, с. 160-161).

⁹⁷ В случае актуального отсутствия во второй фазе программно-действенного содержания стороны конфликта естественным образом оказываются в

Вторая фаза стандартной схемы после такого переозначения примет вид *выхода в рефлексию* (рефлексивную позицию), смысл которой состоит в сознательном присвоении опыта свершившегося события (ретроспективный аспект) и определении, исходя из этого опыта, контуров события будущего (проспективный аспект)⁹⁸.

Вернемся к рассмотренной выше четвертой фазе стандартной схемы в виде выхода из конфликта через переговоры. Вполне очевидно, что такой выход не может быть непосредственным продолжением самого практического противодействия, а требует осознания бесперспективности такого прямого противодействия и совместного принятия решения сторонами конфликта о переходе к переговорам. Тем самым сама четвертая фаза включает в неявном виде два различных процесса — тот, что мы обозначили выше как рефлексивный выход, и собственно переговорный процесс. В рамках этого рефлексивного выхода R_{re} оценивает опыт реального противодействия, а R_{pro} переводит прямое противодействие в переговорный процесс. Работа этого рефлексивного механизма ничем не отличается от его работы в качестве второй фазы стандартной схемы⁹⁹, а значит, есть основания разделить четвертую фазу по крайней мере на две — рефлексивного выхода и реального выхода с его альтернативными стратегиями (собственно переговорный процесс, капитуляция одной из сторон, продолжение конфликтного противодействия).

Нетрудно заметить, что механизм рефлексивного выхода играет двойную роль. Во-первых, маркирует и расчленяет единый процесс на вполне определенные составляющие, придает ему ту или иную искусственную *организацию*. Во-вторых, выполняет роль своего рода переключателя, направляющего дальнейшее течение процесса в то или иное русло. Тем самым введение в стандартную схему фаз рефлексивного выхода выступает как способ ее превращения из квазиестественной в оргдеятельностную. Если довести этот принцип до логического конца, то фазы рефлексивного выхода с оргдеятельностной точки зрения должны выступать в качестве основных разделени-

условиях непосредственного противодействия, осуществляя конфликтное поведение.

⁹⁸ Для упрощения мы отвлекаемся от рассмотрения вопроса о том, что означает рефлексивный выход по отношению к каждому из участников конфликтного противодействия, а рассматриваем его в первом приближении суммативно.

⁹⁹ Разница лишь в содержании ретроспективной рефлексии. В качестве второй фазы схемы она присваивает и осваивает только возникновение самой конфликтной ситуации, а в качестве четвертой — уже реальный опыт самого прямого противодействия сторон.

тельных и вместе с тем соединительных звеньев конфликта как процесса. Они же, естественно, должны отмечать и начало, и конец этого процесса. Таким образом стандартная четырехфазная линейная схема развития конфликтных отношений за счет этой процедуры превращается по крайней мере в семифазную:

- 1) предконфликтный рефлексивный выход;
- 2) возникновение конфликтной ситуации;
- 3) 1-ый внутриконфликтный рефлексивный выход;
- 4) конфликтное поведения (взаимодействие);
- 5) 2-ой внутриконфликтный рефлексивный выход;
- 6) разрешение конфликта;
- 7) постконфликтный рефлексивный выход.

Достаточно очевидно, что подобное преобразование стандартной схемы порождает в хронотопе конфликта еще один топ — *пространство рефлексивных состояний*, — соединяющий топ непосредственного противодействия с коммуникативно-мыслительным пространством переговорного процесса. Тем самым такая схема представляет сам процесс конфликта в виде движения в каждом из подобных пространств (топов) в соответствии с логикой их внутренней организации и возможных переходов между ними ¹⁰⁰.

Хотя мы ввели в схему «предконфликтный» и «постконфликтный» рефлексивные выходы, на первый взгляд, из чисто логических (формальных) соображений, это далеко не так — у них есть вполне определенная содержательная интерпретация. Это ведь своего рода имманентные пограничные маркеры самого конфликта, способные выделять его как особое социокультурное явление актуально в результате самоопределения, а не задним числом в чисто познавательном залоге. Причем выделяют они его с помощью предконфликтной $R_{\text{про}}$ и постконфликтной $R_{\text{ре}}$. Один раз — как только прогнозно-программное содержание, а другой раз — как еще и реальное бытие, оказавшееся к этому первичному содержанию в определенном (рефлектируемом) отношении.

Предконфликтный и постконфликтный рефлексивные выходы отличаются лишь по отношению к конкретному событию-конфликту и в отличие от 1-го и 2-го *внутренних* являются выходами *внешними* ¹⁰¹.

¹⁰⁰ С чисто процедурной стороны речь здесь идет о представлении конфликта как *мыследеятельности* и о преобразовании стандартной схемы в *схему мыследеятельности*. В принципе, в соответствии с такой схемой коммуникативно-мыслительное пространство можно в свою очередь, разделить на два пространства, но для наших целей это не существенно (*Щедровицкий* 1987).

¹⁰¹ Различие между ними чисто функциональное — один и тот же внешний рефлексивный выход по отношению к предыдущему событию является пост-событийным, а по отношению к последующему — пред-событийным.

Именно «внешние» рефлексивные выходы в исходно непрерывных процессах *деятельности* и *жизнедеятельности* выделяют те или иные их *события/ситуации* как таковые, т.е. являются средствами артификации, овладения собственной деятельностью/жизнедеятельностью – маркируют те или иные события/ситуации и позволяют «переключать(ся)» с одних на другие. R_{re} завершает и аккумулирует опыт предыдущего события/ситуации (в пределе, всех предыдущих), а R_{pro} предопределяет последующие (в пределе все последующие).

В частности, это означает, что если в рамках предконфликтного рефлексивного выхода R_{re} оценивает предыдущее событие/ситуацию как предконфликтную, то R_{pro} в качестве переключателя или «дает добро» на дальнейшее развитие конфликта, либо позволяет выйти из предконфликтной ситуации непосредственно в переговорное пространство, т.е. миновать 1-ю фазу возникновения конфликтной ситуации, «обойти» первичный конфликт (непосредственное противодействие) как таковой¹⁰². Именно этот тип рефлексии «ответственен» за организацию инициативных, сознательно планируемых конфликтов как средств достижения тех или иных целей мысли- и жизнедеятельности.

Каков смысл подобного преобразования стандартной схемы, и во что она в результате преобразована? В частности, осмысленно ли утверждать, что преобразованная схема более адекватно представляет конфликт как таковой, чем стандартная? Хотя последнее суждение, на наш взгляд, и оправданно, но основной смысл преобразования все-таки в другом. Мы старались перестроить процессуальную схему, изображавшую конфликт как объект *теории*, в объектную схему конфликта в рамках конфликтологического *подхода*, позволяющую участникам конфликта овладевать этим видом противодействия, другими словами, превратить ее из частично познавательного ориентированной в схему самоорганизации деятельности конфликтного типа за счет последовательного введения в нее рефлексивно-управляющих актов.

Для таких схем справедлив известный теоретико-деятельностный принцип: схема будет достаточно точно изображать некоторое событие, если будет использована как внутреннее средство его (само)организации. И в этом выражается отличие бытия социокультурных объектов от бытия объектов натуральных и, в частности, установок оргконфликтного подхода от теории конфликта, и *моделей* объектов от их *схем* (см., например: *Розин 2010*).

¹⁰² Здесь, конечно, следует различать ретроспективные рефлексии возможных участников конфликта, которые в общем случае, конечно, различны, не говоря уже о том, что в конфликтную ситуацию они могут попадать из различных предшествующих событий/состояний.

Глава 4

Переговоры как коммуникативно-мыслительный уровень конфликта

В подавляющем большинстве работ, посвященных переговорам, они рассматриваются как нечто само собой разумеющееся, и авторы ограничиваются замечанием, что переговоры — это то, чем мы заняты каждый день с утра до вечера — дома и на улице, на работе и в гостях. А раз это так и дело это хорошо знакомое всем и каждому, то надо переходить прямо к сути дела: к обсуждению, как эти самые переговоры вести правильно, наилучшим образом, чтобы достичь своих целей.

Тем самым, с одной стороны, переговоры отождествляются с коммуникацией как таковой или с общением, а с другой — основная проблематика и содержание этих работ зачастую сводятся к обсуждению «правильных» методических схем и методик ведения эффективных переговоров, позволяющих тем или иным социальным субъектам разрешать свои конкретные проблемы.

Переговоры — это всегда коммуникация и общение, но продуктивно ли сводить содержание понятия переговоров к содержанию таких родовых понятий. Непродуктивность такого сведения становится очевидной, когда рассмотрение проблематики переговоров происходит в определенном контексте, в частности в контексте конфликтологическом.

Трудно возразить что-нибудь по поводу необходимости и прагматической полезности оснащения тех или иных социальных субъектов подобными средствами и формирования их конфликтной компетентности. Однако на этом уровне, уровне тех или иных факторов, определяющих протекание конфликтов в конкретно-эмпирических условиях, результатов такой методической рефлексии оказывается столько, что неизбежно возникает новая проблема — как-то разобраться в их тождестве и различии, создать какой-то порядок, провести ту или иную их инвентаризацию и систематизацию ¹⁰³.

¹⁰³ Так, анализируя исследования, посвященные выделению только ключевых личностных черт, «управляющих» конфликтным поведением, Е. Ван де

4.1. От методической к теоретико-методологической рефлексии переговорного опыта

Переговоры, как и всякое социальное квазиестественное эмпирическое явление, в котором участвуют конкретные люди в конкретных обстоятельствах, бывают разными и всякими. Фактически, это единственное непротиворечивое суждение, которое может быть по их поводу сформулировано. Поэтому большинство работ, посвященных переговорам, описывает и анализирует не переговоры как таковые в огромном разнообразии их эмпирических проявлений, а так называемые «успешные» переговоры. Причем зачастую не столько описывает, разве что иногда, в качестве разного рода положительных и отрицательных примеров, сколько предлагают средства с самого начала строить свои переговоры так, чтобы они стали «успешными». Другими словами, конфликтология занята не столько выработкой образа переговорного процесса, сколько разработкой его образа, т.е. она является, как бы она сама себя при этом не рекомендовала, скорее нормативно-эпистемологической, чем научно-познавательной дисциплиной.

Но какие переговоры имеют шанс стать успешными? «Заинтересовавшись проблемами переговоров, я понял, что не так-то уж просто определить, что представляют из себя действительно успешные переговоры. Не было разъяснений по этому поводу и в литературе. Большинство практических трудов в основном представляли из себя набор тактических указаний. Несмотря на то, что книги эти были захватывающими, я видел в них мало пользы. Самый главный недостаток практически всей научной литературы в этой сфере (около 400-500 детальных работ) — неприемлемость решения практических задач и отсутствие интегративности» (Мастенбрук 1993, с. 8). Так как ответ на этот вопрос далеко не прост, его обсуждение и является основным теоретическим содержанием работ, посвященных переговорам¹⁰⁴. С успешными переговорами, как правило, связывают само разделение конфликтов на *конструктивные* и *деструктивные*.

Существует немало добротных руководств, предлагающих разработанные по «фазам» и «шкагам» разветвленные методики ведения

Влиерт и М.Ейвем насчитали 44 модели реакций на конфликт и 169 поведенческих тактик (см. *Леонов* 2000а).

¹⁰⁴ «О любом методе переговоров можно достаточно верно судить с помощью трех критериев: он должен привести к разумному соглашению, если таковое вообще возможно; он должен быть эффективен; он должен улучшить или по крайней мере не испортить отношения между сторонами» (*Фишер и Юри* 1992, с. 24).

переговоров применительно к разным типам конфликтов, конкретным условиям их проведения, составам участников, разрешаемым проблемам, преследуемым интересам и т.д. и т.п. Они содержат много практико-методических знаний, тонких различий и разумных соображений по организации и ведению переговоров, полученных в результате методического обобщения многолетнего опыта их проведения и разрешения конфликтов разного типа. Но основной упор в них сделан естественно не на *описаниях* переговоров в процессе разрешения конфликтов, а на *предписаниях*, предполагающих понимание их смысла и использование в качестве руководства к действию. Поэтому они, как правило, обходятся без более или менее развернутого обсуждения и концептуализации переговорного процесса в контексте конфликта ¹⁰⁵.

Характеризуя этот опыт следует прежде всего иметь в виду, что это опыт реального коллективного мышления *тактического* уровня, в котором конфликты выступают как явления практического взаимодействия единичных или интегративных социальных субъектов. Именно это обстоятельство обычно косвенно фиксируют, утверждая, что они являются комплексными образованиями (т.е. что «любой конфликт имеет множество сторон, аспектов, что требует комплексного подхода к его изучению» (Леонов 2000б), и выступают в качестве объекта изучения не одной, а целого ряда гуманитарных дисциплин ¹⁰⁶.

Это утверждение, как уже отмечалось, следует рассматривать через призму противопоставления «реальное — действительное», в рамках которого «реальность» объемлет собой весь чувственный практический опыт человека, во всей его полноте «здесь» и «теперь», а «действительность» объемлет собой лишь те стороны и аспекты этого опыта, которые можно в мышлении и деятельности объективировать в качестве самостоятельных сущностей, образующих относительно замкнутый, самодостаточный, внутренне упорядоченный и подчиненный определенной всеобщей и необходимой связи особый мир (хронотоп). Здесь действительность по отношению к реальности суть частная, особая, упорядоченная, за-

¹⁰⁵ Для понимания предметного содержания опыта здесь вполне достаточно смысловых определений.

¹⁰⁶ Ср. например: «Конфликт как феномен общественной жизни является объектом изучения многих обществоведческих дисциплин — политологии, социологии, политической экономики, психологии, истории и пр., в том числе и этнографии, где конфликт предстает, например, в виде этнофобии» (Иордан 1992, с. 111). Или: «конфликтология ... это междисциплинарная область 11 отраслей знаний» (Анцупов 2000).

коносообразная реальность¹⁰⁷. Но «законы» разных действительностей — это разные и не сводимые друг к другу парциальные законы. Образующие же чувственного практического опыта человека принадлежат сразу многим действительностям и тем самым как таковые всецело ни одной из них.

Другими словам, если всерьез принимать слова о необходимости чисто научно-познавательного изучения конфликтов, построения общей научной теории конфликтов и т.п., то по отношению к тем явлениям реальной жизни во всей их конкретной определенности, которые именуется конфликтами, они окажутся малоосмысленными. Ни такой науки, ни такой теории построить заведомо невозможно. Именно поэтому руководства по проведению переговоров таких теорий не содержат и на построение их не претендуют; это дает им возможность строить свои предписания, заимствуя знания и представления разных научных дисциплин и схематизируя свой непосредственный опыт. Но эта «комплексность» в отношении целого ряда дисциплин вовсе не приводит к появлению синтетических теорий, ибо ее назначение не в том, чтобы выделить необходимое и всеобщее содержание в разного рода конфликтах, а наоборот — обеспечить соответствие этих предписаний конкретным ситуациям.

Обратной стороной этих предписаний, призванных обеспечивать эффективность переговорного процесса, является неспециализированный характер многих рекомендаций и соответствующих им знаний и представлений, хотя и необходимых для обеспечения полноты и осмысленности совершаемых социально-практических действий, но не имеющих прямого отношения к *действительности* конфликтов. Многое в них отражает не специфику конфликтного взаимодействия как такового, а любого и всякого социального взаимодействия — общения вообще, коммуникации вообще, противодействия вообще, эмоционального реагирования вообще и т.п. Поэтому, для того чтобы выделить в них специфическое содержание, необходимы схематизация смыслов таких предписаний, изолирующая их абстракция и идеализация, онтологизация и объективация.

Другими словами, здесь наряду с методической востребованной оказывается и рефлексия теоретико-методологическая. В ее рамках результаты методической рефлексии могут рассматриваться в каче-

¹⁰⁷ Обычно, когда хотят в мыследеятельности дистанцировать действительности разного рода от реальности чувственного предметно-практического опыта, то говорят о реальности с соответствующим предикатом, т.е. о физической, биологической, социальной, языковой, психологической, художественной и т.п. реальности (т.е. действительность — это «существование как...», или «существование в качестве...»).

стве исходного эмпирического материала, выражения конкретного опыта. Как известно, основное различие между двумя этими видами рефлексии заключается в том, что «только прослеживая каждый принцип до его крайних выводов, беря каждое понятие в пределе, к которому оно стремится, каждый ход мыслей до самого конца, иногда додумывая его за автора, можно определить методологическую природу исследуемого явления» (*Выготский* 1982, с. 354).

Смысл подобной предельной схематизации в обнажении «принципиально-методологического скелета» этого опыта, тех неявных предпосылок, которые составляли необходимую предпосылку для получения самого опыта.

Прежде всего следует отметить, что методическая рефлексия так или иначе различает в опыте переговоров две стороны, две *практики* и соответственно две *техники* их проведения — *социотехнику* и *психотехнику* переговорной стратегии, — хотя форма осознания этих разных техник может быть различной.

Так, в Гарвардском «методе принципиальных переговоров» Роджера Фишера и Уильяма Юри это различие и противопоставление, фактически, является первым из четырех его основных пунктов, и в качестве предписания самая первая рекомендация участникам переговоров гласит: сделайте разграничение между участниками переговоров и предметом переговоров¹⁰⁸.

В основание этого метода ведения переговоров положено, как известно, представление, что цель переговоров состоит в удовлетворении подспудных интересов (потребностей) участников, а основное их содержание связано с разрешением объективной проблемы их согласования. Однако, хотя «суть дела», объективное содержание проблемы и стало источником конфликта и привело к необходимости переговоров между его участниками, первой предпосылкой их успешности является отделение «проблемы людей» от «проблемы предмета переговоров».

«Мы существа с сильными эмоциями, у которых часто радикально различное восприятие, и нам бывает трудно общаться. Как правило, эмоции связываются с объективными свойствами проблемы. Предпочтение той или иной позиции ухудшает дело, ибо люди идентифицируются со своими позициями. Поэтому, прежде чем начать работать над существом проблемы, необходимо отделить “проблему

¹⁰⁸ Примерно тоже самое имеет в виду и Мастенбрук, формулируя одно из своих предписаний для переговорщиков: «отделяйте человека от его поведения» (*Мастенбрук* 1992). Выполнение его обеспечивает атмосферу доверия, доброжелательности и надежности.

людей” и разбираться с ней отдельно. Если не прямо, то косвенно участники переговоров должны прийти к пониманию того, что им необходимо работать бок о бок и разбираться с проблемой, а не друг с другом» (Фишер и Юри 1992, с. 28).

Существует множество разных типологий конфликтного взаимодействия, по разным основаниям и для разных целей. Различение «предмета переговоров» и «участников» переговоров позволяет выделить две основные ориентации – *предметную* и *субъектную* – конкретных переговоров и самих конфликтов. В свою очередь, взяв за основание взаимные ориентации сторон конфликта, можно составить элементарную типологию конфликтов (переговоров), содержащую три наиболее абстрактных типа конфликтов (переговоров) – предметные, субъект-предметные (предмет-субъектные), субъектные.

		Протагонист	
		<i>предметная</i>	<i>субъектная</i>
Антагонист	<i>предметная</i>	предметная	предмет-субъектная
	<i>субъектная</i>	субъект-предметная	субъектная

Таблица. 3. Типология соориентаций сторон конфликта

Есть два основных отношения, две точки зрения на место социотехники и психотехники в возникновении и разрешении конфликтов вообще и переговоров в частности. Одна точка зрения рассматривает проблему «людей» (эмоционально-волевого начала) как неизбежное, но неспецифическое условие любых конфликтов, а другая – связывает с ней суть конфликтных явлений как таковых. В переговорной практике отношение между разными техниками, их употребление может быть переплетенным и зачастую неотделимым друг от друга, и разница между ними становится очевидной только там, где за основу берется лишь одна их них. В зависимости от развиваемого в том или ином направлении конфликтологической мысли содержания понятия конфликт акцент в переговорном процессе делается или на объективной проблеме (проблеме интересов и выражающих их идей), или на эмоционально-волевом начале участников (проблеме людей) – на умении манипулировать противником и подчинить своей воле, используя его слабости, прежде всего так называемые «психологические»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Такой взгляд является естественным выражением точки зрения, что «конфликт – это болезнь, вызываемая “микробами” лжи и зла» (Бродаль 1991).

С точки зрения теоретико-методологической рефлексии, и эта точка зрения с достаточной отчетливостью может быть обнаружена, скажем, в методе «принципиальных переговоров», «проблема людей» есть неизбежное, но неспецифическое *условие* любых конфликтов, а специфика именно конфликтных отношений связана с «проблемой интересов и идей»¹¹⁰.

Специфическое и неспецифическое содержание в конфликтных отношениях выявляется (если выявляется) методической рефлексией далеко не всегда — из-за того, что в ее рамках редко проводится типологическое различение *эпизодических* (временных) и *периодических* (постоянных) форм социального взаимодействия применительно к взаимодействию конфликтному.

В самом общем виде переговоры описываются как деятельность, направленная на удовлетворение интересов взаимодействующих сторон за счет выработки *соглашения*, которое устраивало бы обе стороны переговоров. Причем само это соглашение трактуется как некоторое «решение», позволяющее эти взаимные интересы так или иначе удовлетворить¹¹¹. Эти решения описываются как «конечные» решения относительно этих взаимных интересах («желаний и забот»), так сказать, в терминах самих предметных интересов.

¹¹⁰ Трудности их различения и противопоставления друг другу тесно связаны с тем, что «объективные» интересы и проблемы с ними связанные, проявляются в социальном взаимодействии опосредовано, т.е. в известном смысле тоже через и как «проблемы людей». «В конечном счете, однако, причиной конфликта является не объективная реальность, а происходящее в головах людей. Истина — это просто еще один дополнительный аргумент, возможно, хороший, а возможно, и нет, который помогает справиться с расхождениями. А сами расхождения существуют постольку, поскольку они образуются в мышлении людей... Каким бы полезным ни было обращение к объективным фактам, в конечном счете именно реальность в том виде, в котором видит ее каждая из сторон, составляет проблему переговоров и открывает путь к ее разрешению» (Фишер и Юри 1992, с. 38-39).

¹¹¹ «Переговоры являются основным средством получить от других людей то, чего вы хотите. Это челночная взаимосвязь, предназначенная для достижения соглашения, когда вы и другая сторона имеете какие-то совпадающие либо противоположные интересы» (Фишер и Юри 1992, с. 18). Или: «Переговоры — стратегия, необходимая в случае, когда на карту поставлены различные, если не сказать взаимоисключающие друг друга, интересы, но, вместе с тем, существует определенная степень взаимозависимости двух сторон, которая позволит прийти к соглашению, выгодному для обеих сторон. Безусловно, стороны не будут соглашаться друг с другом, но, тем не менее, они бы хотели прийти к какому-либо соглашению, так как ни промедление, ни борьба за свои интересы не принесут им пользы» (Мастербрук 1993, с. 10).

В первом приближении для переговоров в рамках одноактных (эпизодических) конфликтов такая модель переговоров достаточна. Но в случае конфликтов многоактных (периодических) она предполагает новый цикл переговоров в каждой очередной повторяющейся (тождественной) ситуации конфликтного взаимодействия, что явно нерационально. И, следовательно, такая модель не учитывает важной особенности конфликтных отношений — прежде всего потому, что в ней конфликт и соответственно переговорный процесс имеют «плоскую», одноуровневую организацию.

То, что такая модель в принципиальном отношении неадекватна сути дела в переговорном процессе хорошо осознают те же Р.Фишер и У.Юри. «Процесс переговоров всегда происходит на двух уровнях: на одном обсуждение касается существа дела, на другом оно сосредоточивается — обычно подспудно — на процедуре решения вопросов по существу. При обсуждениях на первом уровне речь может идти о вашем жалованье, условиях аренды или назначаемой цене. Второй уровень обсуждения призван ответить на вопрос, каким образом вы будете вести переговоры по существу проблемы: используя мягкий или жесткий подход либо применяя какой-то иной метод. Переговоры второго уровня являются игрой в игру — “мета-игрой”...

Этот второй уровень, вообще говоря, не заметен, поскольку, похоже, все происходящее на нем случается без какого-либо сознательного решения. Только когда приходится иметь дело с партнерами из других стран, особенно с теми, у кого совершенно другая культурная основа, вероятнее всего, станет ясной необходимость установления какой-то приемлемой процедуры переговоров. Вот с этой точки зрения ответом на вопрос, какой подход принять — мягкий или жесткий, будет — “никакой”. Поменяйте игру» (Фишер и Юри 1992, с. 27).

В этом свидетельстве нам важно подчеркнуть несколько моментов: во-первых, квалификацию переговоров как «игры», а их уровней как *игры* и *мета-игры*; во-вторых, что второй уровень оказывается в большинстве случаев незаметен и «происходящее на нем случается без какого-либо сознательного решения» или «подспудно»; в-третьих, суждение, что на первом уровне речь «касается существа дела», а на втором — «процедуры решения вопросов по существу».

Нам представляется также верными как суждения о том, что конфликт и переговоры в рамках конфликта — это с необходимостью двухуровневая структура, так и о том, что это, как правило, остается незамеченным. Последнее, на наш взгляд, обусловлено тем, что модели переговоров отрабатываются преимущественно на эмпирическом материале эпизодических конфликтов. Их же особенностью является как раз то, что для них уровни игры и мета-игры, т.е. принци-

пы выработки решения и сами решения, фактически совпадают¹¹². Поэтому принципиальная разница между уровнями, если и становится эмпирически очевидной, то лишь в случае конфликтов периодических.

А вот что касается «существа проблемы», то представление о нем непосредственно зависит от понятия и модели конфликта, которые берутся на вооружение тем или иным автором. То «существо проблемы» которое имеют в виду Р.Фишер и У.Юри, связанное с непосредственным удовлетворением интересов каждой из сторон переговоров, — это лишь проблемы каждой из сторон в их отдельности, а вовсе не существо конфликтных отношений, их взаимодействия. Говоря их же языком, в процессе переговоров должны в первую очередь быть установлены «правила игры», а уж на основе этих правил достигнуто взаимоприемлемое удовлетворение интересов участников переговоров (сторон конфликта).

Вопреки распространённому убеждению, ни потребностно-мотивационная, ни когнитивная дивергенция сами по себе еще не определяют характер социального взаимодействия. Поэтому эмпирической почвой конфликтов может быть любая определенность общественной жизни. А значит, сущность конфликта инвариантна подобным определенностям самим по себе, и его смысл связан не с *предметным содержанием* противодействия (т.е. не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с его *формой регуляции* — другими словами, конфликты порождаются дефицитной регуляцией взаимодействия.

Конфликт лишь делает явным латентную несовместимость регуляторов взаимодействия, которым руководствуются его стороны и, в конечном счете, конфликты отличают от других форм социального взаимодействия прежде всего то, что это — «игры без правил» (в смысле единых правил, обязательных для обеих сторон), где каждый сам себе устанавливает правила и сам же решает следовать им или нет. Действия каждой из сторон основаны на собственном интересе и целеопределены, но это *определенность* действий сторон, а не их взаимодействия.

Отсюда *неопределенность* (спонтанность, ситуативность и незавершенность) подобного противодействия самого по себе. Лишним аргументом в пользу такого суждения может служить то обстоятельство, что, когда конфликт рассматривается как амбивалентное явление, то именно *регулируемость* есть качество, с которым связывается возможность позитивного влияния конфликта на общественную жизнь. С точки же зрения оргдеятельностной модели именно *нерегулируемость* и представляет собой основное содержание конфликта в

его чистом виде, ибо отсутствие единой парадигматики (единых правил) и означает дефициентность регуляторов конфликта как рационального и осмысленного – интегрированного – взаимодействия.

В качестве основы выделения конструктивных форм методическая рефлексия рассматривает корреляцию интересов сторон конфликта. В случае совпадения интересов в качестве такой идеально-типологической формы – взаимовыгодное сотрудничество, а в случае противоположности – соперничество или борьбу. Ориентируясь на них «вы стремитесь найти взаимную выгоду там, где только возможно, а там где ваши интересы не совпадают, следует настаивать на таком результате, который был бы обоснован какими-то справедливыми нормами независимо от воли каждой из сторон» (Фишер и Юри 1992, с. 19).

Другими словами, основная стратегия переговоров связывается с анализом сочетания интересов сторон конфликта и для каждого из них – выбора своей конструктивной формы взаимодействия. «Мне кажется, что людям все-таки еще трудно осознать тот факт, что тактики борьбы и сотрудничества могут быть использованы в комплексе. Долгое время мы мыслили и действовали под влиянием жесткого разделения между согласием и конфликтом. Тем не менее, я вижу абсолютно возможную комбинацию из взаимозависимости и строгого следования своим интересам. Можно даже сказать, что эта комбинация придает отношениям оттенок продуктивного напряжения и энергичности. Борьба и сотрудничество являются как бы дополняющими друг друга элементами. В этом случае переговоры можно представить как динамическое равновесие между борьбой и сотрудничеством» (Мастенбрук 1993, с. 12) ¹¹³.

Каковы же механизмы доопределения конфликта, которые позволяют сделать его регулируемым, какие действия в ходе переговоров способны внести большую определенность во взаимодействие сторон?

В теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) есть простой принцип перевода нерегулируемой системы в регулируемую. Если в

¹¹² Ср., например: «при сотрудничестве участники переговоров строят новые отношения, позволяющие им получить некий новый продукт. Их цель состоит в том, чтобы договориться о “вкладе” каждого, а также об организации взаимодействия и распределения полученного. Иначе ставится задача в конфликте. Здесь основной акцент делается обычно на распределении или перераспределении имеющегося. Для участников переговоров проблемой является, образно говоря, не то, как “испечь пирог”, а то, как разделить его» (Лебедева 2007).

¹¹³ Следует иметь в виду, что В.Мастенбрук исходит из триарной типологии базовых форм социального взаимодействия: «сотрудничество – переговоры – борьба».

системе нет элементов, на которые можно воздействовать для ее регуляции, то следует в эту систему такие элементы внести, связав с другими элементами. Именно эта связь и выступит транслятором регуляторных воздействий на систему.

В переговорной практике, если она эффективна, новые элементы не могут не вноситься в систему конфликта в процессе переговоров, однако по большей части это остается неосознанным на уровне методической рефлексии или осознанным в частной и ограниченной форме. Например, те же Р.Фишер и У.Юри, обсуждая особенности своего «гарвардского метода» ведения переговоров, пишут: «В отличие от всех других стратегий, использовать ее даже легче в том случае, если другая сторона будет знакома с этой стратегией. Если они, т. е. другая сторона, прочитают эту книгу, тем лучше» (*Фишер и Юри* 1992, с. 23)¹¹⁴.

Речь идет о конфликтологических знаниях и умениях использовать эти знания в конкретной ситуации для ведения переговоров (т.е. о конфликтопрактических компетенциях сторон и посредников переговоров). Собственно говоря, необходимость в выработке подобных знаний и стимулировала становление и развитие конфликтологии. Причем, как и всякое гуманитарное знание, оно является деятельным знанием и адресовано не только и не столько стороннему наблюдателю, сколько самим субъектам переговоров в качестве средств организации и самоорганизации мыследеятельности противоборствующих сторон.

Как известно, предпосылкой естественнонаучного подхода является такое противопоставление *объекта* и *знания* о нем, в рамках которого объект обладает независимым от знания бытием, а знание (содержание знания), в той мере, в какой оно выступает как знание объективное, наоборот, зависимым и определяемым объектом в его бытии. Область социокультурных явлений той или иной гуманитарной дисциплины имеет дело с объектами, неотъемлемой и отличительной особенностью которых является наличие в их составе и структуре таких элементов как «знания» и, следовательно, такого отношения между объектом и знанием, в рамках которого не только знание зависит от объекта, но и объект от знания. Другими словами, для социокультурного способа бытия характерным выступит как раз то, что здесь объект и знание не могут быть противопоставлены друг другу, так как знание оказывается элементом самого объекта, конституируя такую форму их единства, как *субъектность*.

¹¹⁴ То есть, по сути дела, даже для них это не принцип, а лишь возможность и благое пожелание.

Включение в переговорный процесс *метазнаний*, т.е. конфликтологических категорий и теоретических схем, и на их основе рефлексии конкретной конфликтной (и переговорной) ситуации и является способом увеличения *определенности* взаимодействия и способно превратить его во взаимодействие регулируемое. Обычно же методическая рефлексия основной упор делает на знании-понимании лишь первого уровня, и речь идет о понимании и учете предметных интересов, точек зрения, эмоционального состояния и т.п. другой стороны. Включение этих знаний в переговорный процесс важно и необходимо, но их значение относительно и определяется контекстом (рамкой), задаваемым именно метазнаниями.

Переговоры предпринимаются с целью добиться *соглашения* между противоборствующими сторонами. Тем самым основной смысл переговоров — интеграция (в определенной степени и в определенном отношении), противостоящих в конфликте сторон-субъектов. *Эпистемологизация* и на ее основе согласованное «вИдение» ситуации через призму конфликтологических знаний как идеализованных мыслительных средств, обладающих объективным (т.е. независимым от конкретных позиций сторон) содержанием, и есть первое условие такой интеграции. А она невозможна, если такие средства, задающие некоторую вполне однозначную модель конфликта, не становятся основой переговорного процесса для обеих его сторон.

Таким образом, переговоры не просто будут «даже легче» в том случае, если обе стороны в равной мере станут обладать сопряженной конфликтной компетентностью, а полнообъемные рациональные переговоры вообще без этого невозможны.

4.2. Переговоры в оргконфликтном подходе

Выше уже отмечалось, что пассивное завершение конфликта связано с *истощением необходимых ресурсов* с одной или обеих сторон. Это своего рода механическое его завершение, когда либо одна сторона в результате истощения прекращает свои действия (противодействие), в то время как другая еще способна действовать, либо обе стороны оказываются истощенными и дезактивированными. А активное завершение конфликта в двустороннем порядке возможно только через *взаимодействие по поводу конфликта* — т.е. через переговоры.

Выделенные моменты методически-обобщенного переговорного опыта можно использовать в качестве предварительных предпосылок рассмотрения коммуникативно-мыслительного пространства (*пространства переговорного процесса*) в оргконфликтном подходе.

С характерной для него точки зрения конфликты являются не естественными, а естественно-искусственными образованиями. Поэтому не может быть никакой естественнонаучной (натуралистической) теории конфликта, и малоосмысленной оказывается чисто исследовательская деятельность по поиску «законов» конфликтов, ибо они в качестве «естественных» явлений не обладают никакой определенностью (закономерностью)¹¹⁵. Оргдеятельностный подход строится на идее придания естественной основе конфликта (непосредственному первичному противодействию) искусственной определенности, на возможности *сделать его определенным* за счет введения в него артефактов.

Общей рамкой организации и ведения переговоров становится здесь *разделение и отделение двух проблемно-тематических пространств переговорного процесса* (пространств объективного противодействия субъектов взаимодействия и жизнедеятельности индивидуальностей, его осуществляющих), *удержание их в такой противопоставленности друг другу* и работа в каждом из них в соответствии с их имманентной «природой» и логикой (социотехнической в одном случае и психотехнической – в другом). Причем такое разделение и удержание не может стать результатом некоторого акта, а должно быть одним из внутренних сопроцессов процесса переговоров¹¹⁶.

Основная онтологическая предпосылка для ведения переговоров – многоуровневое (минимально двухуровневое) строение социального взаимодействия и полагание, что именно *парадигматика*, матрица сопряженных регулятивов («правила игры»), в конечном счете определяет конкретную целостность социального действия, а разные действия типологически различаются своей парадигматикой («правилами»). Причем, если ни мотивационная, ни когнитивная дивергенции не имеют прямого отношения к сути конфликтных отношений, то, в отличие от них, дивергенция парадигматическая – прямая дорога к конфликту (см.: *Пископнель* 2002).

Основной задачей переговоров является *доопределение* нерегулируемого и тем самым деструктивного противодействия до рациональных, конструктивных форм социального взаимодействия. Если исходить из обобщенной типологии таких форм, образованных «решеткой» дуальных отношений – сотрудничество «сообщничество; кон-

¹¹⁵ Известный тезис Р.Дарендорфа, что «общее объяснение структурной подоплеки всех социальных конфликтов невозможно» выражает, по сути дела, ту же мысль, только в дефицитной форме.

¹¹⁶ «Отделение людей от проблемы, – не устают напоминать Р.Фишер и У.Юри – не является чем-то, что вы можете однажды сделать и забыть об этом; вы должны продолжать работать в этом направлении» (*Фишер и Юри* 1992, с. 55).

конкуренция « конфликт; сотрудничество « конкуренция; сообщничество « конфликт, — то в качестве конструктивных выступают конкуренция (конструктивное противодействие) и/или сотрудничество (конструктивное содействие) субъектов взаимодействия (*Лископтель* 1994).

Оргдеятельностный подход (его идеализованные схемы) ориентирован на социотехническую практику переговорного процесса, поскольку именно с ней связывает особенности конфликтного взаимодействия, полагая тем самым, что психотехническая практика, будучи необходимой для поддержания и нормализации переговорного процесса, призвана обеспечивать лишь всеобщие коммуникативно-психологические условия реализации основного процесса ¹¹⁷.

Другими словами, идеализованные схемы социотехнической практики в общем случае «ортогональны» психотехническим, и реальная, полнообъемная (та, что называется обычно комплексной) конфликтотехника — это искусство совмещения социотехнических и психотехнических средств воздействия в конкретной ситуации конфликтного взаимодействия. Причем, если различать в рамках практик уровни их стратегий и тактик, то речь здесь идет о стратегической схеме переговорного процесса.

Выше уже отмечалось, что начало переговоров — это акт, предполагающий, что первичный конфликт (вернее непосредственное противодействие) «замораживается» (на его продолжение накладывается мораторий), т.е. это — действие, преобразующее *исходную* конфликтную ситуацию в *другую* (переговорную) ситуацию, т.е. в другое взаимодействие — во взаимодействие по поводу первичного конфликта, который оказывается ассимилированным и включенным в новый процесс и фактически в новую объемлющую систему. В схеме артифицированного конфликта это начало обеспечивается механизмом рефлексивного выхода из непосредственного, практического

¹¹⁷ См. характеристику переговорного процесса, традиционно строившегося на чисто психотехнической технике, у Мاستенбрука, в его обзоре принципов средневековой дипломатии: «Авторы того времени — представители общества, в котором люди слабо контролировали свои простейшие эмоциональные побуждения, что и получило отражение в их работах. ... Из цитат очевидно, что условия общественной жизни того времени требовали от человека подавления состояния взволнованности тем или иным фактом, эмоционального притворства. Осознание того, что другие поступают так же, приводило к тому, что переговоры были близки, чтобы стать процессом одурачивания друг друга, по крайней мере, как это может показаться в наши дни. Довольно-таки нечестный и бестактный способ для ведения общих дел. Но, с другой стороны, этот опыт можно рассматривать как стадию в процессе формирования умений владеть собой» (*Мастенбрук* 1993, с. 43).

взаимодействия. На этот механизм возложена «ответственность» в деле маркировки и расчленения диффузного процесса на вполне определенные составляющие, придания ему той или иной (искусственной, артифицированной) *организации*.

На языке СМД-методологии подобное преобразование первичного конфликта может быть теоретически интерпретировано как конструирование оргтехнического отношения в системе, в которой одна мыследеятельность, «захватывает» и «включает» внутрь себя другую. За счет этого обеспечивается осуществление двух основных процессов: процесса преобразования-превращения «нижней», или включенной, системы мыследействования и процесса оргтехнического воздействия «верхней», или включающей, системы на «нижнюю», приводящего к преобразованию последней.

Смысловым ядром переговорного процесса является *артификация* либо первичного, непосредственного противодействия, либо его возможности (мыслимого противодействия). Чем более конфликтологически оспособлены стороны взаимодействия, чем разностороннее их опыт (т.е. уровень рефлексии) и средства его ассимиляции, тем больше шансов на то, что они выйдут в пространство парадигматического дискурса до того, как возникнет собственно противоборство без правил. И наоборот, чем «девственнее» они в этом отношении, тем более вероятен выход в это пространство лишь после отрицательного опыта непосредственного противоборства.

Для традиционного общества, с его регулярно-замкнутым образом жизни, идеал, идеальное состояние человеческого общежития, явлен во всей своей полноте уже в самом начале истории. Вся последующая история рассматривается здесь как история искажений и уклонений от этого явленного идеала, т.е. как вечное возвращение к этому идеалу. Конфликты здесь являются сугубо негативными явлениями, проявлением отклонений, искажения традиционного образа жизни. Содержательный смысл у конфликтов, их функциональность может появиться только в обществе, ориентированном на *развитие*, в котором история рассматривается как перманентный процесс ценностного выбора и самоопределения, как инновационный процесс.

В его рамках такая действительность, как *социальные изменения* — складывание новых отношений и продуцирование, освоение новых реальностей, — перманентно выводит за уже сложившиеся пределы, т.е. делает социальное пространство *открытым*. Именно к этой действительности апеллируют энтузиасты позитивно-функциональной интерпретации конфликтных явлений, поскольку для них именно конфликты, во-первых, размыкают те или иные отжившие свой век социальные пространства, а во-вторых, позволяют обнаружить и осоз-

нать те новые противоречия, которые стимулируют социальное развитие. И то, что так «по факту» зачастую происходит, не может быть подвергнуто сомнению. Вопрос лишь в том, все ли и, если не все, то какие процессы социальных изменений проходят через конфликтную стадию в их непосредственно практическом выражении. Ответ на него зависит от наших взглядов на соотношения естественного (стихийного) и искусственного (целенаправленного) начал в социальной действительности.

Обратимся вновь, например, к различиям процессов социальных изменений на основе соотношения в них естественного/искусственного начал, принятым в СМД-методологии (естественная *эволюция*, искусственное *развертывание*, естественно-искусственное *развитие* и искусственно-естественное *становление*). Не обсуждая «вес» и «место» каждого из этих типов в реальной социальной жизнедеятельности, тем более, что на разных этапах истории социальных общностей они могут быть различными, в общем виде можно утверждать, что позитивно-функциональный смысл у конфликтных явлений может появиться у социальных изменений лишь *эволюционного* типа. Только в отношении этой категории процессов социальных изменений первичные конфликты способны выполнять позитивную функцию преодоления социальной рутины и обнажения тех или иных противоречий.

Ведь фактически обнажение необходимости в такого рода изменениях происходит здесь традиционным способом «проб и ошибок», когда субъекты социального действия *непосредственно-практически* «упираются» в невозможность осуществления той или иной деятельности, т.е. когда $R_{ге}$ оценивает непосредственно-практическое продолжение той или иной деятельности как бесперспективное, а $R_{рго}$ вынуждена переводить содержание этой деятельности в коммуникативно-мыслительный план поиска ответа на вопрос «что в ней должно быть изменено?» для дальнейшего успешного осуществления деятельности в новых социальных условиях. Этот перевод обеспечивает подключение мышления, артифицирующего естественный процесс «проб и ошибок». Тем самым *конфликт может выступать в роли механизма преобразования «качества» социальных изменений, их перевода из эволюционного плана (естественные изменения) в план социального развития (искусственно-естественные изменения)*.

Это означает, что функциональность (содержательность) конфликта как непосредственного противодействия напрямую связана с работой рефлексивного механизма, способного переводить конфликтотогенную ситуацию в коммуникативно-мыслительный план, в план переговоров.

В переговорное пространство социального конфликта невозможно выйти лишь одной стороне, в переговоры бессмысленно вступать лишь с самим собой. Необходимо, чтобы, с одной стороны, не одна, а обе противодействующие стороны сознавали, что они находятся в ситуации конфликта, т.е. обладали представлением о конфликте и соответствующими конфликтологическими знаниями, позволяющими идентифицировать *ситуацию*, а с другой – чтобы обе стороны относились к конфликтному противодействию как деструктивному явлению и решили бы вступить в переговоры, чтобы его избежать¹¹⁸. Только в этом случае возможно переведение этой ситуации из непосредственной в *метаконфликтную*, т.е. из конфликтного взаимодействия во взаимодействие *по поводу* конфликта.

Вполне очевидно также, что сам по себе выход в метаконфликтное пространство не гарантирует автоматического разрешения конфликта. С одной стороны, само коммуникативно-мыслительное поле может стать ареной противодействия, в том числе и конфликтного (но уже чисто интеллектуального), а с другой стороны, всегда остается опасность продолжить или начать непосредственно-практическое противодействие.

Другими словами, в общем случае в переговорном пространстве могут развертываться все виды социального взаимодействия, только в их символической форме. Поэтому они могут быть представлены с помощью тех же дуальных отношений, с помощью которых типологически выделялось само конфликтное взаимодействие.

В мыслительно-коммуникативном взаимодействии *со-действие* выступит в форме *со-гласия*, а *противо-действие* в форме *разно-гласия*.

	<i>кон</i> -структивное	<i>де</i> -структивное
<i>со-гласие</i>	консенсус	сговор
<i>разно-гласие</i>	компромисс	конфронтация

Таблица 4. Типология переговоров

С точки зрения такой типологии в процессе переговоров участвующие в нем стороны могут занимать как конструктивную, так и деструктивную позиции. Но если в переговорном пространстве на-

¹¹⁸ Хорошо известен феномен «ложных» переговоров, когда одна сторона использует переговоры лишь для укрепления своей позиции, пополнении ресурсов для дальнейшего продолжения непосредственного противодействия.

чинается деконструктивное противодействие — конфронтация, — то оно оказывается «переговорным» чисто функционально (по отношению к непосредственно-первичному противодействию) и номинально. На подобные переговоры, сами становящиеся ареной конфликта, естественно может быть перенесена схема конфликта (в данном случае семифазная), и, следовательно, разрешение переговорного конфликта через переговоры-2 предполагает выход в мета-метаconfликтное пространство, новую *рефлексивную возгонку* и т.д.¹¹⁹ В этом случае участники переговоров или «проваливаются» на уровень непосредственно-первичного конфликта, или происходит лишь сдвигка, «возгонка» первичного конфликта, не разрешающая исходного противоречия, а порождающая новые противоречия, но более высокого уровня. Именно в подобной ситуации говорят о провале переговоров.

Так как выход в переговорное пространство есть лишь возможность разрешения конфликта, то всегда остается опасность вновь «провалиться» на уровень первичного конфликта с любого уровня конкретного эмпирического метаконфликтного взаимодействия, т.е. продолжить или начать непосредственно-практическое противодействие.

Во многом подобные метаморфозы зависят от того, является ли конфликт «закрытым» или «открытым» в отношении интересов, преследуемых его сторонами, и средств их удовлетворения, другими словами, готовы ли стороны открыто обсуждать свои и взаимные интересы и средства в процессе коммуникации или хотя бы одна из сторон предпочитает, чтобы другая сторона лишь догадывалась о них, и готова использовать эту неопределенность в своих целях.

У переговоров два исхода: или стороны договорятся между собой и их взаимодействие приобретет новую форму, или не договорятся и первичный конфликт будет «разморожен». Но даже в этом, втором, случае это не будет прямое продолжение первичного конфликта, поскольку в нем так или иначе будет задействован опыт рефлексии и переговоров.

Очевидно, для того чтобы переговоры были успешными и не остались лишь номинальными, переговорное пространство должно обладать определенными свойствами, обеспечивающими его замк-

¹¹⁹ В принципе для острых и опасных конфликтов, типа военных или этноконфессиональных, такая «возгонка» может быть формой и способом их виртуального завершения. Ведь в этом случае действует мораторий на непосредственно-практическое противодействие, чреватое разрушениями и потерями, а гарантированных конечных способов их завершения вообще не существует, пока существует сам интегративный субъект противодействия, отождествляющий себя с корпусом соответствующих этноконфессиональных ценностей.

нутость, вести к разрешению конфликта, его преобразованию в конструктивное взаимодействие.

Но какой же договор, какое соглашение сторон может обеспечить замкнутость и самого переговорного пространства, и вести к разрешению конфликта (его преобразованию в конструктивное взаимодействие)? Очевидно, такой, оценка которого не будет зависеть от времени, прошедшего с его заключения, и поэтому не потребует пересмотра с той стороны, которая придет к выводу, что такое соглашение ее «ущемляет» (т.е. *несправедливо*) и, следовательно, за него она может не нести *ответственности*. Р.Фишер и У.Юри называют такое соглашение *разумным*: «разумным можно назвать такое соглашение, которое максимально отвечает законным интересам каждой из сторон, справедливо регулирует сталкивающиеся интересы, является долговременным и принимает во внимание интересы общества» (Фишер и Юри 1992, с. 24).

Парадигматический план социального взаимодействия — это план должностования, в рамках которого вырабатывается единая парадигматика, способная разрешить конфликт. Но для перевода ее из модальности должного в модальность сущего необходим договор между сторонами. Легитимным заключенное в результате переговоров соглашение окажется на деле, а не на словах, только тогда, когда обе стороны станут рассматривать требования (правила), которым они обязуются подчинить свою будущую активность, как справедливые, а не навязанные лишь одной из сторон в результате ее временной «слабости» в конкретной ситуации. Только тогда они возьмут на себя ответственность за их выполнение ¹²⁰.

Продуктивность таких требований к соглашениям в отношении конфликтов периодических достаточно очевидна, поскольку именно долговременность их действия способна эти конфликты разрешать. Но и по отношению к эпизодическим конфликтам они сохраняют свою прагматическую ценность, если иметь в виду не идеализованную модель автономного конфликта, а реальный контекст социального взаимодействия. Методическая рефлексия учитывает это обстоятельство, указывая, что любые переговоры имеют два аспекта: разрешают конкретную конфликтную ситуацию для удовлетворения текущих интересов и воздействуют на будущие отношения между сторонами ¹²¹. Поэтому любое соглашение должно учитывать эти буду-

¹²⁰ Отсюда подчеркивание опытными переговорщиками важности доверия и уважения, сохранения благонадежности и честности, постоянства и предсказуемости в действиях и т.п.

¹²¹ Поскольку имеются в виду и те отношения, которые возникнут между ними в будущих конфликтных ситуациях, то фактически схемы эпизодичес-

щие отношения и стремится к тому, чтобы оно способствовало развитию будущих отношений и будущих переговоров, а не мешало им. Более того, в общем случае продолжение отношений в итоге оказывается важнее, чем результат каких-то конкретных переговоров.

Сторонники так называемой «трансформационной школы» вообще исходят из того, что конфликт – процесс, продолжающийся сам по себе, и поэтому не может быть никакого состояния его окончания. «Й. Галтунг, например, рассматривает конфликты как “... явления, которые не имеют определенного начала или окончания ... они растут и крепнут, уменьшаются и преобразовываются через образцы зависящего совместного возникновения...” Это представление находит отклик во многих работах о трансформации, и интересно обратить внимание на количество случаев, в которых авторы, обсуждающие данное явление используют причастие настоящего времени – “реструктуризирующийся”, “строящийся”, “обосновывающий”, “уполномочивающий”, “понимающий”, “обучающий”, “продвигающий”, “участвующий”, “регулирующий” и так далее» (Семенов 2008).

ких конфликтов таким образом, задним числом, достраивают до схем конфликтов периодических как более адекватно отражающих реалии социального конфликтного взаимодействия.

Глава 5

За границами социальных конфликтов

Для того чтобы однозначно и последовательно развернуть теоретическое содержание понятия «конфликт», мы выбрали в качестве области явлений (эмпирического базиса) для него только те социокультурные явления, которые в конфликтологии относят к социальным конфликтам в узком смысле этого слова. В какой мере введенные представления и различия приложимы и к тем явлениям, которые выходят за рамки так понимаемых социальных конфликтов и какое она имеет к ним отношение?

5.1. От конфликтности поведения к «конфликтной личности»

В предыдущей главе речь шла о противопоставлении в опыте переговоров двух практик и двух техник их проведения — социотехники и психотехники переговорной стратегии, — где социотехника предполагает ориентацию на «проблемы предмета переговоров», а психотехника на «проблемы людей». Свою позицию в отношении переговоров и конфликтов вообще мы обозначили как социотехническую — рациональную и оргдеятельностную. Выбор такой позиции не предполагает отрицания значимости психотехнической позиции как таковой, а лишь указывает на отношение субординации между ними, на ее дополнительность. Эта субординация обусловлена тем, что с точки зрения оргдеятельностной модели конфликта социотехника имеет дело с *процессами* конфликтного взаимодействия, а психотехника с его *условиями и механизмами*.

Какова бы ни была степень интегративности сторон конфликта, за стол переговоров садятся ведь не государства, нации, партии, корпорации, организации, группы, а лишь их представители — вполне конкретные люди. Именно они принимают те решения, на основе которых организуются целенаправленные акции любых других интегративных субъектов. Важность психотехнического отношения к конфликтам связана прежде всего с этой стороной конфликтного взаимодействия. И хотя она достаточно очевидна по отношению к переговорному процессу, она имеет непосредственное отношение и к конфликтному взаимодействию вообще. Неудивительно, что именно на этой стороне взаимодействия чаще

всего сосредотачивает свое непосредственное внимание психология конфликта, определяя конфликт как «трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» (Психологический...1983, с. 161). Все исследователи неизбежно отмечают, что поведение людей в конфликтных ситуациях отличается повышенной эмоциональностью, и зачастую они склонны руководствоваться не столько рациональными, сколько эмоциональными соображениями.

Сам конфликт в этом случае рассматривается в качестве специфической формы гипертрофированного «противоречивого общения», характеризующегося неуравновешенностью психических процессов и состояний (раздражительность, невнимательность, рассеянность), снижением уровня критического мышления и повышением эмоциональной напряженности, снижением самоконтроля за своим поведением (Куликов и Галицкий 1979).

Еще Г.Зиммель рассматривал конфликт как своего рода «защитный клапан», высвобождающий накопленное чувство враждебности, которое, не будучи этой отдушины, может «взорвать» отношения между соперниками. Вслед за Г.Зиммелем и Л.Козер полагал, что социально контролируемый конфликт дает выход человеческой агрессивности, «очищает воздух» и позволяет участникам возобновить нормальные отношения. Больше того, он считал, что именно с этим связана проблема, «которая играет центральную роль в теории конфликта: проблема функционирования институтов, канализирующих враждебные чувства, предотвращающих проекцию этих чувств на непосредственный объект враждебности и тем самым способствующих сохранению социальной системы» (Козер 2000, с. 67).

К сожалению, конфликты могут не только «очищать воздух», но и приводить к душевным заболеваниям — как, например, в случае длительного посттравматического стрессового расстройства у участников боевых действий. Устранение последствий участия в стрессогенных конфликтах — особая и не всегда легко разрешимая психотерапевтическая задача.

Конфликтное взаимодействие, как всякое *противодействие*, естественным образом вызывает у каждого из его субъектов отрицательную эмоциональную оценку действий противоположной стороны, поскольку они препятствуют осуществлению его деятельности. Тогда как *содействие* естественным образом рождает положительную эмоциональную оценку действий партнера. Но одно дело — эмоциональная оценка как когнитивный элемент поведения, а другое — подчинение ей всего поведения, когда оно само становится формой де-

монстрации и утверждения этой оценки¹²². Развитием (усугублением) этой естественной эмоциональной оценки поведения является ее перенесение с действий (противодействий) на субъектов. Дальнейшее неконтролируемое развитие подобного эмоциогенного процесса чревато утратой опосредующей связи между поведением и его субъектом и закреплением этой оценки непосредственно за конкретной личностью, ее квалификацией в качестве постоянного «противника» («врага»). Этот процесс стимулирует превращение эпизодических конфликтов в периодические.

Х.Бродель, рассматривая конфликт как своего рода «болезнь», предложил схему описания его типичного развертывания, если оно происходит под знаком и в соответствии с логикой непрерывного роста чувств неприятия и враждебности к оппонирующей стороне конфликтного взаимодействия (Бродаль 1991). Эта схема (включающая три фазы с тремя шагами в каждой) представляет его развертывание как спуск по ступенькам лестницы, на каждой из которых сознание его участников сужается и зрелость суждений о происходящих событиях понижается.

Первая фаза этой схемы характеризуется тем, что стороны осознают существование напряжения и противостояния в своих отношениях и стараются избавиться от них, обсуждая все «за» и «против». На этом пути каждая сторона пытается лишь убедить противоположную сторону в своей правоте, утверждая свое интеллектуальное превосходство. На деле это оборачивается лишь увеличением расхождений между ними, ростом раздражения и ужесточением исходных позиций. В результате происходит разрыв коммуникации, нарастает страх перед соперником, и стороны начинают действия, руководствуясь этим чувством страха, лишаящего людей здравомыслия, «нормального» мышления. Тем не менее на этой фазе взаимодействие еще не лишено рационального начала, и стороны придерживаются еще каких-то ограничений и общезначимых правил.

Вторая фаза — фаза за «порогом страха», когда люди оказываются во власти стихии сил, действующих на жизнь чувств. Нарастают недоверие и отсутствие уважения, соперники видят друг друга только как воплощение «темных» сил. Снимаются многие ограничения на действия, допустимые по отношению к другой стороне. Обе стороны начинают исходить из предпосылки, что их интересы и цели могут быть реализованы только при исключении другой стороны. Тем

¹²² Ср. с замечанием Э.Берна, согласно которому «существенной чертой игр людей мы считаем не проявления неискреннего характера эмоций, а их управляемость» (Берн 1992, с. 13).

не менее на этой фазе некоторый остаток чувства человеческого достоинства присутствует, пока не перейден второй порог — «порог разрушения».

Третья фаза описывается как возникновение «военной ситуации», в рамках которой стороны конфликта перестают видеть друг в друге людей, что позволяет использовать любые средства во имя торжества «морали», манипулировать чужой волей и разрушать все что угодно вплоть до саморазрушения — только ради того, чтобы не допустить победы «врага»¹²³.

Подобный сценарий эволюции конфликтного взаимодействия вполне возможен в рамках непосредственного, первичного конфликта, который детерминируется лишь негативно-эмоциональным отношением к противостоящей стороне, а не парадигматически регулируется в целях его рационального разрешения. Иногда конфликты, развивающиеся по такому сценарию, выделяют в качестве особого типа — например, в качестве конфликтов «неуправляемых эмоций» (Дмитриев и др. 2002) или «мотивационно-эмоциональных» (как близких «трудным состояниям», «экспериментальным неврозам» в физиологии ВНД).

Для ордеятельностного подхода важен приоритет теоретико-деятеьельностного принципа схематизации, в соответствии с которым *схемы социокультурных практик будут достаточно адекватно изображать те или иные события, если они используются как внутренние средства их организации*. То есть такие схемы изначально имеют *нормативный* и лишь вторично чисто *когнитивный* смысл, поскольку изображают не натуральные, а социокультурные явления. Это означает, что будет или не будет описанная выше нелинейная схема этапов конфликта в том или ином виде использована в качестве регулятора процесса взаимодействия зависит от ряда условий, в частности от того, делается ли в том же переговорном процессе упор на проблеме, требующей разрешения или на умении манипулировать противником и подчинить его своей воле, используя его психологические слабости.

Подобный принцип, в частности, предъявляет специфические требования к субъектам конфликтного взаимодействия. Успешные переговоры, ведущие к разрешению конфликтов, предполагают способность сторон к рационализации конфликтного поведения. Усло-

¹²³ Избавление от этой «болезни» Х.Бродель связывал с преодолением стремления убедить, дать непрошенный совет, повлиять на кого-то, навязать оппоненту определенные ценности и мысли, т.е. с посягательством на человеческую свободу. Преодоление «духа предвзятого мнения», с его точки зрения, — первый шаг в борьбе с вредными силами, создающий условия для развития культуры общения, способности вести переговоры.

виями рационализации в свою очередь являются *рефлексия* непосредственных интересов и принципов регуляции своей деятельности (*парадигматики*) и ее *объективация и отчуждение* от своего непосредственного поведения. Только в этом случае появляются возможности релятивизации парадигматики этого взаимодействия и его последующей конструктивизации. В связи с этим нетрудно заметить, что только лишь эмоционально регулируемое конфликтное поведение наименее рационализируемо¹²⁴. Но без работы над собой, без осознания эмоциональных источников своего поведения, саморегуляции, т.е. овладения этим поведением (без утверждения в нем личного начала), рациональное разрешение подобных конфликтов, т.е. такое завершение, которое бы учитывало интересы обеих сторон, невозможно¹²⁵.

Выше уже воспроизводился совет Р.Фишера и У.Юри: прежде чем начать работать над существом проблемы, необходимо разделить «проблему людей» и разбираться с ней отдельно. По их глубокому убеждению надо разбираться с проблемой, а не друг с другом. Но в области конфликтных явлений есть такие, где «предметные проблемы» как раз являются одновременно «проблемами людей», т.е. они совпадают — прежде всего там, где речь идет о поведении так называемых «конфликтных личностей», когда проблематика центрирована не на событиях конфликта, а на манифестации личностей определенного типа.

На них указывают, когда выделяют психологические типы, играющие особую роль в генерировании конфликтов и описывают присущие им специфические черты характера, предполагающие повышенную готовность личности к конфликтам и их продуцированию¹²⁶. Эмпирическим основанием для выделения конфликтных личностей является их биография, существенная часть которой состоит из историй трудных

¹²⁴ Даже юридическая практика исходит из признания дезорганизующей роли аффекта, не позволяющего контролировать свои действия. Поэтому преступление, совершенные в «состоянии аффекта», — обстоятельство, существенно снижающее ответственность за совершенное деяние.

¹²⁵ Ср.: «Принципиальным для конструктивной психологии конфликта является положение о том, что при конфликтном анализе и собственно в стратегии разрешения особое значение приобретает способность *отделить* само переживание в его конкретной форме от конфликтного действия для того, чтобы в последующем соотнесении выявить соответствие или несоответствие переживания продуктивно ориентированной направленности в разрешении данного конфликта» (Хасан 2005, с. 92).

¹²⁶ В отечественной психологии конфликта популярна типология, различающая «демонстративный», «ригидный», «неуправляемый», «сверхточный» и «бесконфликтный» типы конфликтных личностей.

отношений с другими людьми. Обычно их обвиняют в неуживчивости, неумении построить нормальные отношения как в быту, так и на работе. Как правило, именно они играют роль ферментов в возникновении конфликтных ситуаций и превращении любых взаимоотношений в конфликтные.

Существуют длинные списки эмпирически выявленных черт характера, predisposing к столкновению с окружающими. Наиболее часто в них фигурируют такие черты различного порядка, как нетерпимость, пониженная самокритичность, импульсивность, несдержанность, предрассудки, предубежденность, агрессивность, властность, невоспитанность, некультурность, невнимательность к людям, корыстолюбие, эгоизм и т.п. Другими словами, нет такой отрицательно оцениваемой черты характера, которая не стимулировала бы конфликтные отношения. Подобные квалификации, аккумулирующие опыт взаимоотношений с «трудными» людьми, несомненно, важны для практики выстраивания отношений с конкретными обладателями подобных черт, но мало о чем говорят в теоретическом плане, поскольку такие аналитики, как, например, Е. Ван де Влиерт и М. Ейвем (см. выше), на этом уровне выделяют десятки черт личности, ответственных за конфликтное поведение.

В теоретическом плане представляется более продуктивным отвлечься от эмпирического разнообразия подобных черт характера конфликтной личности, с одной стороны, и предметных условий ее противодействия, которые очевидно выступают в качестве *поводов*, а вовсе не источников конфликта — с другой. Здесь более значимой является типология, основанная на со- и противопоставлении ориентаций, различающая *предметные*, *субъект-предметные* и *субъектные* типы соориентаций и конфликтов (рис. 3). С точки зрения этой типологии речь должна идти о субъект-предметных и субъектных конфликтах.

В качестве предпосылки рассмотрения через призму такой типологии конфликтной личности как определенного *идеального типа* (в смысле М. Вебера) вполне осмысленным является предположение, что поведение конфликтной личности является предельным выражением поведения довольно обычного для любого человека («неконфликтной личности»), но только по отношению к такому другому человеку, которого, в силу опыта жизненных с ним отношений, он оценивает чрезвычайно низко (как недостойного, «низкого» человека), что и отражается в соответствующей эмоциональной оценке (в гамме чувств от неприязни до ненависти).

По отношению к такому человеку внутренне оправданным видится поведение, стремящееся *привести в соответствие внешний со-*

циальный статус такого человека со своей низкой его оценкой. Но такое поведение в каждом конкретном случае становится конфликтным, поскольку превращается в противодействие всем начинаниям такого человека, их блокирование, независимо от их конкретного предметного содержания. Здесь предметное содержание конкретной деятельности неявно приносится в жертву конечной цели — понижения социального статуса противника. Если конфликтное поведение является односторонним, то конфликт оказывается субъект-предметным, если двусторонним — субъектным.

В подобных случаях отчетливо проявляется разница между эпизодическими и периодическими конфликтами, которая становится решающей в деле их разрешения. Ведь каждый эпизодический конфликт, реализующий стремление понизить социальный статус противника, не имеет автономного от этого стремления самостоятельного предметного содержания, и поэтому малоосмысленно пытаться его разрешать, опираясь непосредственно на выявление такого содержания — здесь за ситуативным предметным содержанием стоит то, что на быденном языке называют «сведением счетов».

От разведения и противопоставления предметного *содержания* такого рода конфликтов и *отношений* между их субъектами непосредственно зависит возможность их рационализации и разрешения. Если удастся отразить, объективировать и разделить непосредственный конфликт этого типа по линии предметность/субъектность, то открывается возможность их разрешить «по частям». Противодействие предметного толка или вообще снять, переведя его в категорию повода, не имеющего самостоятельной объективной значимости, или разрешать как обычный социальный конфликт в соответствии с его парадигмальной схемой. Обнажение претензий к социальному статусу позволяет объективировать и обосновать свою внутреннюю оценку и тем самым перевести вопрос о социальном статусе в действия организационного плана или воздействия на общественное мнение.

Рациональность таких конфликтов, их оправданность, зависит от многих обстоятельств, в том числе от того, насколько субъективная оценка инициатором конфликта своего противника и приносимое в жертву предметное содержание его деятельности имеют объективно значимый характер¹²⁷.

¹²⁷ В практике конфликтного поведения обычно реализуются все варианты сочетания оценок антагонистов и предметной содержательности. Очевидно, его рационализируемость минимальна, если оно целиком и полностью сводится к эмоциональной оценке и поиску морального удовлетворения от *унижения* противника.

Подобное конфликтное поведение названо нами «обычным» в силу того, что оно характеризует взаимоотношение (одностороннее или двустороннее) лишь двух конкретных людей и поэтому не имеет личностного содержания. Под «конфликтной личностью» как идеальным типом имеют в виду человека, которому такое поведение свойственно не по отношению к какому-то конкретному человеку, а в пределе к любому, с которым он вступает в те или иные отношения. Если для «неконфликтной личности» такое субъектно-ориентированное поведение мотивировано опытом общения с конкретным человеком и его низкой оценкой, то для «конфликтной личности» таким мотивом, очевидно, является не оценка партнера, поскольку такая личность не имеет и не нуждается для этого ни в каком опыте, а *сверхвысокая внутренняя самооценка*. В этом случае конфликтное поведение стремится *привести в соответствие свой внешний социальный статус со своей сверхвысокой субъективной оценкой*. И здесь предметное содержание взаимодействия приносится в жертву *самоутверждению*. Но не предметное содержание деятельности конкретной личности, а всякое, порожаемое другой личностью.

Никакой конкретный конфликт с такого рода личностью не может быть разрешен, разве что случайным образом. Здесь, по сути дела, мы имеем дело с явлениями не из области конфликтологии, а в лучшем случае из области характерологии¹²⁸. В психоаналитической традиции эти явления трактуются как проявления внутриличностной тенденции, связанной с «невротическим стилем жизни» (А.Адлер) или «невротическим характером» (К.Хорни), или «патологическим нарциссизмом» (О.Кернберг).

5.2. Интрапсихические, или внутриличностные, конфликты

Как справедливо отметила Н.Гришина, «значение явления конфликта в общей психологической феноменологии проявляется в том, что каждая значительная психологическая система тем или иным образом определяла свое отношение к конфликтам» (Гришина 2008, с. 56), правда, забывая при этом отметить, что, по сути дела, это — отношение к достаточно разным явлениям, связанным скорее вербально и интенционально.

Проблематика так называемых интрапсихических, или внутриличностных, конфликтов разрабатывается прежде всего и по преимуществу в рамках психологической традиции изучения «конфликтов

¹²⁸ В худшем — из области психопатологии, т.е. находящейся в компетенции психотерапии и психиатрии.

души», заложенной З.Фрейдом. Да и само появление в понятийном аппарате психологии понятия конфликта на правах системообразующего связано прежде всего с именем З.Фрейда и его психоаналитическими теорией и практикой. Поэтому большая часть работ по психологии интрапсихических конфликтов так или иначе сохраняет психоаналитическое первородство даже тогда, когда противопоставляет свои взгляды на конфликт фрейдистским.

Эта установка тесно связана с исходной идеей психоаналитического подхода Фрейда к антропологической проблематике — при понимании и объяснении тех или иных феноменов жизни человека, тем более внутренних, идти от определенной интерпретации его субстанциональной «природы», которая у самого Фрейда выражалась прежде всего через энергичное понятие «человеческое либидо»¹²⁹.

Через это понятие Фрейд выражал свое представление о самой сущности психики человека, и для него «психический конфликт» был основным элементом душевной жизни (проявлением глобальной борьбы эроса с танатосом), постоянным столкновением противоположно направленных инстинктов, влечений, желаний, стремлений и т.п. «сил», принадлежащих разным инстанциям личности и обладающих энергетическим потенциалом (зарядом). С подобными энергичными столкновениями он связывал причины таких душевных расстройств, как неврозы, на разрешения которых были направлены приемы разработанной им психоаналитической практики, предлагающей человеку те или иные способы достигнуть в конечном счете удовольствия (принцип удовольствия) морально приемлемыми путями¹³⁰. А само поведение человека он рассматривал как своего рода результирующий вектор противодействующих в психике влечений и сил.

Неразрешенные когда-то столкновения-конфликты (обычно интерпретируемые как противоречия между сугубо внутренними желаниями человека и внешними ему социальными требованиями, причем возникающие в основном в детском возрасте), т.е. неснятые, про-

¹²⁹ Сама эта внутренняя «природа» в разных направлениях психологии оказалась различной и очерченной весьма туманно.

¹³⁰ З.Фрейд широко и свободно использовал понятие конфликта, объясняя те или иные явления душевной жизни человека (т.е. в качестве объяснительного принципа), но не озаботился более или менее развернутым обсуждением содержания самого этого понятия. «Хотя конфликт как безусловная основа психоаналитического опыта вполне доступен клиническому описанию, — отмечают Ж.Лапланш и Ж.Б.Понталис — построить его метапсихологическую теорию очень нелегко. На протяжении всего творчества Фрейда проблема предельного обоснования конфликта решалась по-разному» (Лапланш и Понталис 1996).

тивоположно направленные побуждения с присущей им энергетикой, вытесненные из сознания и более не осознаваемые в качестве причин тех или иных значимых переживаний, «давят» и тем самым лишают человека душевного равновесия. Соответственно не человек в его полноте и целостности, не личность оказывается способной контролировать свои собственные побуждения, а эти элементы-побуждения неявно определяют переживания и состояния личности. Психоаналитическая практика и направлена на выявление таких конфликтов, передачу средств их осознания пациенту и тем самым на возвращение ему сознательного отношения к своим побуждениям, на основе которого только и возможен тот или иной личностный выбор (саморегуляция).

Ученики и последователи Фрейда, создатели своих психологических школ К.Юнг и А.Адлер и такие известные неопрейдисты, как Э.Фром или К.Хорни, пересмотрели ряд базовых положений фрейдовской концепции психического (прежде всего пансексуальности) за счет усиления роли социокультурных начал в человеческой жизни. Но неизменным осталось их убеждение, что именно так или иначе понимаемое бессознательное является постоянным источником внутренних конфликтов в душевной жизни и, в конечном счете, определяет жизнь человека. Пересматривали они, как правило, источники возникновения внутренних конфликтов, с одной стороны, и неизбежную их патогенность — с другой ¹³¹.

Методологический подход к конфликтам в психоаналитической традиции не отличается определенностью и однозначностью. Вернее, в ней можно обнаружить присутствие всех возможных подходов к конфликтам. Так подход самого Фрейда, на первый взгляд, является генерализовано-натуралистическим, поскольку видимый акцент делается на столкновении в психике противоположно направленных слепых, бессознательных побуждений («сил») — вполне в русле своего рода душевного физикализма. Для его естественнонаучного мировоззрения «вера в психическую свободу» была совершенно ненаучна, и он искал ту форму детерминизма, которая позволила бы вскрыть механизм, определяющий феноменологические черты психической жизни, и нашел его в том, что «через человека живет бессознательное» и в конечном счете управляет им.

Но «силы» (влечения) эти наделяются им «стремлением к господству», к «подчинению» одних другими, целесообразной «борьбой»

¹³¹ Различение К.Хорни нормальных и невротических конфликтов в определенном отношении коррелятивно различению деструктивных и конструктивных конфликтов и преследует в конечном счете ту же цель.

одних против других сил и т.п., т.е. качествами скорее «витальными», нежели «физическими».

Наконец, следует отметить парадоксальность самой топологической конструкции личности, выстроенной им для утверждения детерминизма бессознательного толка.

Фрейдовское понятие «Я» (эго), отмечал Г.Олпорт, подозрительно похоже на гомункулуса (*Олпорт 2002*).

«Фрейд так и не разрешил противоречия между своей детерминистской моделью и своими терапевтическими усилиями; в работе “Эго и Ид”, написанной им в шестьдесят семь лет, он отмечал, что задача терапевта — “дать Эго пациента свободу выбрать тот или иной путь”. Это часто цитируемое утверждение является решающим доказательством неприемлемости его детерминистской модели человека. Пусть традиционная аналитическая мысль рассматривает человеческое поведение как полностью детерминированное, пусть она расщепляет человеческую психику на конфликтующие доли (Эго, Супер-Эго и Ид; или предсознательное, бессознательное и сознательное), — по видимому, это не избавляет от необходимости ввести представление о некоей недетерминированной сути. Новейшие Эго-аналитики, выдвигающие концепцию “автономного Эго”, продолжают обходить этот вопрос. Можно подумать, что в одной из частей заключен некий свободно выбирающий гомункулус. Но, конечно, это совершенно бессмысленная идея — говоря словами Мэя, “как часть может быть свободной, если целое не свободно?”» (*Ялом 1999*).

«В описаниях З.Фрейда обращает на себя внимание наделение внутриличностных инстанций-тенденций (функций) как бы субъектностью. Так, “Я”, “Оно” и “Сверх-Я” у него выступают как отдельные человечески-гомункулы, образуя очень удобную для терапевтических (психотехнических) апелляций и описаний схему взаимодействия — ситуацию, в которую буквально как в человеческую компанию может вмешаться терапевт, солидаризуясь с одним участником взаимодействия, оснащая его средствами для победы в борьбе» (*Хасан 2003*, с. 32).

Собственно говоря, сам Фрейд достаточно подробно и не раз описал ход своих размышлений, лежащих в основании его модели личности человека. У этой модели было несколько относительно независимых источников.

Один из них стал предпосылкой различения в «психической личности» Я и сверх-Я. По его свидетельству, эмпирическим материалом для утверждения этого различения стал материал патологий Я, связанных с феноменом множественной личности. А исходной идеей — идея единства психики и обусловленный этой идеей взгляд на этот феномен как на крайнее проявление тенденций, свойственных «нормальной»

психике: там, где она обнаруживает патологический *слом*, в нормальном состоянии имеет место ее конституциональное *расчленение* ¹³².

Особенное впечатление на него производит картина болезни «бреда наблюдения» (бреда преследования): «под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального *Я* может быть в структуре *Я* закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением и других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции» (там же, с. 336). Эту «наблюдающую инстанцию», которая в патологическом выражении, по его словам, резко отделена от *Я* и по ошибке смещена во внешнюю реальность, он «возвращает» во внутреннюю реальность *Я*, опираясь на ту способность наблюдать и судить поступки человека, которую традиционно в феноменологическом плане отождествляют с совестью. Этой полагаемой им инвертированной инстанцией в *Я*, функцией которой оказывается здесь совесть, присваивается имя *сверх-Я*.

Каким же оказывается структурно-функциональный статус этой инстанции на пути построения его психоаналитической модели психики?

С одной стороны, для определения этого статуса он опять возвращается к данным патологии, которые свидетельствуют, что в патологическом выражении эта инстанция «пользуется известной самостоятельностью, преследует собственные намерения и в своем обладании энергией независима от *Я*» (там же, с. 337). Другими словами, в этом своем выражении *сверх-Я* у Фрейда обладает, фактически, всеми основными качествами самого *Я*, является своего рода его структурно-функциональным двойником.

С другой стороны, он обращается к интерпретации онтогенеза этой инстанции в случае психической нормы. По Фрейду *сверх-Я* формируется в процессе семейного воспитания за счет превращения *родительского отношения* в инстанцию самого *Я* (идентификация) ¹³³. А поскольку

¹³² Поясняя свою мысль о связи «слома» и «расчленения» *Я*, он использует механическую аналогию. «Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки предопределены структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные» (Фрейд 1989, с. 336).

¹³³ «Когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется *Сверх-Я*, которое точно так же наблюдает за *Я*, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка... введение в действие *Сверх-Я* может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией» (Фрейд 1989, с. 338).

подобный механизм применим в равной мере к воспитанию самих родителей, то он становится в психоаналитической модели носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения¹³⁴.

Другим источником модели стали как сама психоаналитическая работа и эмпирический феномен «сопротивления», оказываемого пациентом попытке сделать сознательными его «неосознаваемые» переживания, так и отсутствие осознания такого сопротивления. Рассмотрение этого феномена через призму различия *Я* и *Сверх-Я* приводит его к выводу, что «либо *Сверх-Я* и *Я* в очень важных ситуациях могут работать бессознательно, либо, что было бы еще значительнее, что некоторые части того и другого, *Я* и самого *Сверх-Я*, являются бессознательными... *Сверх-Я* и сознательное, с одной стороны, и вытесненное и бессознательное — с другой, ни в коем случае не совпадают» (там же, с. 342).

Другими словами, не будет большим преувеличением утверждение, что, желая лишить саму личность качества субъектности (персональности), он, фактически, наделил этим качеством ее инстанции со своим собственным бессознательным, трактуя их в ряде случаев как *субличности*¹³⁵.

Подобные историко-методологические реконструкции и интерпретации базовой теоретической психоаналитической схемы, на которой обсуждалась проблематика внутренних конфликтов и предлагалось определенное их истолкование, позволяют наметить связь моделей конфликта социального, интерпсихического с моделями конфликтов внутриличностных, интрапсихических. Собственно говоря, в той или иной степени они были намечены и в русле самой психоаналитической традиции. Так, для К.Хорни источником внут-

¹³⁴ В то же время он же тесно увязывается у Фрейда с его концептом Эдипова комплекса и его «судьбой» в развитии человека.

¹³⁵ У этого представления очень древние корни, оно было отражением и объяснением сложных явлений внутренней душевной жизни архаического человека. «Для мифологического мышления один и тот же процесс расщепления происходит как параллельно, так и последовательно: подобно тому как в одном и том же человеке, в одном и том же эмпирическом индивидууме, с мифологической точки зрения могут сосуществовать и мирно уживаться совершенно различные “души”, так и эмпирическая последовательность жизненных событий может быть разделена между совершенно различными “субъектами”, каждый из которых не только мифологически мыслится в форме особого существа, но и мифологически ощущается и рассматривается в качестве непосредственно-живой демонической силы, овладевающей человеком» (*Кассирер* 2001, с. 175).

ренных конфликтов являлись неудачи в выстраивании отношений между людьми (т.е. субъект-субъектные отношения), и так называемый «базисный» конфликт невротика она возводила к фундаментально противоречащим друг другу аттитюдам, которые он сформировал в отношении других людей.

Некоторые психоаналитики пошли еще дальше. Так, Р.Шафер (Schaffer 1978), пересматривая фрейдовское понятие конфликта, утверждает, что конфликты не локализованы в психическом аппарате и в основе интрапсихических конфликтов лежит не антагонизм между «влечениями» или «инстанциями», а противоречия между различными *действиями*, индивид является не ареной, а субъектом конфликтов. «Применительно к поступкам понятие «конфликт» означает, что некий человек производит сложносоставное действие, связь между отдельными компонентами которого представляется ему противоречивой или парадоксальной» (Цит. по: Холь 2001, с. 141).

Обсуждая выше условия и ограничения выбора в качестве фундаментального онтологического полагания для разработки модели конфликта того, что *конфликт — это прежде всего социальный конфликт*, мы уже отмечали, что степень осмысленности употребления такого понятия конфликта по отношению к явлениям другого порядка непосредственно зависит от их уподобления конфликту социальному, от их квазисоциальности. От того, насколько убедительно внутренний конфликт может быть истолкован как процесс субъективации «вокруг» отдельных противоположных образующих личности человека, или, другими словами, как процесс функционального расщепления, появления в ней *квазисубъектов*, борющихся за восстановление утраченной целостности.

Подобная интерпретация в свою очередь возможна лишь при определенном представлении о самой личности человека и ее генезисе, в частности при объединении идеи регулятивности личности с признанием ее исходно общественно-родовой сути. В этом случае родовые начала «человека как человека» оказываются представленными в процессе становления индивидуальной личности исходно в качестве «образца» и «требования». «Образец» и «требование» оказываются первичной формой существования индивидуально-личного начала и в этом своем качестве входят в структуру любой индивидуальности, индивидуальной личности (см., например: Пископтель 2006).

Идентичность того или иного человека является синонимом его личностного статуса. Но если при постановке и решении проблем идентичности исходить из эмпирического, «фактического» базиса явлений, относящихся к проявлениям конкретной индивидуальной жизнедеятельности, то налицо противоречивость многообразия лич-

ностных качеств (вплоть до несовместимости) — если не у каждого отдельного человека, то у подавляющего их большинства, — наличие глубоких изменений этих качеств в течение жизни, запутанность и непоследовательность индивидуальной биографии и т.п.

Подобная противоречивость — отражение и выражение противоречивости самого жизненного мира человека, его многомерной вовлеченности в жизнь других людей, прохождения на жизненном пути через разные социальные пространства, амбивалентность связанных с ними переживаний. По сути дела, личность как бытие и есть та инстанция, которая умудряется жить этими противоречиями и за счет этих противоречий. Еще Гегель отмечал, что нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие, в состоянии вмещать в себя это противоречие и выдерживать его. В противном случае, если нечто существующее не способно иметь в себе самом противоречие, то оно только по видимости образует живое единство. Личность эти противоречия так или иначе разрешает самой своей жизнью.

Недаром для ряда психологических теорий, тесно связанных с психотерапевтической практикой (Э.Берн, Ф.Перлс, Р.Ассаджоли и др.), первореальностью личностного бытия выступает не целостная и единая личность, а целый ансамбль субличностей (квазисубъектов), выясняющих «отношения» между собой, и единство и целостность выступают не как изначальная *заданность*, а как *задание* «объединения себя», особого рода работы над собой в свете «идеала» единства личности. Первичным здесь оказываются не предметные идентичность и целостность, а процессы *идентификации* и *холизации*, перманентного самособирания себя в единство и целостность. Собственно говоря, по сути дела, речь здесь идет о том, что Гегель (а за ним Л.С.Выготский) называл *овладением самим собой*¹³⁶.

Апелляция к Выготскому имеет вполне определенный смысл в контексте обсуждения связи моделей социальных и внутриличностных конфликтов. Достаточно обратить внимание на один момент культурно-исторической психологической концепции Выготского, относящийся к проблеме генезиса воли и тому, что в конфликтологии называют конфликтом намерений.

Почему именно Выготского? Для этого есть ряд причин и прежде всего та, что в основу своего истолкования процессов психическо-

¹³⁶ «Человек по своему непосредственному существованию в себе самом есть нечто природное, внешнее своему понятию; лишь посредством усовершенствования своего собственного тела и духа, существенно же благодаря тому, что его самосознание постигает себя как свободное, он вступает во владение собой и становится собственностью самого себя и по отношению к другим» (Гегель 1990, с. 113).

го развития он положил механизм интериоризации — превращения intersубъективных (социальных) отношений в интрасубъективные, или, другими словами, механизм социогенеза высших психических функций. А ведь Фрейд, как мы старались показать, и сам вполне осознанно использовал принцип интериоризации в своей теоретической работе.

Как известно, для противопоставления натуральных и культурных форм психической активности Выготский использовал идею знакового опосредования и ввел различие стимулов-объектов и искусственных стимулов-средств (знаков). При этом знак (стимул-средство) получил у него характеристику психологического орудия. А «существеннейшее отличие психологического орудия от технического — направленность его действия на психику и поведение, в то время как техническое орудие, будучи тоже выдвинуто как средний член между деятельностью человека и внешним объектом, направлено на то, чтобы вызвать те или иные изменения в самом объекте» (Выготский 1983, с. 78).

На широком историко-культурном материале Выготский описывает генезис культурных форм поведения, демонстрируя общий корень происхождения высших психических функций. В частности, описывая происхождения воли, он отправляется от некоей «единицы», с одной стороны, представляющей исходную, элементарную форму волевого акта, а с другой — сохранившуюся рудиментарную форму такого акта. Другими словами, он ищет и находит такой культурный прототип (парадигму) поведения, который совмещал бы в себе наглядность примера с общеобязательностью абстрактной схемы. Для этого он использует идеальную конфликтную ситуацию «Буриданова осла», когда существуют два равнопобудительных стимула и нет никаких оснований предпочесть один из них другому. В этой ситуации гипотетический осел должен умереть от голода, не в силах совершить выбор, потому что не он владеет своим поведением, а поведение — им.

Как же идеальный человек выходит из такой идеальной ситуации и принимает решение, не имея никаких оснований предпочесть одно намерение другому? По Выготскому, человек овладевает своим поведением (т.е. разрешает конфликт намерений), вводя опосредующий поведение культурный стимул-средство, позволяющий заменить принятие решения неким искусственным процессом, переводящим равновесную ситуацию в неравновесную. В качестве такого средства он приводит известный прием принятия решения подбрасыванием монеты, когда одно решение чисто условно сочетается с выпадением «орла», другое — «решки».

Таким образом, механизм преодоления внутренних конфликтов, по Выготскому, может быть представлен следующим образом¹³⁷. Так как внутри самой сложившейся конфликтной ситуации она «естественным» образом не может быть разрешена, то необходимо ее дополнить культурным механизмом, позволяющим ввести в исходную ситуацию принцип определения приоритета между несовместимыми интенциями. Здесь происходит достраивание конфликтной ситуации, непосредственно не разрешимой, до новой, в которой с необходимостью происходит выбор одного из решений, т.е. неопределенная ситуация доопределяется. Причем «легитимность» обеспечивается внеситуативностью самого механизма *доопределения*, поскольку он никак не связан с содержанием исходного противоречия и является культурным образцом выхода из подобной ситуации. «Согласие» же сторон обеспечивается здесь самой случайностью выбора, не дающей никакого преимущества другой стороне (т.е. сохраняющей исходное равновесие конфликтующих сторон) и делающей его решение «справедливым».

Если рассмотреть этот способ разрешения внутренних конфликтов через призму введенной типологии, то можно заметить, что он разрешает их, превращая конфликтные отношения между стремлениями в квазиконкурентные.

Психоаналитическая традиция не даром связывает возникновение внутренних конфликтов с детским возрастом. Ведь это тот возраст, в котором интенсивно происходит социализация, и «овладение собой» у ребенка только формируется и иногда не очень удачно. Неустойчивость эмоциональных состояний и неумение с ними справляться, наличие противоположно направленных аффективных реакций – характерная черта детского возраста. А овладение собой представляет по преимуществу усвоение продуктов накопленного людьми родового, социального опыта, и, как отмечает Л.И.Божович, «если процесс социализации происходит стихийно, неуправляемо, то нет никакой гарантии, что он будет направлен на усвоение лучших, а не худших образцов» (Божович 1997, с. 181)). Разрешение возникающих на этой почве внутренних конфликтов и происходит за счет интериоризации опыта разрешения их во взаимоотношении с другими людьми, прежде всего взрослыми. Значит, есть основания для представления структуры и динамики внутренних конфликтов по образу и по-

¹³⁷ Л.С.Выготского непосредственно интересовал генезис волевого поведения, и конфликтную ситуацию он использовал в целях обнажения сути такого поведения. Усматривая здесь концептуальное содержание, относящееся к конфликту как таковому, мы выходим за пределы его собственной мысли, но остаемся, на наш взгляд, верны духу его идей.

добию внешних, социальных, поскольку между ними может быть установлена прямая генетическая связь.

5.3. Межэтнический конфликт и осявая реальность

В современный политологический бум, особенно отечественный, немалый вклад вносят два относительно новых предметных тематизма с обслуживающими их концептами — «этничности» и «конфликта»¹³⁸. Интерес к ним непосредственно связан, с одной стороны, с глобальными геополитическими изменениями на карте мира и социально-политическими изменениями на карте страны, а с другой — с оформлением под влиянием западной политико-политологической мысли самой отечественной политологии.

Их симбиотическое единство — «межэтнический конфликт» — пожалуй, одна из центральных тем, объединяющая полосы ежедневных газет с академическими изданиями разного толка. Такое единство, наряду с демонстрацией явной социальной значимости и востребованности, невольно заставляет задуматься и о той легкости, с какой представление об «межэтническом конфликте» оказывается приложимым к самым разным микро- и макро-событиям и явлениям современной социально-политической жизни.

В качестве зачина во многих работах на эту тему можно встретить рассуждения, основной смысл которых — мол, что такое конфликт — это достаточно очевидно, и хотя происхождение и природа этничности и вызывают споры, но ее значимость как организующего начала политической жизни и эмоционально-мобилизующая сила вне сомнения, и можно прямо обращаться к тем социально-политическим событиям, которые также, очевидно, суть «межэтнические конфликты».

А между тем эти посылки вызывают по меньшей мере сомнения. Ни этнология, ни конфликтология не придали соответствующим концептам такую степень теоретической определенности, которая бы позволила развернуть на подобной основе инструментальные гуманитарные технологии, необходимые и достаточные для эффективной социально-политической практики.

В этом легко убедиться, обратившись к тем рекомендациям, которые следуют из анализа межэтнических конфликтов разного рода, — в них трудно обнаружить что-либо кроме здравого смысла. Конечно, здравый смысл — это, как правило, именно то, чего не хватает зачастую самим участникам конфликта, но от самой гуманитарной технологии, как минимум, требуется ответ на вопрос: как этот здра-

¹³⁸ А, скажем, в такой политологической работе Реймона Арона 50-х гг., как «Демократия и тоталитаризм», они практически отсутствуют.

вый смысл обнаружить и/или привить участникам самого конфликта? А для этого фундирующие их понятия этничности и конфликта должны быть гомоморфны подобной технологии, так или иначе связаны с ней.

В какой мере это требование учитывается или выполняется в современных представлениях об этничности, конфликте и межэтническом конфликте?

Особую трудность для конфликтологии, при любом истолковании сути ее предмета, представляют те явления, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают *фундаментальные* духовные значения, не подлежащие релятивизации. Именно такие представления оказываются, как правило, ведущими в ядерных структурах межэтнических конфликтов, которые в глазах всего цивилизованного мира стали наиболее характерным выражением и проявлением глобального *фундаментализма*.

В основе современной фундаментализации этнического начала нетрудно обнаружить такой способ идеализации, который связан с его интерпретацией в качестве социокультурного «проекта» человеческого общества, с помощью которого пытаются зафиксировать тот общественный *идеал*, который был бы способен направлять и регулировать современные социальные процессы (*Рокитянский 1995, Пископель 2000*)¹³⁹. А где есть идеал, есть и особая идеализация действительности. Какова же эта этническая реальность «сама по себе»?

Как известно, в ответах на вопрос «что такое этнос?» так или иначе находит свое отражение широкий спектр точек зрения – от сугубо примордиалистских до чисто конструктивистских, со всевозможными оттенками и переходами от одного конца подобного спектра к другому.

В предельно упрощенном и обобщенном виде суть противопоставления примордиализма и конструктивизма в том, что для примордиализма характерно априорное полагание *этнического* (этноса, этничности) в качестве *объективного, самостоятельного начала* (субстанции) «природы вообще» (естественнонаучный примордиализм) или «социальной природы» (социокультурный примордиализм), а для конструктивизма – в качестве *социально-политической идеи* (идеала) организации общественной жизни.

Соответственно динамика этнического для примордиализма связана с переходом от стихийного функционирования этого начала в качестве объективного фактора (причины), влияющего на все из-

¹³⁹ Чисто примордиалистский вариант, в котором этничность выступает на правах роковой судьбы, уготованной («Природой» ли, «Богом» ли) человечеству, представляется нам менее интересным.

мерения социальной жизни, через его *субъективацию* (осознание) к инструментальному использованию определенными субъектами (политическими элитами) общественной жизни. А для конструктивизма — с противоположно направленным движением от чистой идеи, выражающей сознательный, конструктивный замысел определенных субъектов (политических элит) общественной жизни, к ее *объективации* в качестве социально-политически организованных ее субъектов через механизмы формирования их этнического (мифологического или идеологического) сознания и самосознания.

Легко видеть, что результат подобного переходного процесса, по крайней мере в его формально-теоретическом выражении, в конечном итоге один и тот же — становление некоей — этнической — общности с ее атрибутами в качестве субъект-объектной реальности. Поэтому исходное различие примордиализма и конструктивизма изначально связано с тем *значением*, которое каждый из этих подходов придает *генезису* этнической общности, и лишь во вторую очередь с тем *результатом*, который этим генезисом обусловлен. Ибо с их общей точки зрения характер результата целиком и полностью определен характером его генезиса: в первом случае этнической общности придается статус «подлинной» природно-социальной реальности, а во втором — общности только номинальной («воображенной» или «воображаемой») и в этом смысле «не подлинной». Поэтому *безусловный* характер этнического (ценность, приращенность, инвариантность) в первом подходе всячески противопоставляется *условному* ее характеру (утилитарность, производность, релятивность) во втором.

В то же время представители обоих подходов согласны с тем, что «по факту» подобные противоположные проявления эмпирически присущи этническим феноменам и разница между ними на этом уровне лишь в том, какие из проявлений признаются первичными и характерными, а какие — вторичными и производными. Отсюда бесконечные оговорки о всякого рода исключениях и противоположных проявлениях, которые суть «редки» или «поверхностны», в противоположность тому, что имеет место «как правило» или в «глубине», или апелляция к тому, что этнические феномены сложны, запутанны и противоречивы, а то и просто иррациональны ¹⁴⁰.

¹⁴⁰ «Этничность, вне всякого сомнения, имеет иррациональную природу, наука же, оперирующая сугубо рациональными методами познания (чем она отличается, например, от религии или искусства), ограничена в возможностях исследования иррационального... то явление, которое обозначается термином “этничность”, едва ли можно, по крайней мере на современном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции» (Чешко 1994, с. 40).

Такая внутренняя согласованность при явной внешней противоположности отнюдь не случайна. По сути дела, эти теоретические точки зрения оказываются взаимодополнительными (в смысле «принципа дополнительности» Н. Бора). Эта взаимодополнительность сказывается во многом и, в частности, в том, что примордиалисты сосредотачивают свое внимание на процессах *генезиса* этнических общностей, а конструктивисты – ее социального *функционирования*. В результате неадекватными или дефицентными оказываются, зачастую описания и объяснения – в первом случае современных социально-политических процессов, а во втором – процессов их исторического становления и существования. То есть у каждого из подходов оказывается и свой собственный эмпирический базис, а его ограничение может оправдываться, например, методологически – исключением из концептуального арсенала каузально-генетических гипотез (П. Бергер и Т. Лукман) или предметно-теоретически – за счет отрицания исторической перспективы у этнических феноменов, их сугубой современности (А. Хансон, Д. Вэйл, А. Коэн).

Эта взаимодополнительность не осталась незамеченной. Более того, есть основания полагать, что «подавляющее большинство современных специалистов в области этнополитики отвергают крайности обоих подходов, полагая, что истина находится в той или иной “точке” между ними» (*Нарочницкая* 2000, с. 20). С ее осознанием, в разной степени и разной форме, связаны попытки синтеза обоих подходов (П. Брасс, Д. Горовиц, Э. Смит, М. Фриман, Э. Спайсер и Дж. Скотт, Дж. МакКей, И. Ю. Заринов и т.д.). Не разделяя с этими попытками их конкретные теоретико-методологические средства интеграции, мы вполне принимаем саму установку на объединение примордиалистского и конструктивного подходов, ибо для нас в равной мере неприемлемы обе крайности, хотя в феноменологическом плане каждая из них выражает и абсолютизирует вполне реальные особенности этнических феноменов.

Для того чтобы подобная интеграция стала возможной, необходимо пересмотреть и снять то общее представление, которое выступает в качестве логического основания для дихотомии, с противоположными членами которой солидаризируются и ассоциируются представители полярных подходов. Это вольно или невольно разделяемое обоими подходами основание состоит в том, что социально общезначимо лишь то, что складывается как бы «само по себе», стихийно (естественно), в отличие от того, что появляется в результате целенаправленного формирования (искусственно). В этом случае противопоставление «объективное – субъективное» отождествляется

с логически близким, но отнюдь не тождественным противопоставлением «естественное — искусственное»¹⁴¹.

Для нас «естественное» и «искусственное» сами в первую очередь представляют собой определенные подходы и отношения к чему либо и лишь во вторую — порождаемую этими подходами «предметность»¹⁴². И только затем уже, на собственно предметном уровне, естественное (как опредмеченное) выступает «само по себе», вне зависимости от человеческой деятельности, и описывается как закономерное, определяемое имманентными и внеположными деятельности законами, в отличие от искусственного (как опредмеченного) — того, что порождается мышлением и деятельностью для достижения целей и в соответствии с определенными нормами, т.е. как нечто имманентное самой деятельности.

Первый подход, Е-подход, оправдавший себя в естествознании, явно недостаточен применительно к общественным системам. Второй подход, И-подход, в чистом виде может быть оправдан в технике (да и то не всегда), но применительно к общественным системам он явно преувеличивает наши возможности воздействия на социальную реальность. Более реалистичным здесь оказывается третий подход, И/Е-подход, в котором каждый из составляющих его подходов представлен опосредованно: естественное — как «оестественное», а искусственное — как «артифицированное». Другими словами, с точки зрения И/Е-подхода в социальной реальности ничто «само по себе» раз и навсегда не является ни естественным, ни искусственным, но только оестественным и артифицированным, и динамика любой социальной предметности (социальная динамика) суть динамика софункционирования процессов оестествления и артифицирования.

С точки зрения И/Е-подхода этносы и этническое вполне реальны, но это — исторические образования, а значит, образования скорее функционального, нежели субстанционального толка. Поэтому для нас в равной мере являются иллюзорными примордиалистские поиски особой «этнической» субстанции (этничности), наряду с социальной «субстанцией», как некоей исходной сущности всегда равной самой себе, и попытки теоретически или эмпирически выявить тот набор начал (признаков), который способен конституировать этносы, в отличие от всех остальных социальных общностей. Но если существование такой реальности не является манифестацией некоей «субстанции», маркированной в качестве этнической и при-

¹⁴¹ Отсюда известное противопоставление примордиализма как отстаивающего существование «объективной» этничности конструктивизму как направлению отрицающему ее «объективное» существование.

¹⁴² Это — одно из априорных оснований собственно СМД-подхода.

нимающей те или иные конкретные «формы», и не конституируется определенным составом компонентов (свойств-признаков), то с точки зрения системной парадигмы остается апеллировать лишь к *системной целостности*¹⁴³.

Признание за этносом исторической формы существования предполагает, что этнос как целостность определен относительно процесса его истории. А это означает, что изначально этнос является «сообществом» так или иначе ставшим «обществом», т.е. *относительно независимым и самодостаточным общественным целым, способным самовоспроизводиться в качестве исторической реальности, и тем самым обрести свою историю* (Пископнель 2000)¹⁴⁴. Ясно, что при такой концептуализации этноса на состав его компонентов (признаков) налагается единственное ограничение — их софункционирование должно обеспечивать его воспроизводство в качестве исторической общности. А это предполагает лишь полноту и совместимость тех определенностей социальной целостности (что не исключает и противоречий между ними), которые необходимы и достаточны для его самовоспроизводства — исторического бытия. Совершенно ясно, что для обеспечения процессов воспроизводства такого целого на разных этапах исторического развития и применительно к разным историческим условиям состав этих свойств-признаков не только может, но и должен быть различным, весьма вариативным, становясь этнообразующим лишь пройдя «испытание историей», которая у каждого этноса оказывается своей.

Между интегративными субъектами такого целого — в ряду от первобытно-родовой общины до современного народа, — сложившимися в разные исторические эпохи, с точки зрения состава определяющих их свойств-признаков может быть мало общего. А это значит, что в конечном счете не существует раз и навсегда заданных определенностей, конституирующих этносы и определяющих этничность его представителей, а в роли этнообразующих факторов в разных исторических контекстах и на разных этапах исторического развития общества способны выступать (выступали) и самые различные социо-гео-культурные начала и отношения: расово-антропологические, языковые, культурные, религиозные, историко-генетические, потестарные, территориальные и т.п.

¹⁴³ Именно с этим связана, на наш взгляд, та легкость, с которой любые изменения в составе этой целостности (социокультурные, территориальные, экономические и т.п.) трактуются в качестве ущемляющих интересы этнических общностей, т.е. как проявление межэтнических отношений.

¹⁴⁴ Речь здесь, конечно, идет об этносе как идеальном объекте.

Если «общество» есть определенность воспроизводства для этноса как социальной целостности, то «образ жизни» есть та же определенность воспроизводства для этноса как интегративного субъекта такой целостности (и, следовательно, его частных субъектов, вплоть до отдельного индивида). В свою очередь по отношению к «образу жизни» как процессуальной структуре системной целостности сам интегративный субъект выступает в роли ее «организованности»¹⁴⁵. Именно эту «организованность» определенным «образом жизни» на уровне отдельного члена этнической общности и имеют в виду под его *этничностью*.

Вполне очевидно, что для становления так понимаемых этносов подобное «парциальное общество» в общем случае должно исторически соразмерное время быть изолированным (в том числе географически) от других парциальных обществ-этносов в своем коренном местопребитании. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в новой истории подобное условие заведомо не выполняется и чистый этногенез практически невозможен. В современных условиях речь может идти лишь о «параэтносах» и «параэтничности».

Для так понимаемых этносов нет раз и навсегда объективно наложенных ограничений на зарождение, слияние, поглощение, деление и т.п., и каждый раз это могло происходить и, очевидно, происходило по-разному (на разных основаниях), в зависимости от хода региональной или всемирной истории¹⁴⁶. Следы всех этих диахронных процессов в виде порождаемых ими *организованностей* присутствуют в архитектонике синхронного образа жизни, и за счет этого любой этнос, однажды сложившись в качестве субъекта исторической жизни, приобретает определенную социальную «массу» и свойственную ей инерцию сохранения, независимо от его последующей исторической судьбы как общества. Но уже, конечно, — в виде «параэтноса», сохраняющего генетическую связь с родовым этносом-

¹⁴⁵ В парадигме системно-структурного подхода «организованность» — это «след» процесса, претерпеваемого или осуществляемого системой, «отпечаток» структуры этого процесса в «материале». Организованность, порожденная одним процессом, может выступать в качестве материала, с которым приходится «иметь дело» другим процессам. Отсюда организованностью называется также объект, выступающий по отношению к другим объектам как самодостаточный и самостоятельный, предметная форма которого сохраняет следы его генезиса (относительно которого он и является организованностью).

¹⁴⁶ Хотя подобные ограничения в форме запрещения «межэтнических» или «межконфессиональных» браков были (и продолжают быть) свойственны многим регулятивным социокультурным системам.

обществом, хотя эта связь *объективно* может становиться все более и более условной ¹⁴⁷, тем более, что в ряду сменяющих друг друга «этнических матрешек» последующий самообраз стремится преобразовать, заместить и тем самым вытеснить (архетипизировать) собой предыдущий ¹⁴⁸.

Этот процесс осуществляется за счет работы особых механизмов этноидентификации на всех социально-иерархических уровнях — от социумального до индивидуально-личностного ¹⁴⁹.

Как и всякий эмоционально-действенный социально-гуманитарный ресурс, этничность вызывает к жизни и политику, направленную на овладение и управление этим ресурсом, на придание ему свойственной тому или иному типу этнического сознания (представления и чувства) формы выражения (национально-этническую политику). С сознательным управлением этим ресурсом

¹⁴⁷ Эти процессы достаточно отчетливо запечатлены в «языковых организациях» — традиционных объектах сравнительно-исторического языкознания, этимологии и т.п. лингвистических дисциплин.

¹⁴⁸ Ведь и утверждение новой веры, как правило, начинается с перестройки старого культового сооружения на новый лад: на месте языческого капища ставят христианскую церковь, Храм Святой Софии перестраивают в мечеть Айя-София.

¹⁴⁹ На уровне интегративного субъекта подобное становится возможным, во-первых, именно вследствие его функциональности — благодаря тому, что в роли символа параэтнического единства способна выступить любая определенность, первоначально свойственная родовому этносу-обществу, если она является дифференцирующим признаком в отношении окружающих этносов (параэтносов), а во вторых, за счет осознания исторической (реальной или мифологической для этнического телоса) и генетической (также реальной или мифологической) преемственности (т.е. при этнически окрашенном общественном сознании).

...Формирование параэтнической идентичности составляет неотъемлемую сторону становления самообраза современного человека, в процессе становления которого его компоненты обретают полноту «психических комплексов» и складывается полнообъемная структура человеческого *проживания*, *смысловое единство поведения и переживания*... Этот самообраз складывается изначально бессознательно, путем усвоения определенного культурно-антропологического прототипа и становится способом организации, поляризации и канализации эмоционально-энергетических ресурсов становящейся личности. Психологической подосновой для подобного *культурно-этнического импринтинга* становится механизм «катексиса», связывающий и закрепляющий положительные аффективные переживания со «своими», а отрицательные с «другими» в процессе освоения и присвоения транслируемого родовой общностью (в основном семьей) *образа жизни*, разделяемого с тем или иным объемом сообществом, с его параэтнической историей (*Пископтель* 2000).

связана конструктивистская трактовка этничности и этносов как эпифеноменов и результатов реификации политико-идеологических фикций. И они являлись бы такими фикциями, если бы этничность была бы не *естественно-искусственным*, а чисто *искусственным* феноменом. У нее же есть вполне естественная (оестественная) компонента, вырастающая из «своего» образа жизни, отличающегося от образа жизни других параэтнических сообществ и имеющего другой исторический генезис. При всей относительной свободе политического *конструктивизма* его эффективность во многом ограничена тем, что вольно или невольно он вынужден быть или выдавать себя за *реконструктивизм*, ибо «члены социума способны конструировать лишь уже исторически сложившиеся, но в силу различных причин потерянные культурные характеристики и стандарты» (Заринов 2000, с. 13).

Параэтносы и параэтничность оказываются сложными естественно-искусственными историческими образованиями, представляющими собой воспроизводящиеся социокультурные полисистемы (организованности), охваченные устойчивыми (взаимодополнительными) Е\И-связями ¹⁵⁰.

Если подобные представления о содержании концептов «конфликт» и «этнос» рассматривать в качестве рамочных, то какие формы социального противодействия осмысленно интерпретировать в качестве собственно межэтнических конфликтов?

В рамках ОД-модели конфликта, очевидно, только деструктивные, не имеющие общей регулятивной, парадигматической основы ¹⁵¹. Но установить, является ли та или иная форма противодействия конфликтной с точки зрения такой модели, сравнительно просто, а вот ответить на вопрос, идет ли речь о собственно межэтническом противодействии, несравненно сложнее. Здесь явно недостаточно только того обстоятельства, что сторонами противодействия выступают представители разных этнических общностей, даже если в качестве интегративного субъекта противодействия выступает большая

¹⁵⁰ В этом своем качестве они мало чем отличаются от всех других социокультурных феноменов, феноменов естественно-искусственных, способных в процессах «оестествления» и «артификации» отливаться в самые разные конкретные формы.

¹⁵¹ Совершенно очевидно, что футбольный матч между национальными сборными – вполне конструктивное конкурентное противодействие – никому не придет в голову рассматривать в качестве межэтнического конфликта. А вот то, что иногда, к сожалению, происходит на трибунах этого матча и за пределами стадиона между футбольными «фанатами», явно может претендовать на статус локального межэтнического конфликта.

часть этнической общности или даже она как таковая¹⁵². Необходимо, чтобы это противодействие выступало бы как способ утверждения «межэтнических отношений», т.е. отношений возникающих на основе и по поводу «этнического», и в них должны отстаиваться не какие-нибудь, а именно «этнические интересы»¹⁵³.

Хотя ответ на подобный вопрос – в чем конкретно эти интересы состоят? – очевидным образом зависит от понимания природы и сущности этнического, но основополагающие интересы субъектов как витально организованных целостностей выражены в присущем им «инстинкте самосохранения»¹⁵⁴. И поэтому основное объективное содержание межэтнического противодействия – это борьба за свое сохранение, т.е. *идентичность*, причем такая, в которой другая сторона противоборства целенаправленно и/или «по факту» ставит историческое бытие параэтнической общности под вопрос.

Одним из конкретизирующих ответов на этот вопрос является, например, типология этнических интересов (прав-требований), положенная в основу типологии этнических конфликтов Джоном Коклеем. Он предложил выделить требования *гражданского равноправия, прав на культуру, политических прав, прав на сецессию* (Coakley 1993).

Отмечаемый всеми исследователями межэтнических отношений взрыв политической активности меньшинств в 60-70-х годов XX столетия, в орбиту которого попали практически все западные страны, лишь завершил, ставшую практически повсеместной с конца XIX – начала XX вв. политизацию самосознания исторически сложившихся меньшинств. С ней связаны образование этнических партий, разработка собственных национально-политических доктрин, усиление автономистских и сепаратистских тенденций в современных нацио-

¹⁵² Любая война является типичным конфликтом, но даже в этом, предельном, случае отнюдь не всегда речь идет о межэтническом противоборстве. Скажем, Первая и Вторая мировые войны не были межэтническими, хотя некоторые их эпизоды и можно рассмотреть в качестве таковых.

¹⁵³ Как известно, этнологический конструктивизм именно на этом основании отвергает субстанциональное истолкование этнического, указывая, что с помощью «этнической мобилизации» те или иные политические элиты преследуют лишь свои политико-экономические интересы, с тем или иным успехом выдавая их за «этнические».

¹⁵⁴ Причем речь идет не только об академических штудиях, но и о реальной социально-политической практике, ибо именно защита подобных интересов, протест против их ущемления выступают в качестве основания и политического повода «этнической мобилизации» – точно так же, как наличие и осознание этих интересов мобилизационным резервом определяют действенность подобных призывов.

нальных государствах и т.п.¹⁵⁵. Практически, с этого же времени ведут свой отсчет и исследователи межэтнических конфликтов, поскольку этнополитическая активность часто приводила и приводит к конфронтации и насилию¹⁵⁶.

Именно это обстоятельство так или иначе отражается в операционально-эмпирических дефинициях этнического конфликта. «Этнический конфликт – это динамично меняющаяся социально-политическая ситуация, порожденная неприятием ранее сложившегося “статус-кво” существенной частью представителей одной (нескольких) из местных этнических групп и проявляющаяся в виде хотя бы одного из таких действий членов данной группы, как: (а) начавшаяся этно-избирательная эмиграция из региона, определяемая общественным мнением данной группы как “исход”, “массовое переселение” и т.п., существенно изменяющие местный этно-демографический баланс в пользу “других” остающихся этнических групп, (б) создание политической организации (“национального” или “культурного” движения, партии), декларирующей необходимость изменения данного положения в интересах указанной этнической группы (групп) и тем самым провоцирующей ответное противодействие органов государственной власти и/или политическую мобилизацию другой (других) местной этнической группы в защиту существующего “статус-кво”, вполне удовлетворяющего последних; (в) спонтанные (не подготовленные легально действующими организациями) акции протеста против ущемления своих интересов со стороны представителей другой (других) местной этнической группы и/или органов государственной власти в виде массовых митингов, шествий, погромов» (Ямсков 1997, с. 206).

¹⁵⁵ Существует точка зрения, что эта социально-политическая практика продемонстрировала, что «многие традиционные аксиомы либеральной западной мысли в сфере национальной проблематики оказались серьезно поколеблены. Кризис политики ассимиляции сделал очевидными уязвимые места гражданской модели государства-нации и той философии, из которой она выросла» (*Нарочницкая* 2000, с. 19). Хотя более уместна прямо противоположная оценка: эта практика оказалась чрезвычайно эффективной. Именно поэтому последовала столь острая реакция, взрыв этнополитической активности.

¹⁵⁶ «В период 1945–1990 гг. около 100 этнических групп участвовали в вооруженных конфликтах, и большинство продолжающихся ныне войн имеют в той или иной степени этнический характер... По некоторым оценкам, 70% из более чем 20 млн. погибших после 1945 г. в различных войнах и восстаниях стали жертвами насилия на этнической почве... Не менее 70 государств столкнулись с проблемой этнических движений» (*Нарочницкая* 2000, с. 4).

С появлением этнических партий и движений именно они стали претендовать на определение (идеологически и социально-практически) того, в чем состоят интересы тех или иных параэтнических общностей, и интерпретировать те или иные события в жизни современного общества как межэтнические противоречия и противоборства. При этом, будучи не в силах удовлетворить свои интересы в конкурентной форме противодействия, часто они стараются его перевести в конфликтную форму, нередко успешно выдавая те или иные корпоративные интересы параэтнических элит за этнические интересы как таковые и используя механизм «этнической мобилизации» в качестве средства решения своих узкоклановых проблем¹⁵⁷. Распространена точка зрения, что «реальные условия жизнедеятельности, в которых существуют этносы, не приводят к конфликту культур. Стимулом, побуждающим к конфликту, является желание обладать природно-территориальными ресурсами соседа. Религиозная или этническая оболочка конфликта появляется в силу действия на национальную элиту социокультурных ограничителей — представлений большинства членов группы о непримиримости культурных доминант различных народов. Именно это, в конечном счете, более привлекательно для чувственного восприятия масс, чем реальные причины конфликта, которые часто скрываются культурной элитой» (Уразметов 2010, с. 313).

Объективная динамика развития современных общественных организмов такова, что ей неизбежно сопутствуют глубокие изменения в «образе жизни» всех параэтнических общностей. Вполне понятное желание поставить эти изменения под контроль только тогда обретет адекватную и эффективную форму, когда удастся отделить необходимые и неизбежные изменения от тех, которые инспирированы стремлением удовлетворить интересы одних параэтнических общностей и групп за счет других. В противном случае нет и не будет никакой возможности ограничить полный произвол в деле такой мифологизации межэтнических отношений, в которой любые события общественной жизни интерпретируются как действия «чужого», иноэтнического субъекта либо как просто игнорирующие законные интересы «своей» общности, либо как целенаправленно их ущемляющие к собственной выгоде. Это обстоятельство не без успеха эксплуатирует современный национализм как идеология и определенная социальная практика, пред-

¹⁵⁷ Как известно, социальный анализ этнополитики элитарных групп меньшинств во многом стимулировал становление конструктивистской парадигмы в этнологии.

лагая свой универсальный способ разрешения всех подобных проблем¹⁵⁸.

Именно поэтому выяснение природы и значения «этнического» в социальной жизни, с одной стороны, и «природы» конфликтного противодействия – с другой, являются первой необходимой предпосылкой адекватного ответа современного общества на «этнический вызов».

Как уже не раз отмечалось выше, для ОД-модели конфликта характерна презумпция, что эмпирической почвой конфликтов может быть любая определенность общественной жизни. А понятие конфликта связывается не с предметным содержанием противодействия (т.е. не с тем, по поводу чего оно возникает и разворачивается), а с формой его регуляции. В соответствии с этими представлениями преодоление конфликта оказывается так или иначе связано с преобразованием исходного конфликтного, деструктивного отношения в конструктивное.

Управление межэтническим конфликтом, стремящееся его разрешить, должно быть направлено, точно так же, как и управление любым другим конфликтом, в основном и по преимуществу непосредственно на парадигматический строй взаимодействия и только опосредованно на сами актуальные действия сторон. Такое управление может осуществляться разными конкретными путями и разными способами. Но необходимой предпосылкой для такого управления является сама возможность изменения игровых правил, на которые должны согласиться стороны конфликтного отношения. Другими словами, такое преобразование оказывается возможным только тогда, когда парадигматическая основа взаимодействия признается *релятивной* обеими сторонами конфликта.

Именно эта предпосылка, как уже отмечалось выше, отсутствует там, где речь идет о межэтнических отношениях, так как в этой сфере мы имеем дело с явлениями, где в основе происходящего социального противодействия конфликтующие стороны усматривают **фундаментальные** духовные – тео-этно-национальные – ценности, рассматривающиеся в качестве абсолютных и непреложных. Естественно, что конфликты, стимулируемые или регулируемые значениями такого рода, оказываются и неуправляемыми, и хроническими. **Фундаментальность** становится важнейшей характеристикой

¹⁵⁸ По Э.Геллнеру национализм – прежде всего принцип, требующий совпадения политических и этнических «единиц», а также того, чтобы управляемые и управляющие внутри политической единицы принадлежали к одному этносу (Геллнер 1991).

парадигматики, а ее мера оказывается одновременно и мерой конструктивной релятивности конфликтного взаимодействия.

«Гегель заметил, что трагедия заключается не в конфликте правого и неправого, а в конфликте правого с правым. Такова очень часто природа межэтнических конфликтов. Их участникам собственные мотивы представляются очевидными и совершенно оправданными. Увы, то же чувство переполняет сердца их оппонентов. Никакой компромисс не обойдется без слез; счастье, если он обойдется без крови» (Геллнер 1991, с.19).

Очевидно, для такого рода конфликтов первой задачей *парадигматической релятивизации* может быть сепарирование конфликтного пространства, его разделение на такие подпространства, одним из которых станет *фундаментальное* (сакральное или абсолютное), ортогональное остальным, *релятивным* (профанным или относительным), подпространствам. Причем таким образом, чтобы всемерно сузить сакральное пространство, по возможности вывести его за пределы социального противодействия как такового и тем самым открыть дорогу для взаимной релятивизации парадигматик.

Речь здесь идет, очевидно, о принципиальной возможности и самом принципе дифференциации конфликтного пространства: разделении и выделении в рамках этнического пространства *надэтнической* и *субэтнических* его составляющих. Это означает выделение в нем подпространства относящегося к *осевой реальности* социума, по отношению к которой субэтнические составляющие этнического пространства оказываются в одном и том же отношении. Такое представительство в осевой реальности, выступая в качестве общей части этнического пространства, может фактически опосредовать и упорядочивать отношения между ними ¹⁵⁹.

Эту реальность конституируют в первую очередь те обобщенные и общечеловеческие ценности, которые традиционно относятся к ценностям *культурно-цивилизационным* в их противопоставленности *культурно-почвеническим* ¹⁶⁰ — где основной особенностью почвеннических ценностей (миропонимания и мирочувствия), в их отличии от цивилизационных, является их такое принципиально-синкретическое единство, в котором еще не дифференци-

¹⁵⁹ Это упорядочивание, очевидно, может происходить как за счет *естественного* дрейфа универсальных креативных духовных значений в осевую реальность, так и путем ее *искусственного* устройства (Пископтель 2000).

¹⁶⁰ Очевидно, что в так понимаемой осевой реальности надэтническое подпространство представляет лишь одно из ее измерений, а сама она конституируется всеми измерениями, выступающими в роли осевых по отношению к тем или иным социокультурным субпространствам.

рованы религиозные, правовые, политические, эстетические и т.п. мотивы и представления, нравы и обычаи «образа жизни» того или сообщества ¹⁶¹.

Прекращение, замораживание или выход из конфликта всегда предполагают проведение некоторой *политики* в целях выстраивания новых отношений между противоборствующими сторонами. Важнейшим обстоятельством, определяющим лицо такой политики, является различная рефлексивная выраженность взаимоотношений естественной и искусственной компонент в цивилизационных и почвеннических ценностях. Для субреальностей и выражающих их своеобразие почвеннических ценностей характерно, что если они и подвержены изменениям, то только в процессе имманентной исторической эволюции и плохо приспособлены к артификации и развитию. Практически любая артификация рассматривается здесь как посягание «на святое». И наоборот, *конвенциональность* — базовая ценность осевой реальности, и релятивизация как текущих отношений, так и парадигматической их основы возможны только в этом пространстве. Поэтому, чем большая «часть» социального пространства оказывается ассимилированной осевой реальностью, тем большая часть конфликтных отношений оказывается в принципе разрешимой.

Отсюда вовсе не следует, что необходимо стремиться превратить все социальное пространство в осевое. С одной стороны, это невозможно, а с другой — и нежелательно, поскольку способно привести к прямо противоположному результату в силу витальности субпространств, питаемых почвенническими ценностями. Речь идет о процессе артификации динамического равновесия между культурно-почвенническими и культурно-цивилизационными ценностями ценностного логоса (как условия и результата социально-исторического процесса конвергенции/дивергенции культур и социокультурных общностей), оптимального с точки зрения доступных сдержек и противовесов в данных исторических условиях.

¹⁶¹ Хотя разные компоненты этой целостности имеют разное происхождение и разные источники, сложились в разные исторические эпохи, образовавшийся *генетический синкретизм* освящен и скреплен соответствующей «мифопоэтической реальностью» и транслируется в качестве основы той или иной традиционности, на правах ее живой исторической памяти (см. *Пископель* 2000).

Глава 6

Инструментальный конфликт как форма и средство организации проблемно-ориентированной мыследеятельности

6.1. Конфликт как мыследеятельность

Конфликт на эмпирическом уровне обычно описывается как сложное, многоаспектное социальное явление, которое для своего анализа требует комплексного подхода и объединения знаний и представлений из разных дисциплин, его изучающих (философии, социологии, психологии, этнологии и т.п.). Само по себе это не вызывает сомнений, но в этом случае неизбежно возникает вопрос о гарантиях того, что речь идет об одном и том же явлении, об основании объединения подобных знаний и их трактовки как знаний об одном и том же едином объекте.

Для того чтобы свести воедино особенности конфликтов, о которых шла речь в предыдущих главах, надо озаботиться вопросом о том, какая теоретико-методологическая категория наиболее адекватно может использоваться для характеристики их как сложносоставного системного целого. В контексте настоящей работы это будет категория *мыследеятельности* СМД-подхода.

Категория мыследеятельности играет в его рамках ту же роль, что и категория деятельности в деятельностном подходе: определяет предельную реальность, к которой в конечном счете должны быть теоретически сведены все социокультурные предметы и явления на правах видов и форм ее самопроявления. Она генетически связана с категорией деятельности и является результатом ее методологического развертывания, утверждая непосредственную связь всякого действия и всякой деятельности с подготавливающими и регулирующими их мыслительными и коммуникативно-смысловыми процессами. По отношению к категориям деятельности, мышления и коммуникации эта категория выступает как их конкретизация в качестве процессов и механизмов софункционирования в ткани общественной жизни.

Естественно, что в данном контексте мы используем лишь некоторые самые абстрактные понятия, средства и представления СМД-

подхода, имеющие непосредственное отношение к проблематике конфликтного взаимодействия ¹⁶².

Предметно-идеализованной экспликацией (объективацией) этой категории (объективацией) являются различные схемы мыследеятельности – варианты разворачивания и усложнения ее основной схемы (см. рис. 5).

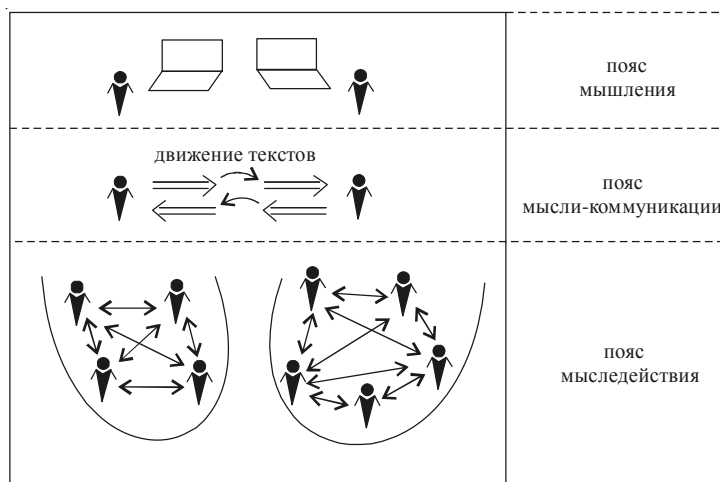


Рис. 5. Основная схема мыследеятельности

«Основная принципиальная схема МД содержит три относительно автономных пояса, расположенных по горизонталям один над другим: 1) пояс социально организованного и культурно закрепляемого *коллективно-группового мыследействия* (обозначается символом **МД**), 2) пояс полифонической и полипарадигматической *мысли-коммуникации*, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (обозначается символом **М-К**), и 3) пояс *чистого мышления*, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, графиках, таблицах, картах, диаграммах и т.п. (обозначается символом **М**).

Центральным в этой трехпоясной системе является пояс М-К, так как именно он соединяет в одно целое правую и левую части схемы, а два других пояса могут рассматриваться как лежащие по разные стороны от оси М-К. Это принципиальный момент в плане определения места и функций М в системе МД и его отношений к поясу МД: каждый из

¹⁶² Подробно с мировоззренческими основаниями и концептуальными средствами и представлениями СМД-подхода можно познакомиться, например, в работах (*Щедровицкий 1995, 2005*).

названных поясов имеет свою специфическую *действительность*, которая может становиться тем местом, куда проецируется содержание других поясов, и, таким образом, основанием для автономизации и обособления каждого из них в *редуцированную систему МД*.

При таком рассмотрении действительность М оказывается вторым пределом, ограничивающим систему МД и лежащим как бы напротив действительности мД, разворачивающейся непосредственно на реально-практическом материале человеческой жизнедеятельности. И это обстоятельство точно соответствует тому, что мы можем фиксировать феноменально: плоскость доски или бумаги, на которой мы зарисовываем схемы, формулы, графики, таблицы и т.п., выражающие идеальное содержание М, противостоит, если рассматривать ее относительно оси М-К, реальному содержанию и миру мД» (*Щедровицкий* 1995, с. 286).

Интегрированность трех действительностей каждого пояса (пространств) в одно системное целое обеспечивают процессы *понимания, интерпретации и рефлексии* — процессы, отображающие соответствующие содержания друг на друга.

Конструктивное развертывание исходной схемы опирается с формальной стороны на принципы ее системно-структурной организации, а с содержательной — определяется характером задач, которые ставятся и решаются с использованием ее в качестве основного теоретико-методологического средства.

Преобразование основной схемы мыследеятельности, позволяющее описывать, анализировать и программировать сложные формы коллективной мыследеятельности конструктивно обеспечивается за счет расщепления каждой из базовых позиций соответствующего пояса мыследеятельности на их спектр в соответствии с выделяемыми частичными процессами. Это позволяет использовать категорию мыследеятельности и подобные схемы для описания и абстрактно-типологических, и социально-институализированных, и конкретно-организационных форм коллективной социальной деятельности.

Специфическим принципом конкретизации таких схем является проекция схем как универсальной знаковой (логико-семиотической) формы на категориальные «плоскости» (слои) *процессов, структур, функций, организованностей и материала* системы. Это — принцип своего рода расслаивания системной целостности в соответствии с категориальными средствами системного подхода и рассмотрения каждого из слоев в соответствии с его особой «природой»¹⁶³.

¹⁶³ Последовательное проведение этого принципа намного усложнило бы задачу представления конфликта как мыследеятельности.

Соединение же таких схем как конструктивных единиц за счет связей кооперации и рефлексивного поглощения позволяет породить новые, более сложные объемлющие целостности.

В рамках интерпретации организационной модели конфликта как особого вида основной схемы мыслительности базовые уровни (пояса) абстрактной мыслительности могут быть конкретизированы как планы: 1) парадигмальный (пояс мышления), 2) переговорный (пояс мысли-коммуникации), 3) противодейственный (пояс мыслей действия).

Для онтологии мыслительности характерно, что каждый из ее уровней, и даже каждый из интегрирующих их процессов (рефлексия, понимание и интерпретация), может быть обособленным и оформленным в виде самостоятельной системы. Так, в частности, может существовать изолированное мышление, являющееся формой вырожденной и редуцированной мыслительности. В этой своей форме, без уровней мысли-коммуникации и мышления, она лишена механизмов целенаправленного изменения, возможностей развития и приобретает механический характер.

Именно таким мД с точки зрения полнообъемной схемы мыслительности является концепт *первичного конфликта*, схематически представленный на рис. 6 (заштрихованность уровней М-К и М символизирует их недоступность для артификации практического мД).

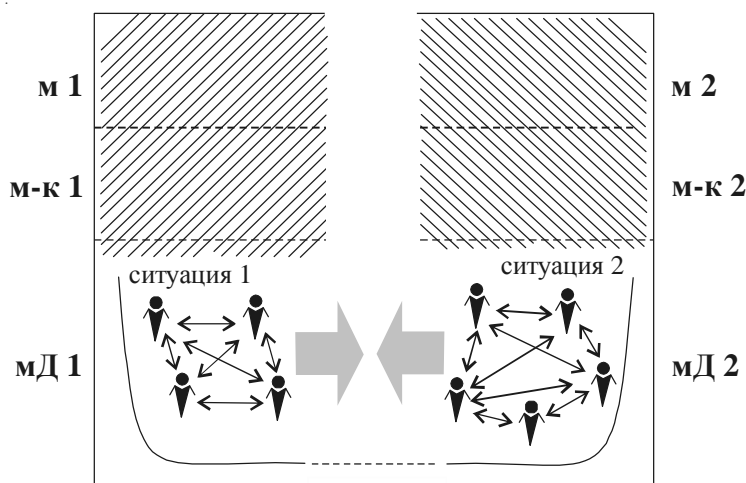


Рис. 6. Первичный конфликт как мД

Здесь *конфликтная ситуация* первичного конфликта – взаимопроникновение двух независимых ситуаций мышледействования, приводящее к деструктивному *противодействию* действующих субъектов. Если такое противодействие происходит только на уровне **МД**, то динамика конфликта и его завершение (разрешение) имеет пассивный и механический характер и зависит только от объема ресурсов ситуаций каждого из его субъектов. В лучшем случае стороны конфликта выйдут из него такими же, какими вступают в него. В общем случае, как уже отмечалось выше, возможны три варианта динамики конфликта на этом уровне:

- истощение ресурсов у одной из сторон, прекращение взаимодействия и возобновление **МД** одной из сторон;
- истощение ресурсов у обеих сторон и прекращение их **МД**;
- в случае непрерывно возобновляющихся ресурсов – «гипостазирование» первичного конфликта на уровне **МД**.

Активное, целенаправленное и осмысленное завершение деструктивного взаимодействия, его превращение во взаимодействие конструктивное на уровне самого мышледействования невозможно (именно в этом смысл различения уровней **МД**). Оно возможно только в рамках полнообъемного **МД**, другими словами, через преодоление редуцированного состояния и развертывание полнообъемной коллективной мышледеятельности (рис. 5) ¹⁶⁴.

Мыследействование в конкретных ситуациях детерминировано разными формами. И прежде всего – со стороны *культурного нормирования, социальной организации, телео-технико-природной детерминации и т.п.* (см. Шедровицкий 1995). Но тип социального взаимодействия, конфликтно оно или нет, определяет лишь культурная нормировка (*парадигматика*). Именно этот тип детерминации социокультурных явлений эквивалентен необходимости, выражаемой понятием научного закона для естественно-природных явлений.

Продуктивное взаимодействие здесь это или *конкуренция* (конструктивное противодействие) или *сотрудничество* (конструктивное содействие), которые предполагают общую для сторон взаимодей-

¹⁶⁴ Следует иметь в виду, что схема **МД** описывает соотношение не физических, а функциональных пространств. Поэтому «нахождение» в том или ином пространстве обеспечивается не предметно, а деятельно, т.е. действиями/операциями в соответствии с функциональной специализацией пространства. Поэтому в любом таком пространстве на материале его содержаний может в свою очередь развертываться вторичная **МД** в той или иной ее форме. Формально-теоретически это обеспечивается за счет отношения вложения схем **МД** друг в друга. Мы здесь ограничимся лишь первым приближением при использовании этой схемы.

ствия парадигматику, регулирующую их согласованное мышледействиевание. Другими словами, изменить конфликтное мышледействиевание, сделать его образующие конгруэнтными – это значит изменить его регуляторы – *парадигматику*.

Парадигматика как тип идеального содержания, духовных значений, принадлежащих действительности мышления (пояс **М**), отчуждаема от мышледействиявания и доступна объективации и преобразованию только в этом пространстве. Здесь она получает свое специфическое предметно-символическое выражение и в качестве идеального объекта может быть против- и сопоставлена практически-му мышледействиованию.

Соединение этих двух действительностей в единое целое, их опосредование, как уже отмечалось выше, обеспечивается за счет процессов мысли-коммуникации. Процессы именно в этом (переговорном) пространстве обеспечивают согласование идеально-мыслительных (парадигматических) содержаний, оно возможно лишь в **М-К** действительности, как и договорная легитимация таких преобразований сторонами первичного конфликта и утверждение их общей парадигматики в качестве руководства для дальнейшего практического мышледействиявания.

Сотрудничество (консенсус) и конкуренция (компромисс) в переговорном процессе – как варианты конструктивной позиции – обеспечивают непосредственную продуктивность переговорного процесса, его осуществление в режиме мышледействиявания. В случае деструктивной позиции в ходе переговоров они не могут быть разрешены в этом режиме.

Для онтологии мышледеятельности характерно полагание не только того, что каждый из ее уровней, и даже интегрирующих их процессов (рефлексии, понимания и интерпретации), может быть обособлен и оформлен в виде самостоятельной системы, но и прямо противоположная возможность – развертывание каждого из уровней в полнообъемную **МД**.

Применительно к переговорному (коммуникативно-мыслительному) пространству это означает, что в тех случаях, когда для разрешения конфликта недостаточным является проведение переговоров только на уровне и в форме непосредственного переговорного **М-К**-мышледействиявания, т.е. когда переговоры заходят в тупик, развертывание полнообъемной **МД**, восхождение в ее рамках на уровни (**М-К**)-**М-К** и (**М-К**)-**М** позволяют преобразовать и нормализовать **М-К**-мышледействиевание.

Последовательное применение принципа свертывания/развертывания структурно-функциональных составляющих **МД** позволяет

теоретически воспроизводить сложные формы конфликтного взаимодействия.

Таким образом, конструктивный процесс разрешения конфликта с мыследеятельной точки зрения может быть принципиально истолкован как развертывание изолированного мД (мыследействований сторон первичного конфликта) в полнобъемную мыследеятельность через прекращение практического мД, прямой *рефлексивный выход* в М-К пространство (пространство переговоров) и через него в М-пространство и обратный *рефлексивный вход* через М-К пространство в мД (рис. 7).

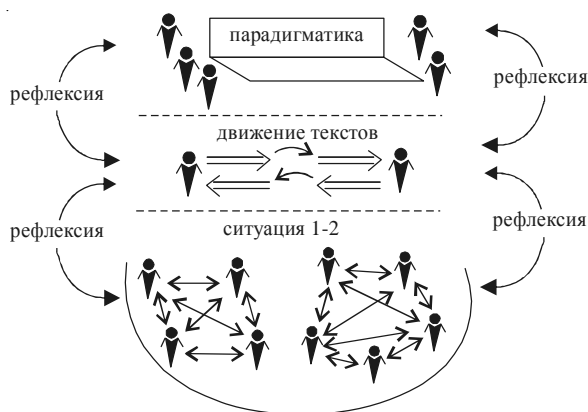


Рис.7. мД-разрешение конфликта

6.2. Инструментальный конфликт

В предыдущих главах, и это специально отмечалось, в качестве исходной теоретической точки зрения на конфликт была выбрана такая, для которой он выступал как квазиестественное социальное явление, складывающееся независимо от намерений и воли сторон и такое, в которое его дальнейшие участники, как правило, неожиданно для самих себя попадают. Такие конфликты именовались «первичными», а искусственная, целенаправленная компонента таких социальных явлений вводилась в теоретическую модель опосредованно — через их развертывание за счет рефлексии уже сложившейся конфликтной ситуации или опыта непосредственного противодействия.

Первичные конфликты опознавались и описывались как некоторые самодостаточные события (объекты) и противопоставлялись

конфликтам, выступающим на правах *средств-методов* воспроизводства (функционирования) или изменения (развития) некоторой объемлющей их мыследеятельности, т.е. *инструментальным конфликтам*, которые не случаются сами собой, а специально организуются в мыслимой, экспериментальной, игровой и т.п. формах ¹⁶⁵.

На конфликтах, выступающих в качестве *средств-методов* разрешения противоречий в рамках разных форм мыследеятельности, сосредотачивает свое внимание «конструктивная психология конфликта» (Конфликт... 1990). Основной тезис конструктивной психологии конфликта состоит в том, что «конфликт — это такая специальная организованность взаимодействия, которая позволяет удерживать единство столкнувшихся действий за счет процесса поиска или создания ресурсов и средств разрешения представленного в столкновении противоречия» (Хасан 2003, с. 27).

Понятие конфликта, которое разрабатывает это направление конфликтологии, при совпадении общеметодологической ориентации все же в нескольких отношениях существенно отличается от используемого в настоящей работе.

Во-первых, генерализованным, расширительным истолкованием конфликта как результата противоречия между самыми разными организованностями субъектов (ценностями, мотивами, установками и т.п.) жизнедеятельности. Во-вторых, сведением всех конфликтов, фактически, к конструктивно организованным (конструируемые конфликты), причем прежде всего путем отождествления конфликта (конфликтования) с тем, что обычно рассматривается как этап выхода или разрешения конфликта и отнесения «оставшейся» части конфликтных явлений к до-конфликтным. Наконец, в третьих, истолкованием конструктивной функции только как позитивной.

На наш взгляд, подобное сужение эмпирического базиса конфликтологической теории неоправданно. В конце второй главы уже отмечалось, что, если последовательно проводить регулятивную точку зрения на конфликтное взаимодействие, то и его деструктивность окажется в точно таком же отношении к управлению конфликтом, как и конструктивность. Конфликт окажется деструк-

¹⁶⁵ Скажем, войны всегда рассматриваются как примеры классических международных конфликтов. Но одно дело — вооруженное столкновение (война), застающее обе стороны или одну из сторон врасплох; другое — подготовленное внезапное нападение одной из сторон на другую на основе заранее разработанных планов, дезинформации и мобилизованных ресурсов; третье — разработка самих планов военного вторжения и обеспечивающих их операций; четвертое — стратегические военные игры и т.п. Все это — «конфликты», но в разных своих ипостасях.

тивным, если управление приводит к дезорганизации взаимодействия, к его дерегуляции.

Самый банальный пример – развязывание конфликтов между отдельными людьми, группами, организациями, странами: от провоцирования скандалов и склок, «выяснения отношений» в семье и до политики, построенной на провокациях и развязывании вооруженного противостояния между странами на международной арене. В подобных случаях конфликт в руках его организаторов оказывается средством изоляции и сковывания активности антагонистов, мешающих манипуляторам реализовывать свои цели, взаимного ослабления противников, «выведения из игры». Как правило, для организатора конфликт оказывается средством самому избежать непосредственного участия в конфликте. Подставляя вместо себя другого субъекта в качестве участника взаимодействия, он устраняет возможность противодействия и продолжает беспрепятственно действовать ¹⁶⁶.

Организация (наряду с руководством, т.е. как организовывание) может рассматриваться как компонента управления в том широком смысле, в котором это понятие употребляется в конфликтологии. Вполне очевидно, что в этом случае осуществляется такое конструктивное преобразование конфликтной ситуации, в рамках которого внутреннее управление (самоуправление) превращается во внешнее. Оно становится таким управлением, целью которого является не «выход» из конфликта, а скорее «вход» в него, не «разрешение противоречия», не превращение его в конструктивное противодействие, а наоборот, стимуляция и консервация в качестве деструктивного противодействия.

Масштабы объемлющей мыследеятельности и социальная практика организации конфликтов на правах средств-методов широки и разнообразны. Собственно говоря, неявно одна из форм такого рода конфликтов уже обсуждалась выше – там, где речь шла о конфликтных личностях. Конфликтное взаимодействие интерпретировалось как средство снижения (в случае неконфликтной личности) или повышения (в случае конфликтной личности) социально-личностного статуса за счет пренебрежения предметным содержанием взаимодействия.

Следует при этом иметь в виду ограничение, обусловленное тем, что понятия конструктивности/деструктивности соотносительны границам системного целого той мыследеятельности, в рамках кото-

¹⁶⁶ «Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров» – девятая стратагема в кодексе военных хитростей древнего Китая.

рой они обретают свою модальность. Например, одни и те же действия по отношению к объемлемому и объемлющему целому могут оказаться противоположными по смыслу. Скажем, внедрение своих «агентов» правоохранительными, разведывательными и т.п. государственными органами для разложения преступных сообществ и организаций противника изнутри путем *развязывания конфликтов* между его членами – обычная практика. Будучи деструктивными для них самих, чреватые их ослаблением или уничтожением, для объемлющего целого они выполняют вполне даже конструктивную функцию.

Конфликты всегда нарушают привычный ход событий, поскольку возникающее противодействие не дает возможности субъектам действовать привычным образом и тем самым неизбежно приводит к тем или иным изменениям и самим субъектов, и характера их действований. Таким образом, конструктивный смысл и значение конфликтов проявляется прежде всего в контексте социальных изменений.

Выше уже воспроизводилась типология, противопоставляющая четыре культурно-исторических типа социальных изменений: естественную *эволюцию*, искусственное *развертывание*, естественное-искусственное *развитие* и искусственно-естественное *становление*. Линия спонтанного преодоления социальной рутины и обнажения тех или иных противоречий проходит через первичные конфликты при эволюционных изменениях. Искусственное развертывание подразумевает целенаправленное порождение инноваций в рамках логики выведения. Поэтому инструментальное использование конфликтной организации осмыслено лишь в контексте развития и становления.

Применительно к такому контексту развивает свои представления конструктивная психология конфликта, сосредотачивая свое внимание прежде всего на игровой, образовательной и организационной практиках, рассматривая их как изначально ориентированные на индивидуальное и групповое развитие. В известной степени их объединяет то, что и в образовательной, и в организационной практиках всегда наличествуют игровые моменты. Можно утверждать, что именно с ассимиляцией игровых технологий и связан инновационный потенциал этих практик. Поэтому наибольший интерес для выявления инструментального характера конфликтов представляет анализ игрового поведения.

Спектр игрового поведения широк и разнообразен. Да это и не удивительно: ведь, согласно Й.Хейзинге, игра лежит в основе всей человеческой культуры и сопровождает всю историю социоантропо-

генеза¹⁶⁷. Но связь игровой и конфликтологической проблематик наиболее тесна там, где конфликт не просто проявляется, а последовательно используется в качестве неперенного и специализированного средства. Среди таких игр выделяются организационно-деятельностные игры (ОДИ), сверхзадачей которых является как раз развитие индивидуальных и коллективных форм мыследеятельности (*Щедровицкий* 2004, 2005).

Сама разработка ОДИ как синтеза интеллектуально-методологических и деловых игр изначально преследовала цель создания практики (практических механизмов) непрерывного развития человека, формирования его способностей к инновациям. «Игра нужна для того, чтобы перевести людей из режима функционирования, к которому они привыкли и в котором они живут, в режим развития; игра нужна для того, чтобы организовать новую ось жизни — ось развития — и обеспечить ее» (*Щедровицкий* 2005, с. 54). Вне контекста развития, которое связывается с постановкой *проблем*, в отличие от постановки и решения *задач* в контексте функционирования, игры этого типа оказываются избыточными. Они рассматриваются как средства выхода из тупиковых ситуаций, порождаемых современной научно-технической революцией с ее узкой профессиональной специализацией, различием профессиональных позиций, свойственных им точек зрения и способов освоения действительности.

Одним из *инструментов* развития проблемно-ориентированных форм индивидуальной и коллективной мыследеятельности выступает в ОДИ *конструктивная организация конфликта*. Задача конфликтной организации взаимодействия — стимулировать *самодетельность* членов группы, объединенных в рамках игровой ситуации, обнажить противоречия между мнениями узких специалистов по отношению к междисциплинарной проблемной ситуации. Столкновение различных точек зрения, конституирующих конфликтную ситуацию, выявление и осознание их полной или частичной несовместимости искусственно организуется игротехниками как необходимый этап, ко-

¹⁶⁷ «Все мистическое и магическое, все героическое, все мусическое, логическое и пластическое ищет себе форму выражения в благородной игре. Культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре. Антитетический и агонистический базис культуры лежит в игре, которая старше и первичнее любой культуры...

Готовое объяснение этой однотипности, этого подобия лежит в самой человеческой натуре, которая постоянно стремится ввысь, неважно, будет ли эта высь земной славой и превосходством или победой над всем земным. Игра и есть та самая врожденная функция, благодаря которой человек осуществляет это стремление» (*Хейзинга* 1992, с. 91).

торый должны пройти участники игры на пути разрешения той предметно-тематической проблемы, ради которой проводится конкретная игра.

Конфликт используется в этих играх как инструмент *проблематизации* таких общезначимых общественных проблем, как действенное средство субъективации таких объективно сложившихся проблемных ситуаций, их оформления и присвоения участниками игры. Он здесь призван выполнять вполне определенную *продуктивную функцию* — оформлять различие в подходах и точках зрения людей, являющееся источником междисциплинарных проблем.

Но для того чтобы социальное взаимодействие могло выполнить такую функцию, ему должна быть придана определенная конструктивная организация, оно должно обрести форму так называемого «содержательного конфликта». Задача создания такой формы в ОДИ возложена на две организационно-методологические группы игротехников. Одна из них, «группа взаимодействий», организует и отвечает за *активизацию* самого конфликтного взаимодействия и его *объективацию*. Другая — за содержательность этого взаимодействия и его специфическую продуктивность — *проблематизацию*. Эти группы по отношению к участникам игры реализуют оргтехническое отношение и вместе с ними конституируют оргтехническую (социотехническую) систему. Процессуальная структура конфликта зажата здесь между процессами тематизации и выработки принципиального задания, встроена в объемлющую оргтехническую систему ОДИ.

Задача первой игротехнической группы — прояснить, прописать, сделать очевидной для всех участников различия их исходных позиций не на вербальном, а на мыследейственном уровне, на уровне реального противодействия (в форме активной критики в непосредственной коммуникации занимаемых позиций и свойственной им ограниченности). Задача второй — конструктивное оформление противодействия, переводение конфликтного противодействия в содержательную плоскость мыслительной действительности как конфликта «не людей, а точек зрения, позиций определенных, или, иначе говоря, систем средств» (*Шедровицкий 2005*)¹⁶⁸.

Работа этих групп не изолированный акт, а перманентная игротехническая деятельность поддержания и удержания взаимодействия участников игры в определенных рамках — в частности, сохранения

¹⁶⁸ Ср. с не раз уже упоминавшимся принципом «метода принципиальных переговоров» Р.Фишера и У.Юри — отделения «проблемы людей» от «проблемы предмета переговоров».

содержательности и предотвращения «сваливания» конфликта в коммунальный, «выяснения отношений» между участниками¹⁶⁹.

«Здесь начинается свободная игра, конкуренция всех со всеми, проявляющаяся в продуцировании конфликта. Смысл нашей работы не в том, чтобы погасить этот конфликт и заменить его работой, а в том, чтобы превратить этот конфликт из коммунального в содержательный и за счет этого создать подлинную проблемную ситуацию и зафиксировать ее в совокупности социально и культурно значимых проблем» (*Щедровицкий* 2005, с. 160). Разрешение содержательного конфликта оказывается в ОДИ одновременно и разрешением проблемной ситуации.

В какой мере содержательный конфликт может рассматриваться как социальный конфликт (в том смысле, в котором это понятие используется в настоящей книге)? Другими словами, может ли такой конфликт рассматриваться в качестве частного случая, одного из конкретных видов социального конфликта?

Общая схема разрешения конфликта во ОД-модели предполагает релятивизацию, преобразование и легитимацию парадигматик взаимодействующих сторон за счет выхода через пространство рефлексивных состояний в мысле-коммуникативное пространство переговоров. Разрешение содержательного конфликта предполагает распремечивание и «растормаживание» профессиональных и личностных позиций участников игры (т.е. релятивизацию их парадигматики) и выход через мысль-коммуникацию в пространство чистого мышления для разрешения отрефлексированной проблемы (т.е. преобразование исходных парадигматик). Движение в общем мыслительном пространстве для разрешения проблемы, совместно найденное решение обеспечивают их легитимацию. Таким образом, есть основание полагать, что разрешение содержательного конфликта следует общей схеме ОД-модели.

Нетрудно отметить и чем отличается инструментальный, в данном случае ОДИ-конфликт, от первичного социального конфликта. ОД-модель конфликта предусматривает возможность его разрешение за счет выхода или в пространство конструктивного противодействия (конкуренции), или в пространство конструктивного содействия (сотрудничества). ОДИ же организуется для коллективного, т.е. совместного, разре-

¹⁶⁹ Игротехническая работа при всем ее ситуативно-игровом характере существенно опирается на логико-семиотические и логико-педагогические средства и представления, выработанные в СМД-методологии (см. например: *Щедровицкий* 1995). Их использование и адаптация к условиям конкретной проблемной ситуации в ОДИ – работа еще одной игротехнической группы – «методологии».

шения проблемной ситуации. Поэтому содержательный конфликт конструируется для выхода только в пространство сотрудничества.

Содержательный конфликт организуется в особом, искусственно созданном *игровом пространстве*, дистанцированном от того пространства, где складывается социально значимая проблемная ситуация. Поэтому протекание и разрешение конфликта не влечет за собой однозначных социально значимых последствий.

В этом условном пространстве проблемная ситуация только имитируется, поскольку игровое пространство является лишь особой проекцией исходного социального пространства, вынесено за его непосредственные границы. Имитация осуществляется за счет того, что в пространство ОДИ переходят специалисты-профессионалы, субъекты реальных проблемных ситуаций со всеми присущими им личностными особенностями, профессиональными компетенциями и видением ситуаций.

Дистантность определяется тем, что в игровом пространстве происходит *очищение* имитируемой ситуации от случайных и второстепенных ее обстоятельств и *освобождение* участников от многих жизненно значимых для них обусловливаний, но нейтральных или лишь затемняющих предметно-тематическое содержание проблемной ситуации. Это — освобождение от ситуационно обусловленной социальной ответственности и принятие экзистенциальной ответственности (перед самим собой). Такое освобождение/принятие оказывается одновременно высвобождением творческой энергии участников.

Игровое пространство ОДИ целенаправленно организуется в виде особой системы деятельности. Чтобы подчеркнуть конструктивный, искусственный характер этой системы, ее часто именуют мегамашинной деятельностью, которая, как и всякая другая машина, специально создается для выполнения определенного рода полезной работы (с определенными КПД, отходами, сырьем, потреблением энергии, рабочим процессом с его механизмами). Отличие этой мегамшины от механических машин лишь в том, что все ее рабочие элементы «изготавливаются» не из природного материала, а из организованностей человеческой деятельности. Содержательный конфликт включается в эту мегамашину на правах механизма, поддерживающего ее «рабочий» процесс, что придает ему вполне определенную направленность¹⁷⁰. Это в конечном счете и

¹⁷⁰ Можно предложить грубую, но довольно прозрачную аналогию: первичный конфликт отличается от инструментального по характеру возникновения, протекания и последствиям настолько, насколько пожар — неконтролируемый процесс горения, причиняющий материальный ущерб, вред жизни и здоровью людей — отличается от сгорания топлива в отопительной системе.

обуславливает его инструментальную специфику как механизма, обеспечивающего процессы индивидуального и группового развития.

Идеи и гуманитарные технологии, разработанные и практикуемые в организационно-деятельностных играх, были использованы для создания различных модификаций деловых игр – в частности, в так называемых «деловых иммитационных играх».

«Игровые ситуации выступают как фрагменты организационной реальности, несущие в себе “гены” организационного порядка данной организации. Этот порядок и становится объектом самого пристального изучения и развития. Практически, такие ситуации создаются в игре несколькими способами. Например, при “разминке” по Тавистокской модели, когда организаторы дают участникам игры возможность реализовать принятые в организации способы взаимодействия и поведения, а также способы решения проблемы так, как они делают в производственных условиях. Или при создании конфликтных ситуаций, в которых участники начинают действовать по стереотипам, принятым в данной организации. И в первом, и во втором случае эти фрагменты естественной организационной реальности становятся предметом рефлексии, проблематизации и критики. Они как бы отчуждаются от участников, переносятся “на приборную доску” анализа и подвергаются декомпозиции по элементам технологии деятельности: какие цели преследовали участники, какова проблема или задача, которую они пытались решить, кто и какие средства при этом использовал и т.д.» (Дудченко 1982).

Педагогический конфликт – уже устоявшийся концепт современной педагогики. Она исходит из того, что взаимодействие учителя с учащимися происходит в различных ситуациях, причем в норме эти ситуации создает учитель и применяет их в педагогических целях для организации учебной деятельности учащихся. Такие ситуации именуется педагогическими, и полагается, что они имманентно присущи процессу обучения и общению учителя и учащихся, что невозможно работать с учащимися без конфликтных ситуаций.

Обычно выделяют несколько типов потенциально конфликтных педагогических ситуаций – в «деятельности», «поведении» и «отношениях». Конфликтные ситуации «деятельности» возникают по поводу отказа учащегося выполнить задание, по поводу их успеваемости и т.п.. Ситуации «поведения» возникают, как правило, в связи с нарушениями учащимися правил поведения, дисциплины. А ситуации «отношений» возникают тогда, когда затрагивают интересы учащихся и учителей в процессе общения или деятельности, вызывающие сильные эмоциональные реакции.

Предполагается, что конфликтные ситуации и конфликты могут быть как порождены объективными обстоятельствами независимо от воли и желания людей, так и возникать и по инициативе оппонентов. При этом каждая конфликтная ситуация, возникающая на уроке стихийно или смоделированная педагогом, должна рассматриваться как источник развития ее участников.

Школьный педагогический конфликт продуктивен для стимуляции интеллектуального потенциала учащихся, если конструируется на актуальном для школьников материале, включает учет позиций и мнений учащихся, предполагает постановку острых и спорных вопросов в рамках групповых дискуссионных форм обучения. Роль педагога состоит здесь прежде всего в прояснении, повторении и детализации высказываемых мнений, поддержании стремления школьников обострить конфликтную ситуацию, желания отстоять собственное мнение. Любая высказанная идея должна всесторонне прорабатываться участниками, должен стимулироваться поиск веских аргументов в ее пользу.

Для активизации конструктивного содержания конфликта используются различные педагогические приемы — с целью управления развитием созданного познавательного конфликта, предупреждения эмоциональных срывов и купирования накала страстей.

Своеобразным мостом, демонстрирующим связь между инструментальными конфликтами в игре и в обучении, может служить так называемая игровая педагогика — прямое продолжение идей СМД-методологии и практики ОДИ. Неудивительно, что эта педагогика исходит из идеи, что конфликт есть неперемное условие воспитания и обучения.

Так, с точки зрения такой педагогики задача воспитателя подвести детей к реальному конфликту в детском коллективе и начать разыгрывать его так, чтобы ребенок начал работать над собой, преодолевал себя, и если он не приобретет опыта реальных переживаний, колебаний по поводу тех или иных поступков, то никакого воспитания реально не будет.

Воспитание соответствующих личностных качеств и отношений, (нравственных, этических), возможно здесь только на материале игровых межличностных отношений, в условиях, когда возникают конфликты. Конфликты грозят разрушить совместную деятельность, и тогда вырабатываемые нравственные качества и принципы выступают как средства выхода из конфликта, преодоления его (Педагогика... 1993). Но конфликт этот должен быть конструктивно организован, чтобы деструктивность противодействия не разрушила всю совокупность совместной деятельности, игру, коллектив. И проблемы здесь

ищутся на пути введения принципов, которые регулировали бы процесс такого взаимодействия и удерживали его в определенных рамках.

Кредо этой педагогики – нет конфликтов, нет саморазвития. Поэтому настоящий воспитатель должен создавать конфликты, не пуская их на самотек, он должен управлять их *развертыванием* (искусственно-естественным изменением) – только тогда они становятся педагогическим средством.

Учение-обучение, учебные ситуации изначально связаны с развитием способностей, умений, навыков и обеспечивающих их функциональных психологических структур. Специфика учебных ситуаций и состояний любого учащегося в них – это особое отношение к себе, практика «самого себя», самоизменения, создания новых структур и перестроения, ломки прежних.

Ситуация обучения (педагога) уже предполагает существование ситуации учения (учащегося). Учение же может осуществляться и независимо от деятельности педагога – в форме самообразования. Это позволяет рассматривать ситуацию учения-обучения как взаимодействие, объединение двух деятельностей и двух ситуаций – *ситуации обучения* для педагога и *учебной ситуации* для учащегося – в одну ситуацию и совместную деятельность педагога и учащегося. Это происходит только в тех случаях, когда педагог может контролировать и организовывать деятельность учащегося и руководить ею. В этом и только в этом случае происходит объединение этих двух деятельностей в одну, педагог с учащимся выступают как партнеры по некоторому реальному взаимоотношению и по некоторой деятельности, и сама коммуникация, само общение между ними через учебный материал или поверх него принимает форму того, что называется *обучением*, т.е. становится средством и процессом самого обучения.

Центральным ядром этой организации становится подготовка игровых столкновений (конфликтов) и формирование заинтересованности в их содержании (противоречивых представлениях о «будущем»).

Например, при обучении навыкам управленческой деятельности предлагается исходить из того, что «ученик тренируется и набирает опыт. Он экспериментирует и “учится на ошибках”. Ему необходимо «пощупать» объекты будущей деятельности. Для этого годятся знаки, знания, системы знаний, развернутые в тренажеры (например, имитационные и другие игры), на которых можно проверить разные способы употребления схем. Приходится обращаться к игровым формам, имитирующим не ситуации, “откуда игроки вынуты”, а ситуации “куда они смогут и должны попасть”, ситуации мыслимого/немыслимого будущего.

Традиционная классно-урочная система не приемлет игровые «несуразности», поэтому для освоения техник схематизации нужна особая организация учебных ситуаций – пространство и время для столкновений учебных групп и содержательного анализа столкновений (игры схем). Эта организация должна обеспечить создание конфликтов “под колпаком” организаторов, проявление личной заинтересованности участников, содержательных столкновений групп с разными ценностными ориентациями» (Зинченко 2001, с. 10).

Для современных практик организационного развития также характерно использование игровых приемов при проведении семинаров, организации консультационных и тренинговых процедур и т.п. В частности, в процессе проведения «инновационных семинаров», конфликт используется как один из их основных инструментов, выступает как мощное средство, запускающее механизмы саморазвития группы. Он позволяет обнажить истинные мотивы участников, их скрытые намерения и неосознаваемые стремления. В процессе такого конфликта его участники становятся более откровенными и игровая ситуация очищается от всего наносного, внешнего, искусственного, придуманного, от ложных интерпретаций и вносимых искажений.

Здесь принципы организации инструментального конфликта являются своеобразной адаптацией и модификацией принципов содержательного конфликта ОДИ. Определение состава участников семинара, их отбор – это прерогатива организатора-консультанта. Как и в рамках содержательного конфликта, задачей организатора конфликта является отделение содержания некоторого объективного противоречия от личностного, эмоционального отношения к нему, выявление, прорисовка позиций участников конфликта, анализ преимуществ и недостатков (ограничений) каждой из них, их соизмеримости/несоизмеримости друг с другом и т.п.

Отличие от ОДИ связано с преимущественным акцентированием внимания на психотехнических процедурах. Так, «важным техническим приемом, используемым многократно при организации содержательной работы, оказывается переход к эмоциональному противостоянию участников как к предмету обсуждения. Главная цель приема – снятие негативного напряжения. Этот прием используется многократно, до полного снятия личностного, эмоционального противостояния участников» (Дудченко 2007, с. 303). А на последней фазе конфликта, выход из него предполагает такую работу над собой, которая позволила бы снять негативные коннотации образа партнера, предотвратить формирование «образа врага».

Основной акцент здесь делается на том, что участники должны выйти из конфликта, удовлетворенные содержательным решением,

справедливостью процедуры выработки решения и отношениями друг с другом («треугольник удовлетворенности»).

Сложилось и особое направление оргуправленческих теории и практик – «организационный конфликтменеджмент», – ориентированное на инструментальное использование конфликтов в качестве источников инновационной деятельности. Организационный конфликтменеджмент рекомендует себя в качестве технологической дисциплины, занимающейся практической разработкой технологий регулирования конфликтов в процессах реализации инновационных проектов. С этим направлением связана социализация и профессионализация специализированной группы управленцев – конфликтменеджеров, обладающих компетенцией организации и интерпретации конфликтов, способных создавать в организации информационно-коммуникативную среду, позволяющую сохранять креативный потенциал, необходимый для внедрения организационных инноваций (см., например: Цой 2007).

Заключение

В настоящей книге представлена разработанная автором общая теория конфликтов. В своей работе автор исходил из фундаментальной идеи о «регулятивной» (а не «предметной», как у других исследователей) природе конфликтов и определенной онтологии социокультурных явлений – как особого вида *мыследеятельности* – родовой абстракции коллективного социального взаимодействия – в соответствии с основными принципами СМД-подхода.

На основе предложенного типологического различения конфликтных и неконфликтных типов социального взаимодействия и принципиальной оргдеятельностной модели первичного конфликта как деструктивного противодействия были рассмотрены и предложены вполне определенные ответы на традиционные вопросы конфликтоведения.

Выбор в качестве исходного эмпирического базиса для модели «первичного конфликта» области так называемых социальных конфликтов отнюдь не предопределил ее значимость лишь как модели частного вида конфликтного взаимодействия. Было продемонстрировано, что введенные представления о конфликте приложимы и к тем явлениям, которые далеко выходят за рамки узко понимаемых социальных конфликтов. Другими словами, введенная модель имеет обобщенный характер и может претендовать на статус общеконфликтологической модели конфликта.

Целью автора была разработка теоретико-методологического, оргдеятельностного *подхода* к конфликтным явлениям, а не разработка предметной *теории*. Это позволило отвлечься от широкого разнообразия *предметных условий* конфликтных взаимодействий, без учета которых невозможны конкретный анализ тех или иных собственно эмпирических конфликтов и выработка предметно-специфических операциональных средств их разрешения.

При известной общности и непосредственной связи теоретического содержания *подхода* и *теории* между ними есть существенная разница. Теоретико-методологический подход задает лишь определенные внешние категориально-типологические рамки для предметной теории, позволяя отделить конфликтные взаимодействия от других видов социального взаимодействия – за счет выделения существенных образующих этого взаимодействия и противопоставления их другим его видам и формам.

В рамках подхода разрабатываются лишь общие конфликтоведческие принципы, основанные на анализе простейшей и всеобщей формы конфликтного взаимодействия. А уже на основе теоретико-методологического подхода могут быть в дальнейшем развернуты собственно предметные теории определенных видов конфликтного взаимодействия, позволяющие рассматривать не только элементарные, но и сложные, многосоставные конфликты интегративных субъектов социального действия разной степени общности. Ведь реальные конфликты редко демонстрируют свое существо в чистом виде и переплетены с другими формами взаимодействия.

Теоретическое рассмотрение конфликтных явлений требует по необходимости их представления в виде идеального объекта, в качестве которого в этой книге выступает регулятивная модель конфликта. Эта модель описывает конфликт как единичное, изолированное явление, и ее использование в качестве операционального средства для анализа эмпирических конфликтов продуктивно только тогда, когда удается их представить как такие единичные явления или разложить на совокупность таких явлений, каждое из которых может анализироваться отдельно.

В конфликтной практике подобные явления именуются обычно моноконфликтами. Но часто, даже тогда, когда в коллективном социальном взаимодействии удастся аналитически выделить такие моноконфликты, для практики разрешения конкретных конфликтных ситуаций это оказывается недостаточно, поскольку такие отдельные конфликты могут накладываться друг на друга и друг друга усиливать. А это существенно усложняет аналитическую картину конфликтных явлений и требует разработки специализированных средств их анализа и разрешения.

Такие сложносоставные конфликты могут быть как однородными, так и разнородными, т.е. происходящими в разных предметных измерениях социальной реальности (социокультурном, политическом, организационном, экономическом и т.п.). Наверное, самая эмпирически очевидная связь их образующих — в рамках любой модели конфликта — это связь через субъектов конфликтного взаимодействия. Скажем, один и тот же индивид может быть участником организационных конфликтов с начальством, подчиненными и сотрудниками, как это часто бывает с конфликтными личностями. Или, когда участник одного конфликта (скажем семейного) «срывает» накопившееся раздражение на посторонних людях, используя для этого конфликтную форму взаимодействия по любому поводу. Это «раздражение» окажется разным по типу «ресурсом» в разных моделях конфликта.

В некотором смысле противоположный вариант субъектной связи конфликтных взаимодействий – случай интегративных, групповых субъектов. «По факту» конфликтное взаимодействие интегрального субъекта складывается из отдельных конфликтов частных субъектов. Характерный пример – межэтнические конфликты. Идентичность отдельных их участников с интегральным субъектом обеспечивается посредством тех фундаментальных духовных значений, которые выступают в роли парадигматики межэтнического взаимодействия, а каждый «частный» конфликт воспринимается как проявление общего межэтнического конфликта. Стимулом для развертывания одного частного конфликта под воздействием другого в этом случае часто выступает, в равной мере, как успех, так и неудача другого частного конфликта в их общем «деле».

Совсем иной характер связи можно обнаружить в конфликтах, развертывающихся по образцу «успешных», в негативном смысле, конфликтов, когда между их субъектами нет никакой реальной связи, но они принадлежат, скажем, к одному типу – сюжет, неоднократно обыгранный в разного рода криминальных фильмах. Например, когда по «образу и подобию» одних преступлений, широко освещаемых СМИ, совершаются другие и т.п.

Но все это – эмпирические описания, в которых под конфликтами обычно подразумеваются любые формы социального взаимодействия. Описания, не затрудняющие себя объяснением механизмов их связи, воздействия друг на друга. Принципы такой связи зависят от используемой теоретической схемы. Именно она должна обосновывать возможность влияния «одного» конфликта на «другой».

С разработкой такой схемы, теоретически обосновывающей принципиальную связь конфликтных явлений, мы связываем перспективы дальнейшего развертывания регулятивной модели конфликта на основе оргдеятельностного подхода.

Литература

- Акофф Р. и Эмери Ф.* О целеустремленных системах. М., 1974.
- Анциупов А.Я.* Эволюционно-междисциплинарная теория конфликта // Конфликт и личность в изменяющемся мире. Ижевск, 2000 / www.i-u.ru - <http://www.vusnet.ru/biblio>.
- Анциупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология. М., 1999.
- Барклянский Ю.А.* Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом») // Социологические исследования, № 12, 1991.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Л., 1992.
- Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
- Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. Москва-Воронеж, 1997.
- Бойко В.В., Ковалев А.Г.* Конфликты в трудовом коллективе и пути их разрешения // Психологический журнал. Т. 4. № 3. 1983
- Бородкин Ф. М., Коряк Н. М.* Внимание: конфликт! М., 1989.
- Бородкин Ф.М.* Социальный конфликт сквозь культуру // Мир России. № 1. 1999.
- Бродаль Х.* Девять ступеней вниз, или ссоры – конфликты – войны / Знание – сила. № 11. 1991.
- Бурдьё П.* Некоторые свойства полей // Bourdieu Pierre, Quelques propriétés des champs // Questions de sociologie. Paris: Editions de Minuit, 1984. / <http://bourdieu.name/content/pole-nauki>.
- Буртова Е.В.* (сост.) Конфликтология. М., 2002.
- Витюк В.В.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1, М., 1991.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т. 3. М., 1983.
- Генисаретский О. И.* Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М.: Наука, 1970.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
- Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.
- Гоббс Т.* Левиафан. М., 1936.
- Головкин В.А.* Теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (обсуждение за «круглым столом») // Социологические исследования, № 12, 1991.

- Горелов А.А.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Гостев А.А., Соснин В.А., Степанов Е.И.* На путях становления отечественной конфликтологии // Психологический журнал. № 2. 1996.
- Гришина Н.В.* Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. № 1. 1997.
- Гришина Н.В.* Обучение психологическому посредничеству в разрешении конфликтов // Социальная психология в трудах отечественных психологов. СПб., 2000.
- Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб., 2008.
- Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. № 5. 1994 / www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/03/16/0000205960/019_darendorf.pdf.
- Дарендорф Р.* К теории социального конфликта. М., 1995. / azps.ru/polpsy/lib/konflikt_darendorf.html.
- Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С.* Предмет и объект конфликта // Политическая конфликтология. Хрестоматия. Москва – Нижний Новгород, 2002.
- Дойч М.* Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. 1997.
- Донцов А.И., Полозова Т.Л.* Проблема конфликта в западной социальной психологии // Вопросы психологии. № 6. 1980.
- Дудченко В.С.* Онтогенез конфликта (к методологии исследования) // Социологические исследования. № 10. 1996.
- Дудченко В.С.* Саморазвитие. М., 2007.
- Дудченко В.С.* Деловая игра как метод исследования и развития организации / <http://psyfactor.org/igra.htm>.
- Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. № 2. 2000.
- Здравомыслов А.Г.* Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // На пути к теоретической конфликтологии. 1993 / <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/>.
- Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М., 1995.
- Зеркин Д.П.* Основы конфликтологии. Ростов-на-Дону. 1998.
- Зинченко А.П.* Игровая педагогика // Кентавр. № 25. М., 2001.
- Ерина С.И.* Ролевой конфликт и его диагностика в деятельности руководителя. Ярославль, 2000 / www.i-u.ru - www.vusnet.ru/biblio.
- Иордан М.* Наука национального примирения // Общественные науки и современность. №4. 1992.
- Кант И.* Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. Право и свобода. М., 2000.

- Кассирер Э.* Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М. – СПб., 2001.
- Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000.
- Козер Л.А.* Завершение конфликта // *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-пресс, 2000 / www.i-u.ru - <http://www.vusnet.ru/biblio>.
- Конфликт в конструктивной психологии. Материалы научно-практической конференции. Красноярск, 1990.
- Конфликтология. Хрестоматия. Ростов-на-Дону. 2001.
- Краснов Б.И.* Конфликты в обществе // Социально-политический журнал. №№ 6-7. 1992.
- Куликов В., Галицкий В.* Применение психологического воздействия в конфликтных ситуациях // Проблемы психологического воздействия. Иваново, 1979.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
- Лапланиш Ж., Понталис Ж.Б.* Словарь по психоанализу. М., 1999.
- Левин К.* Психолого-социологические проблемы меньшинств // Психология личности: тексты. М., 1982 / www.i-u.ru - // www.vusnet.ru/biblio.
- Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.
- Леонов Н.И.* Онтологическая сущность конфликтов // Конфликт и личность в изменяющемся мире. — Ижевск, 2000a / <http://www.vusnet.ru/biblio>.
- Леонов Н.И.* Номотетический и идеографический подходы в конфликтологии // Конфликт и личность в изменяющемся мире. — Ижевск, 2000б / <http://www.vusnet.ru/biblio>.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
- Мастенбрук В.* Переговоры. Калуга, 1993.
- Мелибруда Е.* Я – Ты – Мы: психологические возможности улучшения общения. М., 1986.
- Мерлин В.С.* Индивидуализация социальных схем и регуляция свойств индивидуума социальными схемами // Международных коллоквиум по социальной психологии. Тбилиси, 1970.
- Моисеев Н.* Коллективные решения и «институты согласия» // Конфликтология. Хрестоматия. Ростов-на-Дону, 2001.
- Нарочницкая У.А.* Этнонациональные конфликты и их разрешение (политические теории и опыт Запада). М., 2000.
- Нечипоренко Л.А.* Буржуазная «социология конфликта». М., 1982.
- Никовская Л.И.* Трансформация в России с точки зрения теории конфликта // Социологические исследования. № 9. 2006 / <http://www.ecsocman.edu.ru/socis>.

- Новикова Т.В.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1. М., 1991.
- Олпорт Г.* Становление личности. Избранные труды. М., 2002.
- Педагогика и логика (1968). М., 1993.
- Петровская Л.А.* О понятийной схеме социально-психологического анализа конфликта // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977 / <http://www.vusnet.ru/biblio>.
- Петровская Л.А.* Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977.
- Пископнель А.А.* Конфликт: социокультурное явление и научное понятие // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. М., 1994.
- Пископнель А.А., Сергиенко С.К., Щедровицкий Л.П.* К понятию индивидуальной деятельности в инженерно-психологическом проектировании // Развитие прикладных психологических исследований и разработок. Красноярск, 1986.
- Пископнель А.А.* Осевая реальность этнического пространства // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 7. М., 2000.
- Пископнель А.А.* Концептуальные предпосылки организационно-деятельностной модели социального конфликта // Вопросы психологии. №6. 2002.
- Пископнель А.А.* Рефлексия в оргдеятельностной модели социального конфликта // Социальный психолог. Вып. 2. 2005.
- Пископнель А.А.* Гуманистический принцип личности и предмет психологии // Методология и история психологии. Предмет психологии. Т. 1. Вып. 1. 2006.
- Пископнель А.А.* Педология и психотехника: исторический опыт методологического оформления и обоснования комплексных научно-технических дисциплин // Методология и история психологии. Т. 1. Вып. 2. История психологии. 2006.
- Политическая конфликтология. Хрестоматия. Предисловие. М. – Н.Новгород, 2002.
- Преториус Р.* Теория конфликта // Политические исследования. № 5, 1991.
- Проблемы методологии в эргономике. М.: ВНИИТЭ, 1979.
- Психологический словарь. М., 1983.
- Решетникова К.В.* Теоретико-методологические основы типологии позиционных конфликтов // Социологические исследования №7. 2003. www.ecsocman.edu.ru/socis.
- Розин В.М.* К различению понятий «знак», «знание», «схема», «модель», «идеальный объект» // Личность. Культура. Общество. Т. XII, Вып. 3. 2010.

- Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.
- Рокитянский В.Р.* Этнос как проект // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 2, М., 1995.
- Рыбаков С.Е.* Философия этноса. М., 2001.
- Саймон Г.* Науки об искусственном. М., 1972.
- Семенов В.А.* Трансформационный подход в теории конфликта / <http://aconflict.ru/2008/08/13/va-semenov-transformacionnyj-podход-v-teorii-konflikta/> 2008.
- Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 1, М., 1991.
- Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технология разрешения. Вып. 2, М., 1992.
- Степанов Е.И.* Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии // Человек. № 2. 1998 / <http://www.ecsocman.edu.ru/socis>.
- Тернер Дж.* Социологическое наследие К.Маркса и его значение для современной конфликтологии // Конфликтология. Хрестоматия. Ростов-на-Дону, 2001 а.
- Тернер Дж.* Георг Зиммель и конфликтный функционализм // Конфликтология. Хрестоматия. Ростов-на-Дону, 2001 б.
- Уразметов Т.З.* Баланс «диалог – конфликт» этнокультурных систем // Личность, Культура. Общество. Т. XII. Вып. 3. 2010.
- Федотова И.Г.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1, М., 1991.
- Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию. Или переговоры без поражений. М., 1992.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
- Хасан Б.И.* Конструктивная психология конфликта. С-Пб, 2003.
- Хасан Б.И., Сергоманов П.А.* Разрешение конфликтов и ведение переговоров. Красноярск – Москва, 2001.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens. М., 1992.
- Холь И.* Невротический конфликт // Ключевые понятия психоанализа. С.Петербург, 2001.
- Хьюбнер К.* Критика научного разума. М., 1994.
- Цой Л.Н.* Организационный конфликтменеджмент: 111 вопросов, 111 ответов. М., 2007.
- Чешко С.В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. № 6. 1994.

- Чумиков А. Н.* Конфликтология социальных отношений как комплексная научная дисциплина и практическая специализация // www.ecsocman.edu.ru/socis.
- Шаленко В. Н.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1, М., 1991.
- Шейнов В.* Конфликты в нашей жизни. Минск, 1997.
- Шило И. Н.* Конфликт как предмет социологии организаций // Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы I Международного конгресса конфликтологов). М., 2001.
- Щедровицкий Г. П., Садовский В. Н.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике; психологии и языкознании. Сообщения I—III // Новые исследования в педагогических науках, Вып. 2,4,5. М., 1964-1965 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Материалы к симпозиуму по логике науки. Киев, 1966 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Системно-структурный подход в анализе и описании эволюции мышления // Мышление и общение. Материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследование рече-мыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974.
- Щедровицкий Г. П.* Исходные представления о категориальных средствах теории деятельности // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании. М., 1975 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования. М., 1981 а (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Анализ ситуаций и ситуационное управление. Доклад на VI Всесоюзном симпозиуме по ситуационному управлению. 1981 б // Архив Г. П. Щедровицкого Арх. № 3738.
- Щедровицкий Г. П.* Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986. М., 1987 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).
- Щедровицкий Г. П.* Методологический смысл оппозиции натуралистического и системнодеятельностного подходов // Вопросы методологии. № 2. 1991 (а также: *Г. П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995).

- Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М., 1984 (а также: *Г.П.Щедровицкий. Избранные труды.* М., 1995.
- Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995.
- Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 9 (1). М., 2004.
- Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 9 (2). М., 2005.
- Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. М., 2005.
- Эфиров С.А.* Круглый стол // Социальные конфликты: Экспертиза, Прогнозирование, Технология разрешения. Вып. 1, М., 1991
- Ядов В.Я.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Якимец В.Н., Никовская Л.И.* Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социология конфликта. 2005 / www.ecsocman.edu.ru/socis.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М., 1999 / <http://i-psy.ru/content/view/85/116>.
- Coakley J.* Introduction: The Territorial Management of Ethnic Conflict // The Territorial Management of Ethnic Conflicts. Ed.: J. Coakley. London: Frank Cass & Co.Ltd., 1993.
- Coser L.* The Functions of Social Conflict. *New York: The Free Press*, 1956.
- Darendorf R.* Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft», Ferdinand Enke, Stuttgart. 1957.
- Darendorf R.* Classes and Clas Conflict Society. Standorf, 1965.
- Deutch M.* The resolution of conflict: constructive and destructive processes. New Haven and London. 1973.
- Katz D. & Schanck R.L.* Social Psychology. N-Y: John Wiley & Sons. 1938.
- Piskoppel A.A.* Relativization of The Conflict Space. In J.Willby and J.K.Allen, eds. *Proceedings of the 45-th. Annual Conference of the International Society for the Systems Sciences*, Asilomar, CA, July 8-13, 2001.
- Piskoppel A.* Duality of Conflict. In J.K. Allen and J. Wilby (eds.) *Proceedings of the World Congress of the System Sciences and International Society for Systems Sciences 44th Annual Meeting*, July 16-22, 2000 (CDROM).
- Pruitt G.D., Rubin J.Z.* Social Conflict. Escalation, Stalemate and Settlement. N.Y.: Random House. 1986.
- Rapoport A.* Conflict in Man-Made environment. Baltimore. 1974.
- Rummel R.J.* Peace Endangered. The Reality of Detente. Beverly Hills (Cal.); London: Sage Publ., 1976.

Schafer R. Language and insight. New Haven: Yale University Press. 1978.
Walton R.E. Managing Conflict. N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company,
1987.

Научное издание

Пископелъ Анатолий Альфредович

**Конфликтное взаимодействие
методология и теория**

Дизайн-макет Л.П.Щедровицкий

Гарнитура NewtonС

Тираж 200 экз.

Заказ №

Издательство «Наследие ММК»

Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.